

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2009, № 3

Серия издается с 2002 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Зверев В.В.** Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» 5
- Марченя П.П.** Психология масс и партий в русской революции: от Февраля к Октябрю 1917 г. 23
- Гаврилов А.Ю.** От Февраля к Октябрю 1917 г.: роль меньшевиков в политической жизни России 35
- Юркевич А.Г.** Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е) 41
- Сапон В.П.** «Так умирали цветы анархизма...» (о секретной поездке Николая Доскаля-Эссирного в Нижегородскую губернию в 1926 г.) 49
- Лавринов В.В.** Репрессии в отношении церкви на Урале в 1930-е гг. 54

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Богатырев Э.Д.** Экспортноориентированная казенная промышленность России в условиях модернизационных процессов конца XVII — первой половины XVIII в. 65

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ

- Савосичев А.Ю.** Дьяк Федор Мишурун: судьба приказного бюрократа XVI в. 76

Балова М.Б. «Означенные подтверждения оставляются без внимания и исполнения»: Архангельское губернское правление в первой половине XIX в.	88
---	----

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Смирнова Т.М. Чистки соваппарата как часть повседневности 1920—1930-х гг.	103
Скорик А.П., Самсоненко Т.А. «Три бубенщика, два транзелиста, два бунчука»: трансформация культурной повседневности казачьих станиц Юга России в 1930-е гг.	121
Суржикова Н.В. «Мы были в шоке»: Советский плен и интернирование как стресс аккультурации	132
Колесникова А.Г. Образ врага периода «холодной войны» в детективно-приключенческих фильмах 1950—1980-х гг.: зрительская аудитория и проблема исторической памяти	144

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Бартенева И.Ю. Переселенческий Пишпек: от казачьего пикета царской России до городского статуса	154
--	-----

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ

РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Борисов В.А. К 50-летию РУДН: опыт организации внеаудиторной работы со студентами инженерного факультета	165
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Диссертационный Совет Д 212.203.03 в Российском университете дружбы народов в первой половине 2009 г.	169
--	-----

НАША БИБЛИОГРАФИЯ

Основные научно-методические публикации, доклады и сообщения на научных конференциях преподавателей кафедры истории России РУДН за 2008 г.	179
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	183
--------------------------	-----

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2009

© «Вестник Российского университета дружбы народов», 2009

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

RUSSIAN HISTORY

2009, N 3

Series founded in 2002

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

- Zverev V.V.** The image of reformative populism (narodnichestvo) in Russian Historiography from the 20s years of the 20th to the beginning of the 21th Century 5
- Marchenya P.P.** Psychology of masses and parties in russian revolution: from February to October 1917 23
- Gavrilov A.U.** From February to October, 1917: the role of the «Mensheviks» in the political life of Russia 35
- Yurkevich A.G.** Soviet advisors and the kuomintang's strategy of military construction in 1920s 41
- Sapon V.P.** Flowers of anarchism were dying this way... (about conspiratorial trip of Nikolaj Doskal'-essirniy to Nizhegorodskaya province in 1926) 49
- Lavrinov V.V.** Repression against the russian orthodox church in the Urals in the 1930s 54

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- Bogatyrev E.D.** Export-oriented state industry of Russia in Modernizing Process at the End of 17th — the First Half of the 18th Century 65

HISTORY OF RUSSIAN BUREAUCRACY

- Savosichev S.U.** Clerk Feodor Mishurin: fortune of departmental bureaucrat of 16th Century 76

Balova M.B. «Noted Statements Lack Attention»: Archangelsk provincial government in the first half of the 19 th Century	88
---	----

RUSSIAN EVERYDAY HISTORY

Smirnova T.M. Purges of the soviet state apparatus as factor of everyday life in the 1920—1930s	103
Skorik A.P., Samsonenko T.A. «Three bubenshiks, two transelists, two bunchuk»: Transformation of culture Everyday life of South Russia Cossack village in 1930s	121
Surzhikova N.V. «We were shocked»: Soviet captivity and internment as acculturation stress	132
Kolesnikova A.G. Image of the enemy of the period of «cold war» in detective and adventure films 1950—1980s: the spectator's audience and the problem of historical memory	144

HISTORY OF ETHNOS OF RUSSIA

Barteneva I.U. Settler's Pishpek: from the cossack picket of imperial Russia to the city status	154
--	-----

TOWARD THE 50TH ANNIVERSARY OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Borisov V.A. The 50 th Anniversary of PFUR: Experience of Work with Students in the Engineering Faculty	165
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Dissertational Council D 212.203.03 in Peoples' Friendship University of Russia in the First Half of 2009	169
---	-----

OUR BIBLIOGRAPHY

Principal Teaching Aids, Abstracts and Papers for Scientific Conferences of the Russian History Chair of Peoples' Friendship University of Russia in 2008	179
---	-----

ON OUR AUTHORS	183
-----------------------------	-----

© Peoples' Friendship University of Russia, Publishing House, 2009

© «Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia», 2009

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА: КАК «МИРНЫЕ НАРОДНИКИ» ПРЕВРАТИЛИСЬ В «МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ РЕАКЦИОНЕРОВ»*

В.В. Зверев

Кафедра истории российской государственности
Российская академия государственной службы при Президенте РФ
пр. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

Статья посвящена изучению реформаторского крыла народничества в 20-е гг. XX — начале XXI в. Особое внимание уделено влиянию на исследовательский процесс утвердившемуся в советской исторической науке в качестве единственно верного методологического подхода ленинской концепции эволюции общественной мысли России второй половины XIX в. Анализируются итоги изучения темы, представлено авторское видение перспектив ее дальнейшей разработки.

Ключевые слова: историография, методология, концепция, модернизация, общественное движение, реформаторство, народничество, реформаторское народничество, итоги, перспективы изучения.

В дореволюционный период в отечественной историографии были сделаны лишь первые шаги в изучении реформаторского народничества (1). Среди высказанных точек зрения наибольшей цельностью, логичностью и последовательностью классового подхода отличалась ленинская концепция. Согласно оценкам лидера большевиков, отличительной чертой народничества являлся демократизм (2). На раннем этапе развития капитализма в России, когда в деревне еще не произошло образования сельской буржуазии и пролетариата, с определенными оговорками можно было говорить о революционно-социалистическом потенциале народничества, так называемом «крестьянском социализме». Однако к концу XIX столетия эпоха «блестящей плеяды революционеров» 70-х гг. осталась в прошлом и ей на смену пришла стадия «политически-радикального демократизма» (3).

Во всей системе народнических воззрений Ленин выделял ее три основные черты: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом.; 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 08-01-00222 а.

щиной, артелью и т.п. в частности..; 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридино-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов» (4).

Именно эти ленинские постулаты во многом предопределили изучение народничества в советское время, используя в качестве как методологической основы научных дискуссий, так и далеких от науки конъюнктурных спекуляций. В этом утверждении, как нам представляется, нет принципиальных противоречий. Отечественные ученые пытались опереться на свойственные Ленину принципы социально-экономического анализа. В то же время карьеристы от науки ориентировались на те сиюминутные политизированные оценки, которые были присущи публицистическим выступлениям лидера большевиков в периодической печати.

Для характеристики процессов, происходивших в отечественной историографии 20-х гг. XX — начала XXI в., мы считаем вполне допустимым использовать общепринятую периодизацию, выделив при этом четыре основных этапа: 1) 20-е — середина 30-х гг.; 2) середина 30-х — середина 50-х гг.; 3) середина 50-х — начало 90-х гг.; 4) 90-е гг. XX в. — начало XXI в.

В двадцатые годы, в значительной степени под влиянием эпохи «бури и натиска», главное внимание было уделено народникам-революционерам. Публикация различных документов, появление работ, посвященных изучению наследия П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.Н. Ткачева, революционной деятельности семидесятников, дискуссия о «Народной воле», — все это свидетельствовало о приоритетном направлении исследований (5). Умеренное крыло народничества оказалось на периферии научного интереса.

Источниковая база проблемы оставалась практически на дореволюционном уровне (6). Незначительно изменился и круг изучаемых представителей реформаторского народничества. Правда, О.В. Аптекманом и Б.П. Козьминым впервые были проанализированы взгляды П.П. Червинского (7), но в целом главное внимание по-прежнему уделялось Н.К. Михайловскому (8), а воззрения таких не менее значимых теоретиков, как, например, В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон, рассматривались лишь в общем контексте эволюции народничества (9).

В 20-е — начале 30-х гг. взгляды Михайловского стали предметом серьезных споров как между представителями неонароднического, так и марксистского направлений в историографии. Полемика развернулась вокруг революционной или неревolutionной направленности деятельности идеолога народничества, ибо социалистический характер его мировоззрения не отрицался и марксистами. Наиболее отчетливо акценты были расставлены в дискуссии между Е.Е. Колосовым, представившим Михайловского как главного идеолога и одного из руководителей партии «Народная воля» (10), и В.Н. Фигнер, оспорившей идею его «руководящей роли» и полагавшей, что он признавал лишь «необходимость низвержения самодержавия и борьбы за политическую свободу» (11).

Близкой к позиции Фигнер оказались и суждения марксиста Б.И. Горева, считавшего Михайловского «революционером мысли», который «не примыкал целиком ни к одному из тогдашних революционных течений», не был выразителем их взглядов, а террор «Народной воли» рассматривал как средство запугать прави-

тельство и добиться от него политических уступок. В целом, по мнению автора, это лишь подтверждало определенную эволюцию его теоретических построений от консервативного мелкобуржуазного социализма прудонистского толка к политическому радикализму, созвучному в некоторых аспектах либерализму (12).

В схожести взглядов бывшей народоволки и бывшего меньшевика не было, на наш взгляд, ничего необычного. Напротив, стремление Горева доказать, что Михайловский был «гораздо глубже и шире того карикатурного портрета, который вырисовывается из полемики с ним Плеханова и Ленина...», свидетельствовало об отходе части марксистов от политизированных оценок прошлого, характерных для былых партийных баталий, ставших «достоянием истории». В изменении подходов стали просматриваться попытки объективного прочтения творческого наследия одного из крупнейших идеологов народничества. В немалой степени этому способствовало и существование в 20-х гг., хотя и в урезанном виде, плюрализма научных идей.

В своей интерпретации мировоззрения Михайловского Горев, например, признавал его «величайшую научную заслугу» в разработке теории «героев и толпы», сближал субъективный метод народнического социолога с марксистским признанием «классовой точки зрения в общественных науках», да и в целом признавал наличие в трудах Михайловского «незаконченного, неуверенного, зародышевого... „марксистскообразного“ исторического материализма...», сформировавшегося, как он считал, при несомненном влиянии Чернышевского (13).

Однако наряду с существовавшей тенденцией уже в 20-е гг. среди историков все отчетливее стала проявляться большевистская нетерпимость к иной точке зрения, к инакомыслию, с ее главной установкой: история — это политика, опрокинутая в прошлое. В полемике о Михайловском выразителем данной позиции выступил И.А. Теодорович, представивший его всего лишь идеологом, а не практиком «политического радикализма», «попутчиком» революционеров, который в дальнейшем легко «отпочковался», эволюционируя к либерализму (14). Сама лексика выступления Теодоровича, выдержанная в резких обличительных тонах партийных дискуссий, стала предвестником исторического нигилизма середины 30-х — середины 50-х гг.

Подробное освещение споров о характере общественной деятельности Михайловского показательное еще и потому, что в ней отразилось отсутствие общей классификационной модели умеренного крыла народничества. Самое большее, что смогло дать рассмотрение теоретических поисков Михайловского, заключалось в констатации утопического содержания его социалистического идеала. В концептуальном плане напрашивался вывод о перманентном существовании в народничестве левого (революционного) и правого (оппортунистического) крыльев, испытывающих влияние как западноевропейских, так и российских вариантов утопии (прудонизм, бабувизм, бакунизм) (15).

Противопоставление революционного и «оппортунистического» течений в народничестве не давало ответов и на ряд важных и принципиальных вопросов: существует ли преемственность между поколением 60-х и 70-х гг., где проходит грань, отделяющая социалистические и революционные взгляды народников.

В лучшем случае в некоторых работах повторялись уже хорошо известные по до-революционной литературе утверждения о существовании в 70-х гг. культурнической тенденции в народничестве, которая у восьмидесятников станет преобладающей особенно после 1887 г. (покушение группы А.И. Ульянова на Александра III), и об отделении от «культурников» группы народников-конституционалистов.

Неопределенной оставалась и классификация позиций ведущих российских журналов 80—90-х гг. XIX в. Пожалуй, только Н.Л. Сергиевский отстаивал точку зрения, что именно легальная народническая журналистика («Русское богатство», «Русская мысль») сумела остаться выразительницей политически зрелой, но не революционной позиции народничества, которая воплотится в начале XX в. в программах энесов и трудовиков (16).

Многообразие оттенков народнической мысли стало предметом пристального внимания крупнейшего знатока народничества — Б.П. Козьмина, пришедшего к выводу, что в 70-х гг. XIX в. произошел отход представителей нового поколения от заветов шестидесятников. В теории «на смену материализма... пришли позитивизм и агностицизм», в этике — утилитаризм был заменен идеей жертвенного долга перед народом, в социологии — объективизму был противопоставлен субъективный метод. Предвестником этого направления еще в шестидесятые годы стал «раскол в нигилистах». Причиной его во многом стал арест Чернышевского в 1863 г., заставивший «Современник» все больше эволюционировать «от революционного западничества к народничеству». В конкретной практике это выразилось в идее «о необходимости предварительной пропаганды, имеющей своей задачей убедить народ в невозможности получить волю и землю из рук царя». Другая часть радикально настроенной интеллигенции группировалась вокруг журнала «Русское слово», где, под влиянием статей Д.И. Писарева и В.А. Зайцева, крепло мнение о невозможности народной революции и о медленности и ненадежности пути, избранного «Современником». В результате обнаружившихся расхождений «революционные круги раскололись на две враждующие между собой и борющиеся за преобладание части» умеренных народников-пропагандистов и революционеров-якобинцев, возлагавших свои надежды на «умственный пролетариат» (17).

Выразителем умеренного народничества уже в «Отечественных записках» и стал Михайловский, который, по мысли Козьмина, совершил теоретическую эволюцию «в сторону преобразования народничества из революционного крестьянского социализма в социализм — по выражению Ленина — мещанский». Внутри семидесятников произошел раскол «на народничество оптимистическое, принимавшее за идеал деревню полностью, как она есть, и на народничество критическое, начавшее отличать «мнения» народа... от «интересов» народа, которые должны быть высшим руководящим принципом, направляющим всю деятельность интеллигенции» (18).

В подполье революционеры-народники по существу вынуждены были все больше отходить от «правоверной» народнической позиции и признавать необходимость политической борьбы. В легальной печати выразителем этой тенденции

на рубеже 70—80-х гг. стал журнал «Русское богатство». Одновременно с этим такие издания, как газета «Неделя» и журнал «Устой» с их «политической умеренностью», пропагандой «идеи русской деревни», служили примерами «начинающегося разложения» и перерождения в «мирное» народничество 80-х гг. (19).

Таким образом, Козьмин пытался, с одной стороны, опереться на ленинские идеи, а с другой — использовал терминологию, в общем традиционную для дореволюционной историографии («оптимистическое» и «критическое» народничество 70-х, «мирные» народники 80-х). От этого его работы, конечно, не теряли эвристической значимости, но сам факт тесного переплетения ленинской модели и накопленного багажа знаний весьма показателен. В 20-е — начале 30-х гг. ленинизм еще не стал господствующей парадигмой исследовательского процесса, что позволяло достаточно свободно обращаться к интерпретации взглядов народничества, расходясь в некоторых вопросах с позицией Ленина.

Так, сам Козьмин, разделив разночинский этап освободительного движения на два разных по своей значимости периода и противопоставив их друг другу по направленности и содержанию, вступал в противоречие с ленинской концепцией «революционного наследства». Вызывает возражения и тезис историка о понижении теоретического уровня народничества 70-х гг. по сравнению с предыдущим поколением, но его конкретные работы внесли заметный вклад в историю изучения общественной мысли.

В целом историография реформаторского народничества 20-х — начала 30-х гг. отразила обозначившийся переход отечественной науки от методологического многообразия дореволюционного времени к преобладанию ленинской модели. И хотя этот процесс еще не был вполне завершен, общая тенденция обозначилась вполне очевидно, не говоря уже о том, что интерпретация лишь общественно-политического среза мировоззрения упрощала и обедняла общую картину, в то время как серьезный анализ требует широкого использования источников, выявления и осмысления философских, социологических, экономических взглядов различных представителей этого течения общественной мысли.

Следующий этап советской историографии отличался своей деструктивностью: два десятилетия (середина 30-х — середина 50-х гг.) изучение народничества в целом и его реформаторского крыла в частности пребывало в глубоком кризисе. Установившийся в стране сталинский режим требовал всеобщего единомыслия, господство которого в исторической науке было закреплено постановлением ЦК ВКП(б) от 13 июля 1935 г. «О пропагандистской работе в ближайшее время». Согласно одному из «руководящих указаний», было «необходимо особенно разъяснять, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчеством и т.п.) как злейшим врагом марксизма и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы...» (20).

В соответствии с выдвинутыми тезисами с середины 30-х гг. активно внедрялась идея о перерождении мелкобуржуазных социалистов 70-х гг. в идеологов кулачества 90-х, вредивших всеми средствами пролетарскому движению (21). В ранг догмы это положение было возведено печально известным «Кратким кур-

сом», в котором либеральные народники были отнесены к категории «фальшивых „друзей народа“», проповедовавших на деле «примирение с царским правительством» (22).

Сталинское прочтение ленинских работ исключало любые упоминания о демократическом содержании народнической доктрины. А идеи либерального народничества можно было критиковать, разоблачать, клеймить как «глубоко ошибочные», «реакционные утопии», свойственные либералам «самого худшего пошиба, пресмыкающимся перед буржуазией и царизмом» (23).

Вся многочисленная и однотипная пропагандистская литература этого периода (24) имела, по справедливому определению Б.П. Козьмина, «...обличительный, нежели исследовательский характер» (25). На ней, может быть, и не следовало бы останавливаться, если бы эти статьи, брошюры, публичные лекции не искажали картину прошлого, не способствовали формированию стереотипа мышления сталинского толка, не препятствовали работе историков. В течение двадцати лет не появилось ни одной научной работы, посвященной анализу народнического мировоззрения и практики. Объективные исследователи вынуждены были либо, говоря словами Чернышевского, «многозначительно молчать», либо выбирать «нейтральные» темы для своих выступлений (26). Именно в середине 30-х — начале 50-х гг. понятие «либеральное народничество», использовавшееся в дореволюционное время как политический термин, прочно вошло в историографическую лексику.

Новый импульс исследованию народничества получило в годы хрущевской «оттепели», наступившей после XX съезда КПСС. Призыв вернуться к ленинским оценкам исторических явлений, разумеется, не устранил принципа партийности, однако появилась возможность отказа от сталинской модели эволюции народнической доктрины. В первую очередь были оспорены тезисы о противопоставлении революционной демократии революционному народничеству, о понижении теоретического уровня семидесятников в сравнении с шестидесятниками, а также предпринята попытка новой периодизации разночинского этапа революционно-освободительного движения.

Всплеск интереса к крупнейшему течению общественной мысли России второй половины XIX в. позволил таким историкам, как В.Ф. Антонов, Б.С. Итенберг, Н.М. Пирумова, Н.А. Троицкий, В.А. Твардовская и др., опираясь на ленинские оценки, обратиться к непредвзятому изучению социально-экономических и общественно-политических взглядов Герцена, Чернышевского, Бакунина, Лаврова, Ткачева, к революционной практике семидесятников. Однако основным предметом исследований 60—80-х гг. оказалось преимущественно революционное народничество. Его реформаторскому течению уделялось гораздо меньше внимания. Вместе с тем в 60-е гг. историки приступили к изучению истоков либерального народничества, причин «растворения народничества в либерализме», а также попытались дать периодизацию этого процесса. В интерпретации этих проблем выявились две точки зрения.

Представители первой из них (Б.П. Козьмин, М.В. Нечкина, Н.А. Каратаев и др.) придерживались идеи о движении теоретической мысли 70-х гг. по нисхо-

дядей линии. С отходом от революционно-демократических взглядов шестидесятников стали постепенно проявляться, по мнению этих исследователей, присущие еще просветительству Герцена либеральные колебания, которые впоследствии оформились в творчестве Н.К. Михайловского, Г.З. Елисеева, И.И. Каблицы, П.П. Червинского, Я.В. Абрамова в реформистское и либеральное течения. Между его идеологами существовали серьезные расхождения в оценках степени капиталистического развития страны и характера взаимоотношений интеллигенции и народа. Однако неревOLUTIONная направленность, склонность к культурнической программе позволяла рассматривать общую позицию народников как их вырождение и потерю народничеством прежнего прогрессивного содержания (27).

Другая группа историков, отказавшись от искусственного деления разночинского этапа на 60-е и 70-е гг. XIX в., обратила внимание на необходимость более детального изучения эпохи 80—90-х гг. Эта точка зрения была высказана Н.А. Троицким во время дискуссии о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения. Для решения данной задачи он предложил выделить следующие этапы в эволюции народничества: 1882—1887 гг. («отступление революционно-народнического движения и оформление социологических, программно-экономических и политических устоев либерального народничества...»); 1888—1895 гг. («расцвет либерального народничества и начало его идейного разгрома»). Троицкий считал, что ускорение процесса перерождения революционного народничества в либеральное было связано с упадком «Народной воли» (28). Его позиция была поддержана М.Г. Вандалковской, Д.А. Колесниченко (29). Сходных взглядов придерживалась и Н.М. Пирумова, которая наряду с этим отметила, что «либеральное направление далеко не исчерпывает содержания народнического движения и народнической мысли в 80—90-е годы» (30). Несмотря на обозначившиеся расхождения в трактовке степени влияния либеральной тенденции на русскую интеллигенцию в 80—90-х гг., подходы второй группы историков следует признать более толерантными, а в научном плане — более продуктивными.

Вместе с тем необходимо отметить, что полемика позволяла лишь восстановить ленинскую концепцию народничества и определить в ней место умеренного крыла народнического направления. В концептуальном плане за народнической интеллигенцией по-прежнему закреплялась роль выразителя интересов крестьянства, а в связи с этим и эволюция общественно-политической программы ставилась в зависимость от развития капиталистических отношений и изменения социального состава русской деревни.

Наряду с этим отход от оценок «Краткого курса» порой сопровождался перенесением отрицательных характеристик, которыми наделялось ранее все народничество на «его эпигонов» 80—90-х гг. Некоторые авторы утверждали, что народники этого периода превратились в либералов. А это явно противоречило ленинскому пониманию эволюции народничества (31). Другие историки вполне обоснованно доказывали, что Ленин относил либеральное народничество к мелкобуржуазной демократии, выделяя в ней прогрессивные и реакционные черты (32).

Различия в определении характера политической направленности либерального народничества, естественно, сказывались на выявлении социальной составляющей этого течения общественной мысли. Часть историков видела в народниках 80—90-х гг. прямых и непосредственных выразителей интересов кулачества (33). Авторы, придерживавшиеся более взвешенных подходов, считали их сторонниками среднего крестьянства (34).

Долгое время, как напоминание о сталинском наследии, в историографии сохранялся тезис о «крестовом походе» народничества против марксизма в 90-е гг. XIX в. Однако он был основательно поколеблен после публикации в 1972 г. монографии В.Г. Хороса «Народническая идеология и марксизм». Мы полностью солидарны с оценкой этой работы Г.Н. Мокшиным как одной «...из первых попыток изучения содержательной стороны идеологии либерального народничества без утрированных обвинений в реакционности и сознательном затушевывании эксплуатации трудящихся» (35).

Узость рамок классового подхода все более проявлялась и при конкретно-историческом исследовании взглядов либеральных народников. Правда, в 1960—1980-е гг. значительно расширился круг лиц, взгляды которых стали предметом изучения. Наряду с возрождением интереса к творческому наследию Н.К. Михайловского значительное внимание стало уделяться И.И. Каблицу (Юзову), Н.Ф. Даниельсону, В.П. Воронцову (36). Появились обобщающие исследования социальной философии, социологии, экономической мысли либерального народничества и отдельных его представителей (С.Н. Кривенко, С.Н. Южаков, Г.П. Сазонов и др.) (37). Однако не все из вышедших работ были равнозначны. К числу несомненных достижений советской историографии относятся, по нашему мнению, содержательные труды Э.С. Виленской, А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова, А.П. Казакова, М.Г. Седова, Ф.М. Суловой, В.А. Твардовской, В.И. Харламова и др. Но с ними нередко соседствовали сочинения, в которых звучали обвинения либерального народничества в реакционности, отсутствии научности подхода, в отрицании объективной закономерности общественного развития, в неприятии принципа партийности в философии, в пристрастии к «модным» идеалистическим теориям (38).

В процессе изучения историки сталкивались с фактами, которые противоречили ленинским оценкам «реакционных сторон» народничества 80—90-х гг. и свидетельствовали не только о демократическом, но и социалистическом характере левого (политического) крыла либеральных народников, а также близости некоторых из них к революционным кругам.

Недостаточность только политического и социологического объяснения трансформации революционного народничества в либеральное заставляла обращаться к изучению объективных и субъективных факторов этого процесса — социально-экономической динамики, внутренней политики русского самодержавия, равно как и изменений в теории и идеологии, в социально-психологических мотивах, которые, в свою очередь, зависели от опыта деятельности в деревне и соприкосновения с другими теориями. Такой подход, наиболее обоснованный в работах В.И. Харламова, позволял расширить рамки исследовательского метода,

по-иному взглянуть на этапы развития либерального народничества, обозначить проблемы, нуждающиеся в дополнительной и расширенной интерпретации. Наряду с этим В.И. Харламов предложил собственную периодизацию либерального народничества: «...конец 50 — начало 60-х гг. — возникновение идеологии; вторая половина 60-х — рубеж 70—80-х гг. — формирование либерально-народнической программы, социолого-экономических основ этого учения; начало 80-х гг. — кризис революционного народничества, начало его упадка; 80-е гг. — распространение идеологии либерального народничества, начало преобладания либеральной тенденции в народничестве, расширение влияния либерально-народнической мысли на русскую интеллигенцию; начало 90-х гг. — борьба легальных народников с марксизмом, кризис либеральной тенденции в народничестве... и зарождение неонародничества». Выделенные периоды, по нашему мнению, реально отражают процесс эволюции этого течения внутри народничества. В.И. Харламов сумел творчески переосмыслить позитивный вклад отечественной историографии 60—70-х гг. и выделить вопросы, которые нуждались в дальнейшем изучении. К их числу он отнес анализ полемики «между отдельными группами либеральных народников», определение своеобразия позиции Михайловского и редакции «Русского богатства» в 90-е гг., сопоставление социально-экономических доктрин русского либерализма и легального народничества, исследование взглядов наиболее выдающихся его представителей (39). Постановка новых проблем представляла собой серьезный шаг в углублении исследований общественной мысли России. В целом они не утратили своей значимости и в настоящее время (40).

Наряду с обнаружившимися расхождениями между конкретно-историческими выводами и господствующей идеологической концепцией все очевиднее проявлялась необходимость сравнительного анализа народничества и аналогичных доктрин, получивших распространение в других странах. Выявить их типологическое сходство и региональные различия оказалось невозможным при использовании традиционных оценок. Для этой цели отечественные исследователи обратились к теории модернизации, которая позволяла, основываясь на идее многовариантности и многолинейности всемирно-исторического процесса, рассмотреть переход от аграрного общества к индустриальному. Такое понимание давало возможность оценить народничество как идеологию модернизации, своеобразную реакцию на развитие капитализма в России, включающую в себя концепцию некапиталистического пути социальной эволюции, постепенной адаптации народа (главным образом крестьянства) к изменившимся социально-экономическим условиям. Одновременно с этим теория модернизации по-иному обозначила подходы к проблеме формирования русской интеллигенции, ее оппозиционности власти и характеру взаимоотношений с народом. Этот слой населения уже не оценивался как выразитель интересов определенных классов, а как самостоятельный и активный элемент социальной структуры, имеющий собственные, присущие только ему, цели, мировоззрение и идеологию (41).

Таким образом, к середине 80-х гг. обнаружились явные расхождения между господствовавшей (ленинской) концепцией народничества и конкретно-историче-

скими исследованиями. Все более очевидной становилась неправомерность рассмотрения этого течения общественной мысли России как крестьянского социализма, перерождавшегося в результате капиталистического развития страны в мелкобуржуазный демократизм. Политические выводы о реакционности либерального народничества, якобы препятствовавшего распространению марксизма в стране, создавали серьезные трудности в понимании реального содержания и целевой направленности идеологии и практики народнической интеллигенции.

В годы «перестройки» проблемы эволюции русского народничества оказались несколько в стороне от магистрального направления развернувшихся дискуссий. Вместе с тем пересмотр оценок прошлого не мог не вызвать обращения к идейным поискам отечественных мыслителей, нереализованным альтернативам социальной динамики. На эту проблему обратил внимание один из признанных знатоков народничества В.Ф. Антонов, подчеркнувший необходимость анализа социокультурных особенностей страны, учета предыдущего опыта для выработки стратегии экономического развития, формирования гражданского общества (42).

Однако в целом в отечественной историографии реформаторского народничества существенных изменений не произошло. Можно говорить лишь об определенном подведении итогов (43).

Иная ситуация стала складываться в 90-е гг. Критическая оценка советского прошлого наложила свой отпечаток не только на отношение к революционным способам переустройства общества и революционерам, но и на восприятие социализма и социалистических идей, которые стали рассматриваться преимущественно сквозь призму утопии. Но желание найти истоки нетерпения и нетерпимости в психологии радикально-настроенной интеллигенции не всегда позволяет выявить причины кризисных явлений, проследить взаимосвязь между политикой власти и умонастроениями общества, определить характер влияния различных партий на массы и т.п. (44). Перед историками, как справедливо отмечалось во время проведения «круглого стола» в журнале «Отечественная история», может стоять только одна задача — проведение последовательного научного исследования, не допускающего «математической» смены знаков плюс на минус (45).

В целом снятие многих идеологических запретов советского времени позволило известным специалистам опубликовать работы, которые ранее не могли появиться в печати. В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг проанализировали восприятие отечественной интеллигенцией учения К. Маркса (46). В.Ф. Антонов изложил принципиально новую интерпретацию взглядов А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, которая в 70-е гг. XX в. была отвергнута чиновниками от науки (47). Б.П. Балугев обратился к проблемам идейной эволюции либерального народничества на рубеже XIX—XX вв. (48).

Наряду с выступлениями старшего поколения исследователей собственное понимание динамики взаимосвязи и взаимовлияния радикального и умеренного направлений было представлено в сочинениях молодых ученых. Предметом их исследований стали вопросы, связанные с формированием идеологии умеренного крыла народничества, эволюцией взглядов известных народников, интерпретаци-

ей народническими учеными православной религиозности и верований раскольников, с полемикой вокруг «теории малых дел» в 80—90-е гг. XIX в., дискуссиями с марксистами (49). Одновременно с этим усилился интерес к народнической модели преобразования России, ее экономической составляющей (50).

Без всякого сомнения, предпринятые отечественными исследователями усилия, направленные на устранение существующих историографических лагун, способствуют дальнейшему расширению исследовательского поля, определению новых направлений в изучении темы народничества. По нашему мнению, весьма перспективными представляется выявление мировоззренческих основ народнической доктрины, соотношения идеологии народнической интеллигенции и народного мировосприятия, характера взаимовлияния народничества и других течений общественной мысли. Не менее важно и рассмотрение процессов формирования основ неонародничества. Мы вполне разделяем мнение К.Н. Морозова о том, что вопрос о соотношении «старого» и «нового» народничества в начале XX в. «остается открытым» и требует дальнейшего осмысления (51).

Естественно, что решение перечисленных проблем должно осуществляться через введение в научный оборот новых архивных источников, изучение трудов авторов, имена которых всего лишь упоминаются в обобщающих работах. Понимание общих тенденций эволюции умеренного крыла народничества невозможно без выявления того частного и особенного, что было свойственно индивидуальному подходу отдельных ученых, литераторов, критиков.

Широкие перспективы открывает и использование художественной литературы в качестве исторического источника. Восприятие беллетристами прошлого народнических идей, их образное истолкование позволит по-иному взглянуть на унастроения эпохи, выделить ее характерные черты.

Однако, несмотря на открывающиеся новые возможности, по-прежнему остается актуальным вопрос о методологии исследования народничества. Как справедливо отмечает Г.Н. Мокшин, в настоящее время существует две линии изучения самого крупного и влиятельного течения общественной мысли России второй половины XIX в. Первая из них ориентируется на марксистский (классовый) подход, но очищенный «...от свойственной марксистской историографии «очернительной» тенденции в оценках...». Другая точка зрения базируется на убеждении, что новый импульс в изучении народничества может дать только изменение самой методологии анализа (52).

Примером первого подхода может служить добросовестная, содержащая богатый документальный материал монография Б.П. Балугева «Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков», которая, однако, оказалась далеко не свободной от традиционных оценок. Автор действительно попытался его показать как бы изнутри, опираясь главным образом на многочисленные научные и публицистические работы самих идеологов либерального народничества. К достоинствам работы следует отнести и некоторые наблюдения над степенью изученности проблемы. Но утверждение автора о том, что работы советских историков о либеральном народничестве можно рассматривать лишь как «различные мнения и ценные

наблюдения» в «пределах истолкования ленинских цитат» (53), звучит излишне категорично.

В целом же в монографии содержатся лишь более лояльные по сравнению с традиционными для советской историографии оценки полемики между народниками и марксистами. В работе явно ощущается отсутствие концептуальной четкости понятий, недостаточно выявлены принципиальные расхождения между «ортодоксально-либеральными народниками» и представителями его левого (политического) направления во главе с Михайловским, да и использование самого термина «либеральное народничество» никак не обосновывается. Не определены и хронологические рамки зарождения, эволюции умеренного крыла народничества, хотя данному вопросу, как мы стремились показать, еще ранее было уделено достаточно внимания. Отвергая на словах ленинскую концепцию народничества, автор, скорее, склонен соглашаться с ней (54).

По нашему мнению, напротив, необходимо констатировать исчерпанность эвристического потенциала ленинских оценок народнической доктрины. Сыграв положительную роль в деле опровержения сталинской догмы развития общественного движения в России, они сводят реальное содержание народнических идей преимущественно к выражению интересов определенного слоя населения России, в то время как народничество — это, в первую очередь, реакция образованного меньшинства России на происходившие в стране гигантские изменения: становление товарно-денежных отношений, складывание совершенно новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры. И как факт духовной жизни оно должно рассматриваться и анализироваться историками, экономистами, социологами, политологами.

Вызывает несогласие и свойственное ленинской оценке выделение трех основных черт народничества. По своей сути они — лишь частное, политизированное выражение более глубинных составляющих. Представляется, что к их числу относятся: понимание критерия прогресса, идеала справедливого общественного устройства; обоснование особого положения России в мировой цивилизации и попытка наметить альтернативный, некапиталистический путь ее развития; определение интеллигенцией особенностей своего собственного отношения к государству, народу в условиях модернизации страны. Без всякого сомнения, эти элементы народнической доктрины были весьма подвижны, подвержены влиянию различных «внешних факторов». Но вместе с тем они образуют общий вектор направленности народничества, в котором причудливо переплетались революционность и реформаторство, готовность на подвиг и повседневный труд, достижение народного блага и защита патриархальных основ крестьянского хозяйства.

Нельзя и отождествлять народническое мировоззрение только с «русским», «крестьянским» социализмом. Его содержание гораздо шире и включает в себя как социалистические, так и антикапиталистические, антилиберальные идеи. Их интерпретация в русле крестьянского социализма изначально сужает спектр исследования, выделяя в качестве приоритетных направлений утопические представления о создании общества справедливости, социальной гармонии, свободы

и равенства. К тому же и сам народнический социализм имел множество оттенков, нюансов. В значительной степени они были также сведены (Лениным в особенности) к «общему знаменателю»: социалистическим признавалось лишь то, что требовало революционного преобразования общества, радикальной переделки основ человеческого бытия.

Представляется также неправомерным и само понятие «либеральное народничество». Либерализм и народничество — доктрины, полярные в своей основе. Либерализм ориентирован на свободу личности, народничество на первое место ставит коллектив личностей. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество — обеспечение достойных условий существования всем членам общества.

И, наконец, для обозначения различия в подходах умеренного и радикального крыла целесообразно исходить из характера намечаемых преобразований и их направленности. Если радикалы считали возможным для изменения человека предварительно изменить общество и избирали средством реализации этой идеи революцию, то сторонники умеренного направления отдавали предпочтение перевоспитанию личности с постепенным и последовательным преобразованием экономических, социальных и политических отношений. Данную позицию можно охарактеризовать как реформаторскую.

Умеренная часть народнической интеллигенции, придерживаясь общих доктринальных представлений о типе и характере эволюции общества, роли и месте человека в процессе прогрессивного развития социума, имела собственные взгляды по более конкретным вопросам, которые не совпадали с революционной направленностью радикалов. Иной была и их идеологическая оформленность, что не исключает, а, напротив, подтверждает общность мировоззрения, которая воплощалась в множественности интерпретаций социальных, политических, экономических идей, различии программ общественного переустройства.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) См.: *Зверев В.В.* Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. — 2008. — № 4. — С. 55—71.
- (2) «...ложный в качестве социалистической утопии этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазных преобразований и условие его полной победы» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 120).
- (3) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 464; Т. 24. — С. 334.
- (4) Там же. Т. 2. — С. 528—529.
- (5) См.: *Левицкий В.О.* Борьба партии «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. — М.; Л., 1928; *Стеклов Ю.М.* Борцы за социализм. — М.; Л., 1924; *Потапи М.А.* Народнический социализм. — М., 1930; *Невский В.И.* От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». — М., 1930; *Теодорович А.* Историческое значение партии «Народная воля». — М., 1930 и др.

- (6) Так, из введенных в научный оборот источников следует отметить лишь некоторые документы из следственного дела Д.В. Каракозова, использованные Е.Е. Колосовым в статье «Михайловский в деле Каракозова», да издание программы журнала, подготовленной Н.Ф. Даниельсоном и его другом И.И. Билибиным (См.: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». — М., 1929. — С. 179—183).
- (7) *Аптекман О.В.* Зачатки культурного народничества в 70-х годах // Историко-революционный сборник. — М.—Л., 1924. — С. 9—36; *Козьмин Б.П.* Публицистическая деятельность П.П. Червинского // От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». — М., 1933. — С. 159—185.
- (8) *Колосов Е.Е.* Михайловский в деле Каракозова // *Былое*. — 1923. — Кн. 23. — С. 44—75; *Кузьмин Д.* (Колосов Е.Е.) Народовольческая журналистика. — М., 1930; *Фигнер В.Н.* Послесловие. По поводу исследовательской работы Кузьмина «Народовольческая литература» // *Кузьмин Д.* (Колосов Е.Е.) Народовольческая журналистика. — М., 1930. — С. 231—276; *Теодорович И.* По поводу полемики В. Фигнер с Е. Колосовым // *Каторга и ссылка*. — 1932. — № 1(86). — С. 5—104; *Горев Б.И.* Михайловский и марксизм // Под знаменем марксизма. — 1924. — № 1. — С. 188—205 и др.
- (9) См.: *Пажитнов К.А.* Развитие социалистических идей в России. — Пг., 1924; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». — М., 1929; *Рязанов Д.* Предисловие. Переписка К. Маркса с Николаем-оном // *Летописи марксизма*. — М.; Л., 1930. — Т. 2 (XII); *Он же.* Предисловие. Переписка Ф. Энгельса с Николаем-оном // *Летописи марксизма*. — М.; Л., 1930. — № 3 (XIII).
- (10) *Кузьмин Д.* (Колосов Е.Е.). Народовольческая журналистика... — С. 65, 93, 18.
- (11) *Фигнер В.Н.* Послесловие... — С. 269, 265, 251, 267.
- (12) *Горев Б.И.* Н.К. Михайловский и революция // *Печать и революция*. — 1924. — Кн. 1. — С. 21, 22; *Он же.* Николай Константинович Михайловский... — 1931. — С. 39, 45, 87—88.
- (13) *Горев Б.И.* Николай Константинович Михайловский...
- (14) *Теодорович И.А.* По поводу полемики... — С. 58, 70.
- (15) Там же. — С. 18, 21.
- (16) *Сергиевский Н.Л.* Народничество 80-х годов // Историко-революционный сборник. — М.—Л., 1926. — Т. 3. — С. 149; *Он же.* «Черный передел» и народники 80-х годов // *Каторга и ссылка*. — 1931. — № 1. — С. 37, 46, 49.
- (17) *Козьмин Б.П.* К вопросу о кризисе реалистического направления в 70-е годы // От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». — М., 1933. — С. 189; *Он же.* Раскол в нигилистах // *Литература и марксизм*. — 1928. — № 2. — С. 69, 75, 94, 100, 101. Надо сказать, что точку зрения Козьмина в 20-е многие исследователи не принимали. Например, О.В. Аптекман считал, что «шестидесятники передали последующему поколению — семидесятникам — всецело свою идеологию» (*Аптекман О.В.* Зачатки культурного народничества... — С. 20).
- (18) *Козьмин Б.П.* К вопросу о кризисе. — С. 194, 212; *Он же.* «Русское богатство» 1880—1881 гг. // От «девятнадцатого февраля»... — С. 240.
- (19) *Козьмин Б.П.* «Русское богатство» 1880—1881 гг. — С. 231, 253; «Устой» 1881—1882 гг. — С. 282; *Он же.* К вопросу о кризисе... — С. 212.
- (20) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1985. — Т. 6. — С. 233.
- (21) *Костко К.* Разгром народничества марксизмом // *Большевик*. — 1935. — № 15. — С. 71; *Генкина Э.* О книге В.И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — М., 1936. — С. 34; *Ярославский Ем.* Очерки истории ВКП(б). — М., 1937. — Ч. 1. — С. 49.

- (22) История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М., 1953. — С. 20, 21.
- (23) *Бердник Л.* О книге Ленина «Развитие капитализма в России» // Под знаменем марксизма. — 1939. — № 4. — С. 83; *Гак Г.* О книге В.И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воют против социал-демократов?» — М., 1939. — С. 5; *Залкинд А.* О работе Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» // Под знаменем марксизма. — 1939. — № 5. — С. 155 и др.
- (24) См.: *Громыко А.* О книге В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» // Проблемы экономики. — 1939. — № 1; *Мрачковская И.* Развитие В.И. Лениным теории капиталистического воспроизводства в борьбе с либеральным народничеством // Вопросы экономики. — 1950. — № 5; *Гладко И.* О произведении В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». — М., 1952; *Шестаков М.Г.* Борьба В.И. Ленина против идеалистической социологии народничества. — М., 1959 и др.
- (25) *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. — М., 1961. — С. 638.
- (26) Весьма показательна в этом отношении судьба Б.П. Козьмина, опубликовавшего всего две работы (*Козьмин Б.П.* Литературная борьба вокруг Успенского // Новый мир. — 1938. — № 9. — С. 267—280; *Он же.* Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века. — М., 1948), в которых мы не найдем «уничтожающей» критики и политических обвинений. Нет в них и славословий «великому» Сталину, и ссылок на его сочинения, что «выделяло его труды из подавляющего большинства исследований тех лет...» (*Твардовская В.А., Итенберг Б.С.* За изучением революционного движения в России. (К столетию со дня рождения Б.П. Козьмина // Революционеры и либералы России. — М., 1990. — С. 18—19).
- (27) *Козьмин Б.П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения // Из истории революционной мысли в России. — М., 1961. — С. 715, 725; *Нечкина М.В.* Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 129; *Каратаев Н.К.* Народническая литература 60—90-х годов XIX века // Народническая экономическая литература. — М., 1958. — С. 45. Весьма характерен в этом отношении следующий факт. Когда в 1956 г. во время обсуждения «Очерков истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» А.М. Ладыженский попытался причислить либеральных народников к представителям прогрессивно настроенной интеллигенции, поскольку они «стремились к ограничению самодержавия и превращению абсолютистской монархии в правовое государство» (*Ладыженский А.М.* Об освещении народничества // Вопросы философии. — 1956. — № 6. — С. 190), против такой «реабилитации» однозначно высказался Б.П. Козьмин (*Козьмин Б.П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе... — С. 726).
- (28) *Троицкий Н.А.* Дискуссия о внутренней периодизации... // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 113, 112.
- (29) *Вандалковская М.Г., Колесниченко Д.А.* Дискуссия о внутренней периодизации... // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 113.
- (30) *Пирумова Н.М.* Дискуссия о внутренней периодизации... // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 119. Аналогичной позиции придерживался и П.С. Ткаченко (*Ткаченко П.С.* О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. — 1956. — № 5. — С. 45; *Он же.* О спорных проблемах истории народничества // История СССР. — 1963. — № 6. — С. 83).
- (31) *Полевой Ю.З.* Распространение марксизма в России. — 1956. — С. 98; *Чагин Б.А.* Из истории борьбы В.И. Ленина за развитие марксистской философии. — М., 1960. — С. 36 и др.

- (32) *Гинев В.Н., Цамутали А.Н.* В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. — М., 1969. — С. 302; *Ковальченко И.Д.* Ленинская концепция истории крестьянства и народничества в России. — М., 1970. — С. 69 и др.
- (33) *Соболев П.И.* Борьба В.И. Ленина с народничеством, «легальным марксизмом» и «экономизмом». — М., 1958. — С. 8; *Косичев А.Д.* Развитие В.И. Лениным марксистской философии в борьбе с субъективной социологией народничества. — М., 1960. — С. 5 и др.
- (34) *Ковальченко И.Д.* Ленинская концепция истории крестьянства... — С. 59; *Мрачковская И.М.* К вопросу о критике либерального народничества в трудах Ф. Энгельса и В.И. Ленина // Вопросы КПСС. — 1981. — № 1. — С. 62; *Богданов Л.П.* К оценке В.И. Лениным идеологии либерального народничества // Вопросы истории КПСС. — 1990. — № 4. — С. 74.
- (35) *Мокишин Г.Н.* Общественно-политические взгляды и деятельность С.Н. Кривенко (1847—1906): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Воронеж, 1995. — С. 6.
- (36) *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. — М., 1979; *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Идеологи русского народничества. — Л., 1966; *Казаков А.П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. — Л., 1969; *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. — М., 1972; *Седов М.Г.* К вопросу об общественно-политических взглядах Н.К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. — М., 1965. — С. 179—210; *Суслова Ф.М.* Н.К. Михайловский и движение революционного народничества 70-х годов XIX в. // Исторические записки. — М., 1974. — С. 213—270; *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1969; *Зверев В.В.* Общественно-политические взгляды Н.Ф. Даниельсона: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — М., 1986; *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х — начала 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы (Юзова): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — М., 1980 и др.
- (37) *Лиоренцевич И.Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX в. — Л., 1978. — С. 107—195.
- (38) *Щитанов И.Я.* Философия и социология народничества. — М., 1983. — С. 186; *Фирсов В.М.* Социальная философия либерального народничества (Воронцов В.П., Даниельсон Н.Ф., Каблиц И.И., Южаков С.Н.): Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — М., 1984. — С. 9, 18.
- (39) *Харламов В.И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. — М., 1979. — Вып. 10. — С. 113, 114.
- (40) К сожалению, многого из своих замыслов Виктор Иванович так и не успел реализовать. В ноябре 1996 г. этот прекрасный человек и талантливый ученый трагически погиб в автомобильной катастрофе.
- (41) См. подробнее: *Хорос В.Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. — М., 1980; *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. 1783—1883. — М., 1986. Отмечая ценность концепции модернизации для изучения народничества, вряд ли можно согласиться с преувеличением авторами влияния на мировоззрение русской интеллигенции западноевропейских теорий, синонимичностью понимания патриотизма и национализма, а также — с утверждением о понижении теоретического уровня семидесятников в сравнении с шестидесятниками (*Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция... — С. 135, 230, 279).
- (42) *Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. — 1991. — № 1.

- (43) Сошлемся на статью В.И. Харламова (Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70—80-х годах XIX в. // *Революционеры и либералы России.* — М., 1990. — С. 163—185) и на предложенную автором данной статьи интерпретацию народнической доктрины (В поисках социалистической перспективы // *Наше Отечество.* — М., 1991. — Т. 1. — С. 163—200).
- (44) См., например, *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. — М., 1992; *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. — М., 1997; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении. — М., 2000.
- (45) См.: Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // *Отечественная история.* — 1999. — № 1. Выступая во время проведения «круглого стола», С.В. Тютюкин обратил внимание на необходимость выработки понятийного аппарата, четкого определения предмета исследования, взвешенного анализа опыта прошлого. Абсолютно обоснованным выглядит и мнение автора о том, что «у освободительного движения были глубокие социальные корни и достаточно серьезные причины, сбросить которые со счетов просто нельзя, не впадая в беспринципную, безнравственную и глубоко антинаучную идеализацию царского самодержавия» (*Отечественная история.* — 1999. — № 1. — С. 17—18).
- (46) *Твардовская В.А., Итенберг Б.С.* Русские и Карл Маркс: выбор или судьба. — М., 1999.
- (47) *Антонов В.Ф.* А.И. Герцен. Общественный идеал анархиста. — М., 2000; *Он же.* Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. — М., 2000.
- (48) *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. — М., 1995.
- (49) *Новак С.Я.* Абрамов — пионер «теории малых дел» // *Отечественная история.* — 1997. — № 4; *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. — М., 1997; *Жвания Д.Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70—90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — СПб., 1997; *Мокшин Г.Н.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. — Воронеж, 2007; *Блохин В.В.* На переломе. 1881—1904. Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80—90-е годы XIX века. — М., 2004; *Касторнов С.Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX — начала XX вв. Сравнительный анализ: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Орел, 2002; *Чикуннов М.П.* Эволюция народнических взглядов В.К. Дебогория-Мокриевича: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — М., 2008 и др.
- (50) *Рачков М.П.* Политико-экономические прогнозы в истории России. — Иркутск, 1993; *Зверев В.В.* Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. — М., 1997; *Расков Д.Е.* О судьбах капитализма в России // *Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения.* — Волгоград, 1999. — Вып. 1; *Васильев В.В.* Аграрные отношения в России конца XIX — начала XX века в публицистике либеральных народников. А.И. Чупров и Н.П. Огановский: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Самара, 2000 и др.
- (51) *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. — М., 1998. — С. 7.
- (52) *Мокшин Г.* Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации российской интеллигенции // *Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя.* — М., 2003. — С. 375—376.
- (53) *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. — С. 21, 18, 15.
- (54) Там же. — С. 105, 156—164.

**THE IMAGE OF REFORMATIVE POPULISM
(NARODNICHESTVO) IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
FROM THE 20S YEARS OF THE 20TH
TO THE BEGINNING OF THE 21TH**

V.V. Zverev

Department of Russian State History
President of RF Russian Academy of State Service
Vernadsky Ave, 84, Moscow, Russia, 119606

The article represents the analyses of the term «reformative populism (reformative narodnichestvo)» and its moderate wing from the 20s years of the 20th to the beginning of the 21th. The special attention is paid to the Lenin's conception of evolution of the public opinion in Russia of the second half of the 19st, which became the faithful methodological approach in soviet history. At the same time the author gives his own opinion to the study of this problem for the future.

Key words: historiography, methodology, conception, concept, modernization, public opinion, delusion of reformism, populism, reformative populism (reformative narodnichestvo), totals, study in the future.

ПСИХОЛОГИЯ МАСС И ПАРТИЙ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 Г.

П.П. Марченя

Кафедра философии
Московский университет МВД России
ул. Академика Волгина, 12, Москва, Россия, 117437

В центре внимания статьи находится проблема психологического взаимовлияния политических партий и масс. Психология масс и партий рассматривается как основной фактор истории России в 1917 г., вне осмысления которого невозможно постичь логику русской революции в целом. Массовое сознание рассматривается как доминанта политической истории и социокультурная основа победы большевизма в конкурсе политических партий от Февраля к Октябрю.

Ключевые слова: русская революция, «смута», психология, политические партии, массы, массовое сознание, Февраль 1917, Октябрь 1917.

Историография русских революций насчитывает немало исследований, специально посвященных «борьбе политических партий за народные массы», методологической основой которых является миф о наличии прямой взаимосвязи между текстами партийных программ и реальным успехом у масс тех или иных конкретных партий. Кратко представим контуры иной — социокультурной, по преимуществу социально-психологической, — модели анализа взаимовлияния российской многопартийности и масс, на первое место ставящей проблему психологической адекватности партий реальному контексту отечественной истории, ее социокультурной «почве». В качестве фактической основы выберем материалы февраля-октября 1917 г., отражающие соперничество кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков как наиболее значимых общероссийских партий в период от провозглашения демократии до установления диктатуры.

Этот небольшой, если судить по календарю, срок сконцентрировал в себе целую историческую эпоху. Многим тогда казалось, что Россия «беременна свободой» и вот-вот счастливо разрешится от бремени. Но история распорядилась таким образом, что преждевременно празднуемая пришедшими на смену самодержавию политическими силами «российская демократия» за эти 8 месяцев оказалась не только недоношенной, но и мертворожденной. А власть ее правительства, как торжественно объявил 25 октября Л.Д. Троцкий, «была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести» (1). Триумфальные слова представителя победившего большевизма знаменательно совпадают с пораженческой формулировкой кадетского профессора К.Н. Соколова, с горечью констатировавшего, что «правительство демократии» стало «политическим трупом задолго до «хирургической операции 25 октября» (2).

Почему непопулярные и немногочисленные поначалу большевики стали партией победителей, а изначально более известные, образованные и уважаемые кадеты (а немногим позже и меньшевики с эсерами) превратились во «врагов народа»? Представляется очевидным, что ответа не найти на страницах программ на-

званных партий хотя бы потому, что абсолютное большинство населения России не читало партийных программ — ни тогда, ни теперь. Если люди блестяще образованные (как, например, Ф.Н. Плевако) даже при «сознательном» вступлении в партию заявляли: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?» (3), то чего было ожидать от крестьян и солдат (тем паче от крестьянок и солдаток), впервые призванных выбрать «свою» партию в условиях, когда «каждая партия своих соседей ругает «буржуями». Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики — мелкобуржуазная партия» (4). Если такая ситуация установилась в центре, что сказать о положении в регионах? По сообщению самарской кадетской газеты «Волжский день», «в провинциальных уездных городишках совершенно нельзя установить, к какой партии принадлежит тот или иной общественный деятель. Вчера был социал-демократ, сегодня — социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты. Социал-демократы вступают в блок с явными черносотенцами, социалисты-революционеры с какими-то беспартийными субъектами» (5). Для «простых людей», дезориентированных невиданной «демократией», программы всех партий первоначально были неотличимы друг от друга. По их свидетельству, понять можно было лишь одно: «...все эти партии на разные лады хвалили свои программы и, ратуя за свободу, предлагали рабочим, солдатам и крестьянам свое руководство, а на словах давали обещание устроить всем хорошую жизнь и полное довольство» (6).

Даже партийные деятели зачастую не интересовались текстами партийных программ. Так, А.Ф. Керенский признавался: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал... В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. Я был слишком захвачен грандиозной таинственной неизвестностью, к которой нас неудержимо влек головокружительный ход событий. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменят случившегося. Революцию порождает не только мысль, она протекает из самых глубин человеческих душ и сознания» (7). И действительно, как отметил крупнейший отечественный историк психологии (или «психопатологии») «красной смуты» В.П. Булдаков, «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно — проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки», ибо «в российской смуте все решают не формальный электорат, а неформализуемые движения души» (8).

Причем сами партии «являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации» (9). Подобные выводы современных исследователей живо перекликаются с мнениями политических деятелей прошлого. Еще И.И. Петрункевич считал,

что российские «либералы, радикалы и революционеры» различались не политическими целями, а темпераментом» (10). Поэтому и эффективность партийной пропаганды определялась не качеством выражения группового сознания, а способностью «цеплять» коллективное бессознательное. Наибольшие шансы на успех получала партия, максимально использующая ресурс народной психологии. Приведем характерный пример. «Саратовский Вестник» воссоздает аутентичную картину «состязания с.д. миннезингеров», типичную для любой российской губернии. Описывается спор двух видных местных партийных деятелей — меньшевика (Майзеля) и большевика (Мгеладзе): «— Чем вы объясните наш успех в массах? — победоносно вопрошал мгеладзевский фальцет. — Разве мы так талантливы или умны? — О, нет, — гремел меньшевистский бас — вы не талантливы и не умны... Вам кажется, что вы руководите массой, бросая в нее ваши демагогические лозунги, в действительности — вы идете за нею... О каких же тут талантах или уме может быть речь? И когда гражданка Верхнего базара кричит гражданину в шляпе, предложившему ей вместо 60 к. — 40 за фунт вишни: — Буржуй проклятый! Кишки бы тебе выпустить! — То в действительности не тов. Мгеладзе является ее учителем, а она подсказывает товарищу Мгеладзе, как литературно формулировать лозунг» (11).

Но и умение оперативно пользоваться ситуацией с помощью адресно подобранных лозунгов не гарантировало долговременного эффекта суггестивного воздействия агитации на массы, если агитатор не имел постоянной «обратной связи» с аудиторией и его лозунги не питались непрерывно реальной энергией масс. По выражению М.П. Томского, «оперирование с настроениями широкой массы есть оперирование с несколькими неизвестными» (12). В прессе 1917 г. можно встретить такие описания воздействия политической пропаганды: «Если же вы красноречивы и знаете психологию крестьянина... если можете силой своего голоса прекратить не только громкую беседу, но и шепот, если можете забраться в самое сердце этого честного и загадочного дикаря, то успех обеспечен. Вы превратите всю эту массу отдельных личностей в одно громадное, решительное и преданное вам существо. Это существо — ваш раб и враг смертельный противника вашего. И если явится какой-то смельчак, чтобы высказать кой-что не в вашу пользу, то, в лучшем случае, ему не дадут говорить... И если кто-либо из товарищей после такого удачного выступления подумает, что здесь все сделано, что народ разделяет с ним одни и те же мнения, что он раз навсегда доказал правоту того, что излагал слушателям, то такой товарищ непростительно ошибается. То, что случилось сегодня — случилось каким-то чудесным образом. Завтра многие придут в себя и скажут, почесывая затылок: — Одурачил. Собеседник сразу соображает, о чем идет речь, и в тон отвечает: — Здорово, куманек, оболванил» (13).

Участниками и исследователями революции давно подмечено: «Всякое умственное общение есть двусторонний процесс, зависящий от свойств и особенностей психического аппарата обеих сторон, и если мы хотим добиться правильного понимания нашей мысли, мы должны считаться с особенностями аппарата воспринимающего. В противном случае могут получиться самые прискорбные по-

бочные психологические рефлексy и ужасающие искажения, как это случилось ныне с такими понятиями, как демократия, социализм, буржуазия и т.д. Мы должны помнить вообще, что коллективная психология есть нечто в высшей степени сложное, полное явлений иррациональных и капризных: иной раз легко вызвать в ней бурю, но трудно эту бурю потом утишить» (14). Современные ученые также подчеркивают актуальность психологической составляющей в политическом процессе: «Крупным социальным катаклизмам всегда предшествуют психологические явления — рост популярности определенных идей или лидеров, разочарование в старых богах, падение доверия к традиционным институтам. К октябрю семнадцатого значительная часть населения России, по крайней мере — большая часть жителей Петербурга и Москвы, не верили царю и не уважали его, а весьма влиятельная группа подданных империи — петербургский гарнизон, рабочие питерских предприятий, пришедшие с фронта вооруженные солдаты — поверили Ленину в том, что именно большевики способны дать мир, землю и все остальное, о чем мечтали люди. Без этой психологической составляющей октябрьские события никогда не стали бы Революцией, а остались бы в истории лишь как еще один неудавшийся переворот. Собственно говоря, и сама основа политической системы большинства современных государств — регулярные выборы — есть во многом явление психологическое. Люди голосуют за тех, кому верят, за тех, с кем легче идентифицироваться, за тех, наконец, кто красивее» (15).

С психологами солидарны историки, ставящие «вопрос об особом эмоционально-психологическом преломлении объективных экономических и социальных противоречий России в общественном сознании, обусловившем своеобразие революции. Поэтому центр тяжести в анализе событий революции стоит перенести на ментальность и, особенно, психологию масс — именно они позволяли «упасть» или «удержаться» той или иной политической верхушке... Движение масс следует оценить не по критериям политиков... а на фоне традиционной политической культуры народа, определяемой инстинктом и идеалом «своей» всемогущей власти. Точно так же политиков революционной поры неуместно судить по взаимным оценкам и, тем более, самооценкам. Объективным критерием может выступать фактор соответствия их действий народным ожиданиям и меняющейся психологии, а также умение использовать элементы традиционной политической культуры для решения конструктивных задач, стоящих перед страной. В отличие от политических интерпретаций, психосоциальный анализ событий 1917 г. открывает совершенно новые возможности и перспективы...» (16).

Исходя из всего вышеизложенного, можно констатировать, что «Конституционно-демократическая партия», помпезно именующая себя «Партией Народной Свободы», не имела шансов в борьбе за массы, так как не имела ничего общего ни с самим народом, ни с его пониманием «свободы». Кадеты демонстративно не желали считаться с коллективной психологией. Да и не умели самозванные «борцы за народную свободу» разговаривать с народом на понятном ему языке. Выступления кадетских деятелей и предлагаемые ими проекты решения тех или иных вопросов были неприемлемы для масс ни по содержанию, ни по форме. Даже

внешний вид представителей кадетской партии восстанавливал массы против нее, ибо «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе»: кто чуть получше одет — тот и буржуй и доверять ему нельзя» (17). Ответом народа ораторам-кадетам на их невнятные выступления (как будто для полноты абсурда, часто еще и начинавшиеся с одиозного: «Господа!» — что незамедлительно и предсказуемо провоцировало агрессию толпы) становится: «Мы крестьяне, а вы — буржуй» (18). В атмосфере «митинговой демократии» кадетские интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. «Ты не вилай как собака хвостом, говори прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие — в вашем списке. Нет у них, братцы, трудовых людей — все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их — кричат солдаты-большевики с разных сторон», — передает в своих воспоминаниях картину обычного солдатского митинга бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути решения наболевших проблем, о том, что «без закона нельзя», тотчас раздавалось: «Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад и чтобы летел с трибуны головой вниз!» (19). Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что бессознательно-доверчивое отношение народа сменилось жадой расправы, достигшей апогея к осени 1917 г., когда экстремистски настроенные толпы преследовали кадетов везде, где встречали. Бюллетени и записки с их кандидатами «торжествующе рвали в клочья», самим активистам ПНС обещали «выпустить кишки», а, бывало, что и били прямо на избирательных участках избирательными же урнами (20).

Не удивительно, что именно кадеты — эти «слепые поводыри» русской революции — были назначены всеми остальными партиями на роль «козла отпущения». Оторванные от масс, противоречащие этническому бессознательному русского народа, его архетипам, лишённые политической интуиции, безвольные, духовно и властно дряблые, российские либералы не только не смогли занять в массовом сознании место свергнутого Царя-Батюшки, но и выставились в глазах народа самозванцами, шарлатанами, и, наконец, повинными в смуте оборотнями. По признанию А.В. Тырковой-Вильямс, условия были «совершенно неподходящие для кадетской психологии... Самодержавие свалилось, оставив после себя пустоту... Заполнить опустошение оказалось не под силу кадетам...» (21).

Поучительной оказалась в психологической истории русской революции и судьба социал-демократов-меньшевиков. Они принципиально отказались от ставки на стихию, от использования мощи народной психологии в целях захвата власти. Эта партия не искала опоры в массовом сознании многомиллионного русского крестьянства, ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного — из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним» (22). Более того, партия меньшевиков продолжала громогласно объявлять русское крестьянство — это более трех четвертей населения России! — «аморальным классом» (23). Стоит ли недоумевать, отчего эта партия в народном сознании сблизилась с «образом врага» и лишь немногим позже разделила историческую участь

либералов и их место «у позорного столба истории»? Как удовлетворенно констатировали кадетские издания, «жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную к друг другу — это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное — идеологии» (24).

Уже в июне 1917 г. Ю.О. Мартов признал: «В качестве правительственной партии... социал-демократия, в лице меньшевистской фракции, осудила себя на постоянное торможение пробуждающейся в крестьянско-солдатской массе политической самостоятельности, на удержание Советов от попыток активно влиять на ход правительственной политики — меньшевики и эсеры неизбежно способствовали тому, что нарастающее... недовольство пролетарской и даже части крестьянско-солдатских масс бросило их в объятия ленинизма» (25). Сам Мартов так объяснял свое неприятие большевизма: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются... фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве» (26). Что же предлагал разбушевавшейся русской стихии сам меньшевизм? Подождать, пока «почва» из «азиатской» превратится в «европейскую»? Переехать в Европу?.. Не будет большим преувеличением сказать, что тактика, которую избрали в 1917 г. российские социал-демократы, стала их политическим суицидом. Как сознался позже Н.Н. Жордания: «Этот демократический кретинизм болтливой, бездельной интеллигенции неприемлем и непонятен для народа, который всегда живет и мыслит реально и согласно фактам. Вот, вследствие этого Петербургский Совет рабочих оказался в руках большевиков. Повсюду массы стали на их сторону» (27).

Не менее самоубийственным характером отличилась и политическая психология партии эсеров. Даже меньшевики, будучи их союзниками по коалиции, подчеркивали: «У социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна — непреклонная, крикливая — для масс, налево, другая — уклончивая, оппортунистическая, соивчивая — для буржуазии, направо... Для широких масс упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная» (28). А по злорадной оценке кадетов, «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу» (29). Перейдя от погромной агитации «Земли и Воли» к попыткам решать вопросы государственного значения правовым путем, эсеры утратили контроль над народной стихией, ранее развязанной во многом именно их действиями. Противоречивые усилия примирить вышедшую из берегов стихию масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые, по ехидному выражению Ленина, напоминали попытки «усесться между двух стульев» (30), оказались безуспешны — массы объективно взяли на вооружение большевистские рецепты *немедленного* решения наболевших проблем. Поняв, что проиграли массы ленин-

цам, неонародники, по их собственному запоздалому признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма «обещаниями почти того же, что и он обещал, но только — чуть поменьше» (31).

Еще в «Смене вех» была дана яркая психологическая характеристика эсеровской партии, с которой трудно не согласиться: «Но давно пора бы им заметить, что именно их лозунги и их тактика менее всего пригодны для революции. С их помощью нельзя ни автоматически управлять массами, ни увлекать их, ни подчинять. При их господстве не может быть ни революции, ни контрреволюции, ни тем более искомого ими среднего. Сплошное ни то ни се. Какие-то буридановы ослы в роли вершителей исторических судеб. За миг блаженства быть у власти всем им неуклонно приходилось потом расплачиваться длинными периодами скрежета зубов на тех, кто так низко растоптал их святые желания и так глупо не дал им сделать их великого дела. По их глубочайшему убеждению, за ними была и есть вся Россия. Только они — подлинные выразители воли народной. Но стоило им появиться где-нибудь, как тотчас же их сметала либо «кучка гнусных насильников» в лице большевиков, либо «кучка гнусных реакционеров» в лице казаков, офицеров, генералов, помещиков и купцов. И все-таки они ни на минуту не сомневаются, что правильно действуют только они. Чем же, в самом деле, объяснить эту поразительную настойчивость, эту завидную в клиническом отношении самодостаточность, как не особым душевным интеллигентским складом?.. Тут есть все в редком изобилии: и утрированная «принципиальность», от которой не тошно только самим ее обладателям, и самовлюбленность, не допускающая даже намека на самокритику, и самоусовершенствование, и максимализм по формуле «или мы, или никто», и отсутствие малейшей политической дисциплины... приводя указанные черты специфической эсеровской психологии (как психологии интеллигентской), я отнюдь не делаю этого в целях суда или осуждения их обладателей: создал их Бог русской истории такими, и ничего уж, видно, не поделаешь. Но всякому должно быть ясно, что, пока подобный тип русского интеллигента не изжит или не побежден окончательно, не могут быть изжиты ни русская революция, ни русская контрреволюция. Непрактичные, недисциплинированные, хаотичные по натуре и по историческому воспитанию — такие, «каковы они есть», они призваны лишь поддерживать русский хаос и русское государственное разложение... По идее наиболее близкие из всех русских интеллигентов к русским народным массам — это они с особенным упоением играли роль всезнающих и непререкаемых наставников масс, что оттолкнуло от интеллигенции массы» (32).

На фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах противоречивость политики эсеров, усугубленная отсутствием единства внутри партии, привела к тому, что большевики, которые, напротив, последовательно и активно поощряли рост массового насилия на аграрной (и не только) почве, сумели превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего «союзника», почерпнув, по признанию Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага» (33).

Непредвзятое исследование психологии масс и партий в политической истории Февраля—Октября приводит к выводу, что большевики оказались единст-

венной — *безальтернативной* — политической силой в 1917 г., способной обратиться психологию масс в инструмент для достижения партийных целей. До конца оставаясь «партией радикальной оппозиции», не «скомпрометировавшей» себя участием в немогущей демократической коалиции, ленинцы безнаказанно обещали каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, при этом указывая не только «*что делать*», но и «*кто виноват*». Используя массовую веру в социальную инверсию, они без боя овладели социально-психологической монополией на *Чудо*. Они не брезговали никакими способами межпартийной борьбы (в качестве типичных методов большевиков их политические оппоненты перечисляют регулярные «акты грубого насилия по отношению к другим партиям», систематические «срывания митингов с целью зажимания рта противникам», организованные «клаки» (шум по команде), «клевету», «инсинуации» и «намеренные замалчивания» невыгодной для себя информации, «угодничество перед толпой», «спекуляции на темноте масс и их инстинктах», «призывы к погромам», «авантюристические выступления», «беззастенчивую неразборчивость в средствах» и т.д. и т.п. (34)). Но все же, по оценке Р. Пайпса, которого сложно упрекнуть в симпатии к партии Ленина, «невозможно было бороться с большевиками только на том основании, что в стремлении к общей цели они пользовались более откровенными средствами: во многих отношениях Ленин и его соратники являлись истинной «совестью революции». Интеллектуальная безответственность и нравственная трусость социалистического большинства создавали психологическую и идеологическую ситуацию, в которой большевистское меньшинство с успехом росло и множилась» (35).

Оппоненты большевизма, сознавая психологические корни популярности ленинцев в массах, решительно ничего не могли противопоставить простым, но эффективным большевистским приемам. В результате большевики стали больше, чем просто партией — для значительной части населения они превратились в единственную надежду. В конкретно-исторической ситуации войны и революции, когда «русская стихия» — психология русской массы — сделалась еще более темной, хлесткой и озлобленной» (36), большевизм оказался психологически адекватен народным массам, изоморфен русской смуте. Троцкий так сформулировал психологические основы русского марксизма в революции: «Марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса... Высшее теоретическое сознание эпохи сливается... с непосредственным действием наиболее... удаленных от теории... масс. Творческое соединение сознательного с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть неистовое вдохновение истории» (37). Близкую мысль высказывает С.Г. Кара-Мурза: «...большевики были именно партией нового типа. Это была... единственная партия, которая *чувствовала революцию*. И потому, будучи марксистской, она не подчинялась догмам марксизма, а смогла стать частью живого народного организма» (38).

То, что большевизм — явление исконно русское, объединяющее различные проявления русского духа, признали многие его враги. Так, о преемственности большевизма от интеллигентской традиции А.С. Изгоев писал: «Все главные по-

литические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа. В роли критиков выступили не те или иные литераторы, а сама жизнь. Нет высшего авторитета. На критику жизни нет апелляции. Большевики и их господство и воплотили в себе всю эту критику жизни. Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими. Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка» (39). А по поводу родства большевизма и крестьянства П.Я. Рысс высказался так: «Психология большевизма была психологией типично русской... переваренный в кипятке русской психологии, большевизм, как нельзя более, соответствовал времени и духу народа... Кто были они — большевики?.. Нет, это не злоумышленники, не удачливые преступники, совершившие великое зло, — это русские по психологии своей люди, дошедшие до конца в отрицании им чуждого... Это — психология русского крестьянства, и потому большевики не были продуктом чужеземным; нет, это было русское, насквозь — русское явление!» (40).

Внимательные современники рассматриваемых событий высказывали мнение, что «в процессе революции произошло... разделение русских интеллигентов на большевиков, угадавших веления революции и потому «торжествующих» вместе с нею, и на не угадавших их и потому страдающих, ноющих, клеветующих, запутавшихся в лжи и противоречиях» (41). По признанию П.Н. Милюкова, «на назревающие в стране события нельзя смотреть как на какой-то объективный, физиологический процесс; огромная роль принадлежит психологии, которая может приблизить или отдалить момент хирургического вмешательства. Выбор момента не от конституционных демократов зависит; если бы столь многое могло от них зависеть, конституционные демократы вышли бы из создавшегося положения не путем хирургии. Но ход вещей зависит от чего-то другого, во всяком случае, не от правительства в его нынешнем составе... Будут ли поводом голодные бунты или выступления большевиков, но жизнь толкнет общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции. Процесс этот совершится без нас, но мы по отношению к нему не в нейтральном положении: мы признаем его и сочувствуем ему в известной мере» (42). Таким образом, даже кадеты вынуждены были признать полную и безоговорочную психологическую победу большевиков как доминантный фактор политической истории русской революции с весны до осени 1917 г., подытожив: «...психология — анархическая психология большевизма — была до сих пор наиболее ярким и наиболее действенным фактором этой истории» (43).

Последнее замечание явно нуждается в комментарии. Психология большевизма не была «анархической», она объединила в себе полярные, антиномичные

начала народной психологии — стремление к безвластию и преклонение перед властью, пресловутые «бунт» и «смирение». Уже некоторым из участников тех событий быстро стало ясно, что «...бунт не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново» (44). В проекте выступления представителя Союза врачей на Государственном совещании в августе 1917 г. был дан любопытный психиатрический диагноз-прогноз взаимодействию партий и масс России: «После мозгового переутомления сознательных русских людей за время долгой войны дворцовая революция, связь между партийными доктринами и стремлениями народных масс создали острый психоз... Для немногих общественных медиков, сумевших сохранить самостоятельность и независимость мысли, отличающихся государственным умом, остается ясным, что выхода из патологического состояния нельзя искать у многочисленных масс, классов и партий, находящихся в состоянии психоза, что нужно, наблюдая и находясь вне их болезненного состояния, найти выход, исходя из реального взгляда на общественную структуру, ее законы... Не поддаваясь общему психозу... можно кратко определить его сущность, заключающуюся в том, что к государственному строительству или реформам государственного строя массы, классы и партии стремятся приступить, основываясь только на волевом начале, полагая, что воля большинства определяет общественную структуру, в то время как воля каждого человека является незначительным, подчиненным человеческой природе элементом. Эта воля большинства в своем патологическом состоянии и нуждается в воздействии на нее с целью ее отречения от насилия над естественными законами общественной природы. Воздействие на это болезненное проявление воли путем глубокого влияния на сознание может быть тройким. Либо упорство ослабевает от страданий после коренного разорения страны и большинство в конце концов подчиняется законам общественной структуры, руководствуясь наблюдением, переиспытанием на себе их влияния, их непобедимости. Такое воздействие связано с многолетним периодом постепенного прояснения сознания у масс под влиянием тяжелых испытаний. Либо упорство больной воли может быть сломлено внешней причиной, каковой в настоящем случае является бессознательное подчинение воли русского народа силой германской культуры. Либо, наконец, путем локализации бессознательной воли большинства меньшинством, для которого требуется более краткий период для осознания непреодолимости законов общественной структуры» (45). В известном смысле, большевикам удался третий вариант. Колебания психологии масс от упоения революционной анархией до признания необходимости настоящей — твердой, авторитарно-патерналистской — власти, в психологическом плане сохранявшей преемственность от традиционного российского самодержавия, по железной логике истории закончились установлением диктатуры, способной применить долгожданную государственную силу и собственной беспощадностью обуздать мнимо «бессмысленную» беспощадность русского бунта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цит. по: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. — М., 1989. — С. 300.
- (2) *Соколов К.Н.* Трагедия предпарламента // *Нива*. — Пг., 1917. — № 46. — С. 722.

- (3) Цит. по: *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России: кадеты и октябристы. — М., 1996. — С. 253.
- (4) *Изгоев А.* Социалисты и крестьяне. — Пг., 1917. — С. 5.
- (5) Волжский день. — Самара, 1917. — 26 июля.
- (6) ЦГАИПД СПб. — Ф. 4000. — Оп. 18. — Д. 116. — Л. 5.
- (7) *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. — М., 2005. — С. 37.
- (8) *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — С. 203, 223.
- (9) *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. — М., 1997. — С. 33.
- (10) Цит. по: *Пайнс Р.* Русская революция. — Ч. 1. — М., 1994. — С. 169.
- (11) Саратовский Вестник. — Саратов, 1917. — 18 июля.
- (12) Цит. по: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. — М.—Л., 1927. — С. 140.
- (13) Волжский день. — 1917. — 26 июля.
- (14) *Покровский И.А.* Перуново заклатье // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. — М., 1992. — С. 265.
- (15) *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — Ростов, 1996. — С. 3—4.
- (16) *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. — 1996. — № 5. — С. 29—30.
- (17) Волжский день. — 1917. — 11 мая.
- (18) ГАРФ. — Ф. 579. — Оп. 1. — Д. 854. — Л. 18.
- (19) ГАСО. — ФП. — 651. — Оп. 5. — Д. 48. — Л. 44. — Об. 49.
- (20) См.: Речь. — Пг., 1917. — 28 сентября; ГАРФ. — Ф. 1791. — Оп. 6. — Д. 165. — Л. 74; Д. 167. — Л. 45; Ф. 1796. — Оп. 6. — Д. 164. — Л. 75—76.
- (21) Цит. по: *Думова Н.Г.* Кончилось ваше время. — М., 1990. — С. 39.
- (22) Рабочая Газета. — Пг., 1917. — 25 августа.
- (23) См. речь А.Н. Потресова на Всероссийском объединенном съезде РСДРП. — РГА СПИ. — Ф. 275. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 18.
- (24) Волжский день. — 1917. — 24 мая.
- (25) Летучий Листок Меньшевиков-Интернационалистов. — Пг., 1917. — № 2. — С. 5.
- (26) Меньшевики. Сборник статей, воспоминаний и документов. — Бенсон, 1988. — С. 155.
- (27) *Жордания Н.* Моя жизнь. — Стэнфорд, 1968. — С. 77.
- (28) Пролетарий Поволжья. — Саратов, 1917. — 26 октября.
- (29) Волжский день. — 1917. — 6 сентября.
- (30) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 137.
- (31) РГА СПИ. — Ф. 274. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 120.
- (32) *Ключников Ю.В.* Смена вех // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. — М., 1992. — С. 228—230.
- (33) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 12. — С. 34.
- (34) См., напр.: Москвич-избиратель. — М., 1917. — № 11.
- (35) *Пайнс Р.* Русская революция. — Ч. 2. — С. 80—81.
- (36) *Горький М.* Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. — М., 1990. — С. 185.
- (37) *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. — Берлин, 1930. — Т. 2. — С. 56.
- (38) *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. — М., 2005. — С. 171.
- (39) *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Пути Евразии. — 1992. — С. 178.
- (40) *Рысс П.Я.* Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. — Париж, 1921. — С. 113—116.

- (41) *Ключников Ю.В.* Смена вех... — С. 233.
- (42) ГАРФ. — Ф. 523. — Оп. 2. — Д. 20. — Л. 3.
- (43) *Набоков В.* Шесть месяцев революции // Вестник Партии Народной Свободы. — Пг., 1917. — № 19.
- (44) *Португейс С.О.* У гроба Великого Диктатора // Заря. — Берлин, 1924. — № 1. — С. 9.
- (45) ГАРФ. — Ф. 881. — Оп. 2. — Д. 55. — Л. 1.

PSYCHOLOGY OF MASSES AND PARTIES IN RUSSIAN REVOLUTION: FROM FEBRUARY TO OCTOBER 1917

P.P. Marchenya

Department of Philosophy
Moscow University of the Ministry of Interior of Russia
Academica Volgina Str., 12, Moscow, Russia, 117437

The problem of interaction and mutual psychological influence of political parties and masses takes center stage. Psychology of masses and parties is regarded as a main factor in history of Russia in 1917, which is crucially important for understanding the logic of Russian Revolution. Mass consciousness is regarded as a dominant in political history and as social and cultural foundation of Bolsheviks' victory in the contest of political parties from February to October 1917.

Key words: Russian Revolution, Strife, psychology, political parties, masses, mass consciousness, February 1917, October 1917.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 Г.: РОЛЬ МЕНЬШЕВИКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

А.Ю. Гаврилов

Кафедра истории и политологии
Российский государственный университет туризма и сервиса
*ул. Главная, 99, пос. Черкизово, Пушкинский район,
Московская область, Россия, 141221*

В статье анализируются роль и влияние меньшевиков в политической жизни России в период между Февральской демократической и Октябрьской социалистической революциями 1917 г. Автор показал причины, вынудившие меньшевиков в сложных условиях социального противостояния в мае 1917 г. войти в состав Временного правительства, исследовал позиции различных течений меньшевизма по отношению к данному шагу. В статье рассматривается стремление меньшевиков летом 1917 г. сформировать политически однородное левоцентристское правительство без участия кадетов и причины, не позволившие достичь этой цели.

Ключевые слова: меньшевизм, Февральская революция, Временное правительство, коалиция.

Все течения российской социал-демократии неизменно исходили из характеристики Февраля 1917 г. как буржуазно-демократической русской революции. В рамках этой схемы воспитались и теоретики, и практики меньшевизма — в российской революции должны были активно участвовать цензовые слои общества, а государственная власть должна была бы быть властью представляющей, в конечном счете, интересы буржуазии и «буржуазной революции». До Февральской революции отсюда вытекала тактика, направленная на то, чтобы придать «побольше храбрости» либеральным оппонентам самодержавного государства. Давление рабочего класса на буржуазию должно было ее «революционизировать» и «толкать» к захвату власти. Меньшевики считали, что «социал-демократия не должна себе ставить целью захватить или разделить власть», а должна «строить свою тактику в расчете на сохранение за социал-демократической партией положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам» (1).

Участие социалистов в правительстве откладывалось до социалистической революции, когда социал-демократическая партия приступит к осуществлению своей программы. А до того буржуазная революция должна ликвидировать самодержавный государственный строй, остатки феодального уклада и создать предпосылки действительного развития капиталистического хозяйства в России. Пока этого не произошло, необходимо было избегать участия социалистов в правительстве, поскольку российский рабочий класс и представляющая его социалистическая партия не могли, по мнению меньшевистских лидеров, обладать необходимыми подготовленными кадрами для успешного «перенятия» власти. Участие социалистов в правительстве, помимо этого, не смогло бы не вызвать в массах ожиданий, выходящих далеко за рамки капиталистической системы и за пределы возможностей российской революции, и неизбежно восстановило бы радикальные элементы

против отсрочки в осуществлении самых крайних их требований. Вхождение социалистов в правительство создало бы иллюзии у социальных низов и вызвало бы в них стремление толкать его на радикальные меры, выходящие далеко за пределы реальных возможностей буржуазного строя. Это привело бы к разрыву между пролетариатом и несоциалистическими кругами общества и толкнуло бы потенциальных союзников рабочего класса в лагерь реакции и врагов революции.

В мае 1917 г. меньшевики вынуждены были войти в состав Временного правительства, которое без участия в нем социалистов оказалось бы лишенным авторитета, необходимого для управления страной. Министрами стали И.Г. Церетели и М.И. Скобелев, активные представители нового блока революционных оборонцев. Они относились к своему участию в правительстве как к чему-то неестественному и неоднократно пытались оправдать и объяснить свое поведение (2).

Меньшевики-интернационалисты оставались противниками этого решения. Во время первого правительственного кризиса, когда министр иностранных дел П.Н. Миллюков ушел в отставку и во время переговоров была образована коалиция, меньшевики-интернационалисты еще не представляли сколько-нибудь значительной силы в организациях на местах и даже в Петрограде. Они могли в тот момент ограничиться общими возражениями против участия во власти, прибегая к традиционным социал-демократическим аргументам, доказывая, что неучастие социалистов в кабинете и давление советов на Временное правительство заставит его отказаться от политики, которую проводил Миллюков, и приступить к переговорам с Германией, направленным на скорейшее завершение войны.

Ко времени второго правительственного кризиса, закончившегося образованием 8 июля новой коалиции, меньшевики-интернационалисты уже убедились в том, что Советы не смогут толкнуть Временное правительство к выходу из войны. Обязуясь сохранить коалицию, министры-социалисты тем самым предоставили министрам-кадетам возможность неограниченного вето. Отказ же социалистов от участия в правительстве и сдачи власти кадетам и представителям других буржуазных партий был явно лишен политического смысла. Поэтому меньшевикам-интернационалистам пришлось, в свою очередь, также пересмотреть свой прежний подход к проблеме участия во власти (3).

Особые условия возникновения Февральской революции привели к тому, что в самом ее начале фактическая власть оказалась в руках социалистических партий. Временное правительство могло действовать лишь под контролем Советов, где господствовали меньшевики и социалисты-революционеры. Уже к началу мая 1917 г. Временное правительство стало коалиционным, представляя как буржуазные, так и социалистические партии. Если коалиционное правительство оказывается неспособным демократизировать страну и завершить войну, в случае невозможности добиться этих целей выходом из правительства и предоставлением всей власти тем кругам, которые саботируют необходимые для спасения революции и страны мероприятия, то от коалиции нужно было отказаться, но не путем выхода из правительства, а, напротив, взяв всю полноту власти и создав однородное социалистическое правительство при поддержке народа.

Реальная возможность формирования левоцентристского некоалиционного правительства открылась, по мнению меньшевиков-интернационалистов, 2 июля

1917 г., когда министры-кадеты вынуждены были уйти в отставку, а князь Г.Е. Львов оставил пост премьер-министра. Однако эта возможность была сорвана вооруженным выступлением большевиков в Петрограде, произошедшим 3—4 июля 1917 г., и последующим переходом Временного правительства к политическим репрессиям против них.

Поскольку либерально-буржуазные партии участвовали в свержении монархии, меньшевистский прогноз — о движущей роли буржуазии в российской революции — оправдался. Меньшевики не предвидели, что «она так скоро эту роль сыграет» и что уже в первые недели революции контрреволюционная буржуазия «объединилась под лозунгом империалистических захватов». Прошедшие 6 месяцев убедили меньшевиков в том, что буржуазия не заинтересована в демократическом переустройстве страны и рабочее движение не сможет использовать в своих целях антагонизм между либеральной буржуазией и помещичьими слоями.

Меньшевики-интернационалисты считали, что после того как возможность образования «однородного» правительства, т.е. правительства без участия кадетов и других представителей капиталистических групп, была упущена в начале июля 1917 г., вопрос о составе кабинета станет актуальным при одном из ближайших неотвратимых кризисов «крайне неустойчивой» коалиции. Они не намеревались форсировать события, считая, что «в данный момент еще отсутствуют предпосылки» желательной им реорганизации власти.

Меньшевики считали, что после Февраля 1917 г. имелись «основания ожидать» наличия условий для дальнейшего развития революции. Отход буржуазных элементов в лагерь контрреволюции и «глубина антагонизма, вызываемого постановкой аграрной и ряда других проблем, между совокупностью имущих классов и всей демократией» могли убедить мелкобуржуазные крестьянские и городские слои в том, что «путь к земле, к демократической республике и к спасению страны из объятий империалистической войны лежит через тесный союз с пролетариатом, через полный и последовательный разрыв с капиталистической буржуазией» (4).

Большевики видели в разрыве коалиции средство для осуществления задач социалистической революции, или «по крайней мере, переходной между буржуазно-демократической и пролетарски социалистической» и подменяли задачу перехода власти «в руки всей демократии» задачей захвата власти «пролетарским меньшинством демократии в целях «прыжка» за исторические пределы буржуазно-демократической революции. Содержание, которое большевики и поддержавшие их массы вкладывали в понятие демократической власти, было утопично и опасно. Но этот лозунг сам по себе был верным и соответствовал основной задаче — объединению пролетариата с крестьянской и городской мелкой буржуазией.

Социал-демократы отвергали лозунг эсеров — переход всей земли народу — на том основании, что последние связывали с ним утопическое представление о небуржуазной, полусоциалистической революции, и лишались возможности найти точки соприкосновения с крестьянством. Отвергать правильный в тот момент лозунг политического разрыва с крупной и средней буржуазией из-за того, что большевики связывают с ним утопическое представление о разрыве с буржуазной революцией, было неразумно. Опасность максималистского, утопического пони-

мания исторических возможностей была велика среди пролетарских масс. От этой опасности было нельзя уйти, внушая массам, что они должны позволить буржуазии остановить развитие революции. Это также являлось особым рода утопической идеей.

Новизна данной позиции, нечеткая формулировка вытекающих из нее политических выводов, с одной стороны, и опасение коварных действий со стороны большевиков, с другой, ослабляли восприятие аргументов меньшевиков.

Основной проблемой Февральской революции, возникшей вследствие усталости России от затянувшейся мировой войны, являлось стремление к ее скорейшему завершению. Один из лидеров меньшевиков Ю.О. Мартов сформулировал положение так: «Либо революция убьет войну, либо война убьет революцию». Война в 1917 г. была непопулярна в народе.

Но Временное правительство на это никак не могло решиться: общественное мнение российской либеральной интеллигенции такого рода шаг считало «национальной изменой» и «предательством союзной демократии» (5).

Сомнение в наличии демократических элементов в рядах буржуазных партий и в способности коалиционного правительства проявить необходимую энергию в борьбе за мир и за преодоление хозяйственной разрухи охватило к тому времени уже многих революционных оборонцев. Революции грозила опасность со всех сторон. Рабочие и солдатские массы столиц явно подпадали под влияние радикальной агитации большевиков. Накануне открытия съезда меньшевики потерпели чувствительное поражение на выборах в Петроградскую городскую думу. Армия разлагалась вследствие введения в марте 1917 г. выборности командиров и замены единоначалия солдатскими комитетами. В борьбе за мир никаких успехов не намечалось. Положение в деревне становилось критическим, а несоциалистические члены кабинета продолжали сопротивляться всем шагам, подготовлявшим неизбежный переход земли к крестьянам. Временное правительство не решалось ни на какие финансовые и экономические реформы и оказалось вынужденным полагаться исключительно на денежную эмиссию, что вело к катастрофе.

Еще в конце сентября 1917 г. представители кадетов и тех торгово-промышленных групп, которые готовы были участвовать в коалиционном правительстве, решительно возражали против программы мероприятий, предлагаемой склонными к компромиссу социалистами.

А.Ф. Керенский, подготовивший в сентябре 1917 г. состав нового правительства с участием «кадетов, не причастных к корниловскому выступлению», должен был отказаться от опубликования списка министров из-за решительных возражений Центральных комитетов обеих социалистических партий. Вместо намеченного Керенским правительства стране представилась временная 5-членная Директория. Кроме Керенского в нее вошли министр внутренних дел, московский адвокат, меньшевик А.М. Никитин, министр иностранных дел, киевский промышленник, М.И. Терещенко, генерал А.И. Верховский и контр-адмирал Д.В. Вердеревский. Ни Терещенко, ни военные специалисты не были членами кадетской партии.

Формирование полного состава Временного правительства «уперлось в тупик», и ЦК РСДРП(о) выдвинул идею конференции демократических организаций для создания новой власти. Даже Мартов мирился с образованием Директории, по-

скольку в нее не были включены кадеты и поскольку Керенский согласился на провозглашение республики. Мартов ссылался на успех, которого добились Центральные комитеты РСДРП(о) и Партии социалистов-революционеров, когда они, наконец, решились предъявить ультиматум Керенскому, и надеялся, что на созываемой конференции демократических организаций удастся добиться образования некоалиционного правительства на смену временной директории (6).

Революционные оборонцы, противники коалиции, надеялись, что если Демократическое совещание потребует образования однородного, т.е. некоалиционного, правительства, Керенский в той или иной форме примирится с этим решением. Они надеялись, что правительство, которое не будет иметь в своих рядах министров, саботирующих неотложные мероприятия, и которое будет в представлении масс стоять полностью «на почве революции», сможет справиться с натиском большевиков и иммунизировать массы к большевистской агитации.

Сторонники коалиции, со своей стороны, ожидали, что встреча с более прагматичными представителями русской провинции убедит противников коалиции в том, что толща русского населения не примирится с властью, в которой представлены только социалистические элементы (7).

В течение двух недель между образованием Директории и открытием Демократического совещания 14 сентября 1917 г. противники и защитники коалиции развили и уточнили свои позиции. Уже тогда выяснилось, что точка зрения ЦК встретила широкую поддержку среди меньшевиков в провинции.

Требование подотчетности и ответственности Временного правительства перед «демократией» являлось очень популярным аргументом в арсенале противников коалиции. Подчиненность Временного правительства кому бы то ни было отвергалась цензовыми группами, ссылавшимися на то, что Временное правительство является преемником правительства, созданного в марте 1917 г. при участии Государственной думы, и является, как и то правительство, органом совершенно независимым и никому не подотчетным (8).

Видный социал-демократ Б.С. Кибрик отмечал, что меньшевики раньше «стояли за включение в коалицию и кадетской партии и организации торгово-промышленного класса, поскольку они брали на себя обязательства осуществлять программу всей демократии и поскольку объективные условия давали основания полагать, что они будут ее осуществлять». Положение, однако, изменилось и теперь необходимо, организуя революционную власть, отбросить тех, «кто определенно отошел от революции и кто являлся вдохновителем корниловщины — партию конституционных демократов и организации крупной торгово-промышленной буржуазии — или кто недостаточно решительно отмежевался от корниловщины». В отличие от большевиков, которые призывали к захвату власти пролетариатом и беднейшим крестьянством, было необходимо «сплотить ряды революционной демократии и тех, кто не за страх, а за совесть поддерживает ее программу» (9).

«Однородное» демократическое правительство социалистических партий, которое по планам большинства членов ЦК РСДРП(о) должно было быть создано Демократическим совещанием и которое должно было заменить распавшееся коалиционное правительство, очевидно, предполагалось как правительство без участия в нем большевиков. Временное правительство (последнего состава) с участи-

ем большевиков, народных социалистов и правого крыла партии социалистов-революционеров было немыслимо. Меньшевики считали, что любое правительство с участием большевиков могло бы лишь утвердиться против и в борьбе с «несоветской демократией». Для меньшевиков такое правительство было, при той позиции, которую занимали уже к тому времени большевики, также неприемлемо. Все течения в меньшевизме сознавали, что такое правительство вело неизбежно к террору и гражданской войне и что ответственность за такую политику некоалиционной власти никто не считал возможным брать на себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Вишняк М.В.* Февральская революция и ее крушение // Социалистический вестник. — 1962. — № 3/4. — С. 49.
- (2) Перед решением // Рабочая газета. Орган ЦК РСДРП(о). — Петроград, 1917. — № 149. — 1 сентября. — С. 1; К юбилею революции // Социалистический вестник. — 1927. — № 5/6. — С. 1—2.
- (3) *Маслов П.* Политическая или социальная революция? // Дело. — 1917. — № 3—6. — С. 5—16.
- (4) *Кучин Г.Д.* О революционных элементах большевизма // Социалистический вестник. — 1924. — № 14. — С. 12.
- (5) См.: *Абрамович Р.* Грехи Февраля или отцы и дети // Социалистический вестник. — 1949. — № 1. — С. 10—11.
- (6) *Ортодокс Л.* Революция и догматизм // Дело. — 1917. — № 3—6. — С. 18.
- (7) Советы и демократия // Рабочая газета. Орган ЦК РСДРП(о). — Петроград, 1917. — № 161. — 15 сентября. — С. 1—2.
- (8) *The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War / Ed. by L.H. Haimson.* — S. 24.
- (9) См. также: *Далин Д.* Большевизм и революция // Социалистический вестник. — 1928. — № 10.

FROM FEBRUARY TO OCTOBER, 1917: THE ROLE OF THE «MENSHEVIKS» IN THE POLITICAL LIFE OF RUSSIA

A.U. Gavrilo

Department of History and Political science
Russian State University of tourism and service
*Glavnaya Str., 99, Set. Cherkizovo, Pushkinskiy Dist.,
Moscow Reg., Russia, 141221*

The author analyses the role and the influence of the «Mensheviks» in political life of Russia between the democratic Revolution in February and socialist Revolution in October, 1917. In this article the author showed the reasons which forced the «Mensheviks» (in difficult situation of the social confrontation in May, 1917) to be in the Provisional government, studied the positions of different parts of «menshevizm» concerned this step. This article examines the «mensheviks'» aspiration (in summer 1917) to form a political similar left-of-centre government without constitutional democrats, and the reasons which prevented getting this aim.

Key words: «menshevizm», February Revolution, Provisional government, coalition.

СОВЕТСКИЕ СОВЕТНИКИ И ЧАН КАЙШИ: ДВЕ СТРАТЕГИИ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1920-Е)

А.Г. Юркевич

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается политика, которую группа советских военных советников, оказывавшая помощь южнокитайскому правительству Сунь Ятсена, лидера партии Гоминьдан, в 20-е г. XX в. проводила в отношении военного строительства. По мнению автора, советники догматически следовали, с одной стороны, установкам Коминтерна на завоевание коммунистами доминирующего положения в национальных движениях на Востоке, с другой — опыту гражданской войны в России, пытаясь через контроль над военными школами подчинить своему влиянию ненадежные полусамостоятельные войска, поддерживавшие Сунь Ятсена. Этим догматизмом и помощью Москвы воспользовался Чан Кайши, под видом «учебных частей» создавший военную опору будущей гоминьдановской государственности.

Ключевые слова: советские военные советники, Южный Китай, Сунь Ятсен, правительство Гоминьдана, военное строительство, установки Коминтерна, национальное революционное движение, Чан Кайши.

В сентябре 1924 г. П. Нилов (Сахновский), и.о. начальника военного отдела советнической группы, оказывавшей помощь правительству Сунь Ятсена, в докладе военному атташе полпредства СССР в Пекине А.И. Геккеру, с удовлетворением сообщал, что китайская сторона представила «проект создания трехбатальонного учебно-кадрового полка и смету по его организации и содержанию». Нилов констатировал, что проект формирования одновременно боевой части и унтер-офицерской школы «исходит из правильной предпосылки — необходимости создания кадров, которые будут являться костяком реорганизованной армии. Если в учебно-кадровом полку нам будет гарантировано непосредственное руководство им (а такое требование сейчас может быть выдвинуто), перед нами открывается новая *возможность проникновения в армию* (курсив мой. — А.Ю.). Кроме того, при том же условии полк будет надежной боевой частью, которая *в случае необходимости может быть предоставлена в распоряжение оформившегося левого крыла Гоминьдана* (курсив мой. — А.Ю.). Находясь в Кантоне (принятое в западной литературе наименование г. Гуанчжоу, где находилось правительство Сунь Ятсена. — А.Ю.) или окрестностях, полк сможет быть привлечен к выполнению любой операции внутреннего характера. Учебно-кадровый полк, обучаемый нашими инструкторами, состоящий из специально подобранных солдат и офицеров... станет образцом для союзных армий и вопрос об их реорганизации быстрее двинется вперед» (1).

В сообщении обращают на себя внимание несколько моментов.

Во-первых, советники получили от китайской стороны неполную информацию о проекте.

Им тогда не было известно, что еще в конце июля 1924 г. Чан Кайши, начальник Офицерской школы сухопутных войск, или военной школы Хуанпу (Вампу на гуандунском диалекте), как ее стали называть по второму имени места ее дислокации — о-ва Чанчжоу в устье р. Чжуцзян, направил своего помощника Чэнь Гофу в Шанхай для организации вербовочного пункта, который должен был заниматься наймом унтер-офицеров и солдат для новых формирований (2). Данная акция осуществлялась с одобрения Сунь Ятсена и в тайне как от советников, так и от руководящих органов Гоминьдана. Чэнь Гофу вспоминал: «Чан Кайши передал мандат от президента, предписывавший мне, Чжао Чэнчжи и Лю Цухуаню втроем войти в призывную комиссию, а начальник школы поручил мне возглавить эту работу, с тем чтобы осуществлять набор для первого и второго учебных полков; начальник школы велел мне набирать рекрутов в трех провинциях — Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой» (3). Таким образом, личный состав полков должен был представлять регионы, население которых говорило на диалектах, родственных тому, который был родным для чжэцзянца Чан Кайши. Парадоксальным образом ядро вооруженных сил, верных партии, ставившей целью объединение страны под своим политическим главенством, должно было составить земляческое сообщество (4). Сохранение этого проекта в секрете от советников позволяло Сунь Ятсену и Чан Кайши, по меньшей мере, предотвратить попытки Москвы и КПК повлиять на набор личного состава для новых частей за пределами Гуанчжоу (5).

Во-вторых, проект формирования учебных частей, предложенный Чан Кайши, стал явной новостью для советников, к тому времени проработавших в Гуанчжоу уже около года, но подобного мероприятия не планировавших.

В-третьих, в этом проекте руководство группы увидело возможность осуществления тех задач, которые ставила перед ним Москва. Как следует из цитированного выше доклада, большое значение советники придавали «проникновению в армию» и операциям в пользу «левого крыла», которое непременно должно было оформиться в Гоминьдане.

Политика советнической группы в этом вопросе определялась, во-первых, курсом Коминтерна на создание в странах Востока единого фронта коммунистических партий с национальными революционными движениями и постепенное подчинение коммунистами этих движений (6); во-вторых, опытом гражданской войны в России.

Задолго до 1923 г., когда группа южнокитайских генералов, захвативших административный центр пров. Гуандун портовый город Гуанчжоу, пригласила лидера партии Гоминьдан Сунь Ятсена возглавить гуанчжоуское правительство, в декабре 1921 г. представитель Коминтерна Г. Маринг предлагал Сунь Ятсену наряду с реформированием Гоминьдана и установлением сотрудничества с КПК создать офицерскую школу в качестве «основы революционной армии» (7). Прибывший осенью 1923 г. в Гуанчжоу главный политический советник Гоминьдана М.М. Бородин (Грузенберг) в докладной записке от 10 декабря 1923 г., в разделе «Задачи Суня», следующим образом формулировал общую установку в области военного строительства: «*Реорганизовать и целиком подчинить руководству Го-*

миньдана армию (курсив мой. — А.Ю.), насчитывающую в настоящее время от пятидесяти до ста тысяч солдат. Для этого Суню необходимо создать военные школы, обращая серьезное внимание на подготовку политработников. В этом отношении кое-что уже сделано. 25 ноября Временный исполнительный комитет Гоминьдана под председательством Суня окончательно принял прилагаемый при сем проект организации *первой* (курсив мой. — А.Ю.) военной школы в Кантоне, построенной по принципу батальонной единицы (школы Хуанпу. — А.Ю.)» (8).

Задача «реорганизации и подчинения» уже существующих полусамостийных соединений «союзной армии» правительству Суня исходила из опыта советников, мысливших себе положение в Китае слепком с ситуации, сложившейся в России в начале гражданской войны. Там новая власть посредством индоктринированных командирско-комиссарских кадров, подготовленных целой сетью организованных в Красной Армии военных школ ускоренного выпуска, ставила под свой контроль новые формирования и анархистско-партизанскую вольницу. Ту же модель советники намеревались применить в Китае. «Через военные школы, — писал Нилов, — руководимые из одного учебного центра — инспекции военно-учебных заведений при условии, что в каждой школе будут наши инструктора, мы получаем возможность влиять на подготовку всей армии. Новые офицеры явятся в армии с несколько иными взглядами, так как в школе они получили и получают (так в тексте. — А.Ю.) соответствующую политическую подготовку» (9).

Школа Хуанпу, начавшая свою работу в мае 1924 г., так и осталась единственным такого рода учебным заведением, непосредственно подчиненным Сунь Ятсену. Выпускники Хуанпу, политически подкованные при участии советских военных специалистов и гоминьдановских политработников, среди которых наибольшую активность проявляли действовавшие в Гоминьдане китайские коммунисты, по плану советников, должны были составить «костяк» вооруженных сил, призванный возглавить и повести за собой политически инертную массу бойцов, в случае необходимости — против их же «реакционного» командования (тогда созидательной «реорганизующей» активности должна была предшествовать работа по «разложению» войск, в которые удалось «проникнуть» (10)). С той же целью советские советники предпринимали серьезные усилия к «проникновению» в военные школы отдельных «союзных» армий — Юньнаньской, Гуансийской, Хунаньской и других, надеясь усилить в этих войсках влияние коммунистов и центрального аппарата Гоминьдана (11). Эти попытки существенного эффекта не дали. Китайские генералы не собирались поступаться правами на «собственные» войска — опору их политического влияния и инструмент обогащения. По той же причине провалился план, предложенный главным военным советником П.А. Павловым (погиб в июле 1924 г. в результате несчастного случая): он намеревался решить проблему создания централизованно управляемой армии, выведя по одному полку из каждой дивизии «союзных» армий «для особого обучения и воспитания» (12).

Когда гоминьдановские военные отвергли план Павлова, тогда и всплыл проект любимца Сунь Ятсена Чан Кайши. 11 августа Чан обратился в Политсовет Гоминьдана с ходатайством о принятии решения по поводу «плана комплектова-

ния и подготовки революционной армии». Предлагалось сначала «набрать три учебных батальона с целью упорядочения всех имеющихся соединений и последующей подготовки кадров для них, а кроме того создать три учебных полка, артиллерийский дивизион и инженерный батальон» (13). В каждом полку предлагалось иметь 3569 чел. личного состава, общие расходы на реализацию проекта должны были превысить 436 тыс. юаней, из них более 270 тыс. — непосредственно на создание трех полков, отдельных дивизиона и батальона (14).

Проект, очевидно, принимал в расчет ту стратегию создания надежно подчиненных правительству вооруженных сил, которую упорно пытались реализовать посланцы Москвы в 1924 г. Советская идея подготовки «разлагающе-организующего» индоктринированного «кадра» активно пропагандировалась тогда советниками среди руководства Гоминьдана (активным ее сторонником был, в частности, ближайший соратник Сунь Ятсена, комиссар школы Хуанпу Ляо Чжункай (15)). Из проекта от 11 августа и представленного Чан Кайши 19 августа в ЦИК Гоминьдана «Предложения по организации военно-учебных полков центрального подчинения» видно, что концепция учебных частей была использована Чаном также и для того, чтобы замаскировать планы создания в Гуандуне еще одной военной силы, которая неизбежно вступала в конкуренцию с соединениями генералов «союзной» армии. Создание новых частей он обосновывал «общей пользой», обещая готовить кадры для «всех имеющихся соединений» (16).

Проект был существенно скорректирован военными советниками. Китайской стороне было предложено ограничиться двумя полками в два раза меньшей численности, организованными не по модели «четыре по четыре» (четыре отделения во взводе, четыре взвода в роте, четыре роты в батальоне и т.д.), принятой в Китае, а по принципу «три по три», как в Красной Армии. Из сметы были вычтены расходы на закупку оружия в сумме 193 500 гуандунских долл., поскольку полки могли быть вооружены советским оружием (оно было доставлено в октябре 1924 г. на военно-посыльном судне «Воровский»). Общую сумму по смете советники сократили до 231 400 юаней, причем половину расходов они предлагали возложить на Гоминьдан. Для укомплектования полков советскими инструкторами руководство группы просило прислать еще двух-трех человек — «тем более что мы требуем нашего начальника штаба при командире гоминьдановце», подчеркивал П. Нилов планы усиления влияния коммунистов в новых частях (17). Части, создававшиеся по инициативе Чан Кайши, формировались при школе Хуанпу и организационно составляли с ней единое целое.

Первый взнос Москвы на «учебные» части поступил в конце октября — декабре 1924 г. Об этом свидетельствуют записи из дневника Управления военного отдела (т.е. группы военных советников) в Кантоне от 18 ноября 1924 г. о встрече прибывшего в Гуанчжоу в октябре 1924 г. нового главного военного советника В.К. Блюхера с комиссаром школы Хуанпу Ляо Чжункаем, а также документ из фондов РГАСПИ (недатированная копия финансового отчета военного отдела советнической группы за последние месяцы 1924 г.). Согласно дневнику, «...Ляо

заявил, что за период с 15 октября по 15 ноября школа Вампу получила якобы 25 тыс. кан[тонских] долл. из общей суммы 100 тыс. кант[онских] долл.

Тов. Галин (псевдоним Блюхера. — А.Ю.): За октябрь уплачено 59 тыс.; из оставшихся 75 тыс. долл. не уплачено 16 тыс.

За ноябрь дано 16 тыс. октябрьских плюс 47 тыс.

Ляо: Когда будет уплачена остальная часть?

Галин: Числа 25 ноября частично.» (18)

Вероятно, деньги прибыли в Гуанчжоу вместе с Блюхером. Согласно копии финансового отчета, до 15 ноября на школу Хуанпу и «Национально-революционную армию» (так в документах южнокитайской советнической группы именовались войска Чан Кайши уже в 1924 г., задолго до официального переименования вооруженных сил Гоминьдана, имевшего место летом 1925 г.), было израсходовано 27,5 тыс. «кантонских долларов», т.е. гуандунских юаней (Ляо Чжункай говорил о 25 тыс.), а с 15 по 30 ноября — 50 тыс.; видимо, это те самые 75 тыс., о которых говорит приведенная выше цитата. При этом школе Хуанпу еще причиталось за ноябрь 30,5 тыс. гуандунских юаней (19). В объяснительной записке к финансовому отчету отмечалось, что «Вампу, или Национально-революционная армия генерала Чан Кайши» (т.е. комплекс «школа — линейные части») должна получать 100 тыс. «кантонских долларов» (надо понимать, ежемесячно). В документе указывается, что на декабрь 1924 г. для Хуанпу «были запрошены» еще 100 тыс. (из общей суммы 127 244 «кантонских доллара» на армию Гоминьдана), на январь намечалась та же сумма (20).

Из этих документов явствует, что деньги на нужды гоминьдановских военных структур выделялись небольшими частями, неравномерно и не вполне регулярно (Ляо Чжункай просил Блюхера устроить выплату денег одновременно «или не более чем в два раза», тот обещал «урегулировать вопрос с Москвой») (21). Эта нерегулярность приводила к недоразумениям: Ляо утверждал, что выплачены только 25 тыс., Блюхер настаивал, что Хуанпу за октябрь получила уже 59 из 75 тыс.; как следует из финансового отчета, прав был скорее Ляо Чжункай. Имели место задержки выплат: соответствующие задолженности были в октябре (по Ляо Чжункаю — 50 тыс., по мнению Блюхера — 16 тыс.) и ноябре (30,5 тыс. согласно отчету). Деньги, выделявшиеся Москвой, частями направлялись в Гуанчжоу (в соответствии с обоснованием запроса гуанчжоуской группой и оценкой адекватности этого запроса вышестоящей инстанцией).

Наличие задолженности за ноябрь говорит о том, что деньги по запросам из Гуанчжоу могли поступать не в полном объеме. Согласно цитированной копии финансового отчета, всего на армию Гоминьдана по состоянию на декабрь 1924 г., в том числе, видимо, и на «союзные» войска, было израсходовано 112 744 гуандунских юаней, или 90 195 гонконгских (22) (курс последней валюты незначительно отличался от курса советского «золотого» рубля). Цифры с трудом суммируются: так, помимо указаний о расходах на «НРА» с 15 по 30 ноября в отчете фигурирует сумма в 47 тыс. «кантонских долларов», истраченная по той же статье с 13 ноября по 12 декабря 1924 г. (плюс 3 тыс. на Хунаньскую военную школу, курсанты которой тогда влились в школу Хуанпу) (23). Таким образом, до кон-

ца ноября 1924 г. на нужды «НРА» через советническую группу поступило как минимум 75 тыс. гуандунских юаней, а с учетом того, что выплаты продолжались и в декабре, по состоянию на конец года сумма должна была быть большей. Речь может идти примерно о той сумме, которая должна была покрыть долю советской стороны в финансировании «учебных частей».

Вполне вероятно, что до конца октября 1924 г. финансирование Хуанпу и новых частей шло исключительно за счет китайской стороны. Следует также признать, что документальных свидетельств о прямых *выплатах* через советников в адрес «НРА» после ноября-декабря 1924 г. пока нет. Однако нет и недостатка в материалах директивных инстанций, предписывавших такие выплаты.

Так, в документах руководящих органов ВКП(б) от 1925 г. фигурирует еще одна сметная статья, по которой деньги предполагалось направить на формирование новых частей под командованием Чан Кайши: в разных бумагах и редакциях сметы это 500 тыс., 450 тыс., 477 тыс. золотых руб. (24). Многократное подтверждение данной статьи в документах высших инстанций не позволяет усомниться, что деньги по ней были выделены.

Тем не менее, вопреки намерениям советников, новые части не стали ни кузницей политизированного «кадра», ни полем деятельности коммунистов и «левых» гоминьдановцев. Чан Кайши предпочел оставить полки линейными частями, которые только числились «учебными». В конце октября 1924 г. ЦИК Гоминьдана удостоил «войска Хуанпу», показавшие себя единственной военной силой в Гуандуне, не связанной с интересами локальных милитаристских группировок, наименования «партийной армии» (*дан цзюнь*) (25). В 1925 г. полки были развернуты в дивизию, а затем в 1-й корпус, полностью контролировавшийся Чаном.

Части Чан Кайши неплохо показали себя в кампаниях 1925 г., участвовали в подавлении внутренних мятежей и разоружении ненадежных войск. Организационная активность Чан Кайши, охватывавшая «войска Хуанпу», далеко выходила за пределы собственно военных нужд, во многом оставаясь в 1924—1927 гг. за пределами контроля со стороны русских советников. Это позволяет заключить, что для Чана создание «учебных» полков было элементом далеко идущего стратегического проекта. Комплекс «военная школа — линейные части» стал базой для формирования институтов, жизненно важных для системы власти Гоминьдана. Из этого комплекса брали начало так называемая Центральная армия, подчиненная лично Чан Кайши и обеспечивавшая в 30—40-е гг. его влияние на региональный генералитет; «Общество соучеников Хуанпу», составившее организационную базу крупных политических организаций («Общество возрождения» в 1932—1937 гг., «Союз молодежи трех народных принципов» в 1938—1944 гг.), военных политорганов и спецслужб; «клика Хуанпу» (*Хуанпу си*), являвшаяся одной из самых мощных фракций Гоминьдана. Для Чана «войска Хуанпу» стали, по сути, «точкой опоры» будущей гоминьдановской государственности.

Он обрел эту опору, переиграв эмиссаров Москвы в области стратегии военного строительства. Руководство советнической группы поощряло организационную активность Чана, содействовало ее финансированию и материальному обеспечению, исходя исключительно из тех моделей развития военно-политической ситуации на Юге Китая, которые вытекали из установок Коминтерна и россий-

ского опыта. Поразительно, что при этом совершенно не принимались в расчет собственные стратегические планы Гоминьдана, в частности, намеченная Сунь Ятсеном программа установления «военного правления» в первый период завоевания власти «Национальной партией» для последующего перехода к однопартийной «политической опеке» (26). Ни руководители Коминтерна и ВКП(б), занимавшиеся в те годы «китайским вопросом», ни их представители в Китае упорно не замечали заведомо «ненаучных» утопий гоминьдановского лидера, а заодно — и тех усилий, которые прилагали к осуществлению предначертаний вождя его последователи. Эта в буквальном смысле политическая близорукость стала одной из причин краха планов Москвы по «революционизации» Гоминьдана и подчинению его китайской компартии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 627. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 15—16.
- (2) Главный военный советник В.К. Блюхер в 1925 г. полагал, что он положил конец порочной практике такой вербовки и вынудил Чан Кайши упразднить вербовочные пункты, а набор личного состава передать в руки Политотдела, «что фактически значило... в руки коммунистов». — Блюхер в Китае, 1924—1927: новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. А.И. Картунова. — М., 2003. — С. 155—156. Но Блюхер ошибался.
- (3) *Чэнь Гофу*. Цзяньцзюнь чжи и е (Страница [истории] строительства армии) // Гэмин вэньсянь. — Тайбэй. — Вып. 8. — 1978. — С. 32—33. Цит. по: *Ли Фэн*. Хуанпу цзюньсяо цзяодаотуань дэ цзучзянь цзи цзаоци жэньши фэньси (Организация учебных полков при школе Хуанпу и анализ положения с личным составом в начальный период) // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо: цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжоунянь сюэшу луньвэньци (Национальная революция и военная школа Хуанпу: сб. науч. статей к 80-летию военной школы Хуанпу). — Чанчунь, 2004. — С. 149.
- (4) *Ли Фэн*. Хуанпу... — С. 149; *Хуан Бинфэн*. Хуанпу цзюньсяо чжи цзинфэй вэньти (Проблема текущих расходов военной школы Хуанпу) // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо... — С. 55; *Мао Сычэн* (ред.). Цзян Цзешу шан Чжэнчжи вэйюань цин цзюэдин гэминцзюнь мулянь цихуа хань (Письмо Чан Кайши в Политсовет с ходатайством о принятии решения по поводу Плана комплектования и подготовки революционной армии) // Миньго шиу нянь цян чжи Цзян Цзешу сяньшэн (Господин Чан Кайши до 15-го года Республики). — 1936. — Ч. 7. — С. 44—46.
- (5) Блюхер утверждал, что ему удалось добиться включения в учебный батальон (и, соответственно, в 1-й полк) 100 направленных от крестьянских и рабочих организаций по представлению коммунистов. — Блюхер в Китае, 1924—1927. — С. 160. Однако это не привело к существенному увеличению влияния КПК в учебных частях.
- (6) Об этом см. напр.: Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы / Рук. М.Л. Титаренко, Го Хэньюй. — М., 1994. — Т. I: 1920—1925 — С. 10—14.
- (7) Хуанпу цзюньсяо шиляо (Материалы по истории военной школы Хуанпу). 1924—1927. — Гуанчжоу, 1982. — 1985. — С. 11.
- (8) Там же. — С. 340—341.
- (9) РГАСПИ. — Ф. 627. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 19.
- (10) См.: Там же. — Д. 7. — Л. 207, 209; *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае, 1924—1927 гг.: документированный очерк; документы. — Изд. 2-е, доп. — М., 1979. — С. 102—103.

- (11) Подробнее об этом см.: *Юркевич А.Ю.* Военные школы армии Сунь Ятсена и советские военные советники // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2001. — № 1.
- (12) РГАСПИ. — Ф. 627. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 15.
- (13) *Ли Фэн.* Хуанпу... — С. 149—150.
- (14) *Хуан Бинфэн.* Хуанпу... — С. 55; *Мао Сычэн* (ред.). Цзян Цзеши... — С. 44—46.
- (15) В одном из выступлений перед курсантами Хуанпу Ляо Чжункай в качестве примера выполнения партийно-служебного долга назвал изменение «сердцевины армии противника». Для выполнения этой задачи «надо проникнуть в его ряды»: «У них в России результаты революции так хороши потому, что они использовали и эти методы, разлагая войска противника изнутри» (Хуанпу цзюньсяо шиляо. — С. 216—217).
- (16) *Хуан Бинфэн.* Хуанпу... — С. 55; Чжунъян шан цзунли цин вэй цзюньсяо цзяодао чжидин бакуань цзигуань чэн (Послание ЦИК в адрес президента о назначении органа, ответственного за финансирование учебных полков). 19 сентября 1924 г. // Данши хуэйцзан (Архив истории партии [Тайбэй]). — 454/49.
- (17) РГАСПИ. — Ф. 627. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 17.
- (18) *Картунова А.И.* Блюхер в Китае... — С. 79.
- (19) РГАСПИ. — Ф. 627. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 124—126.
- (20) Там же. — Л. 127—130.
- (21) *Картунова А.И.* Блюхер в Китае... — С. 79.
- (22) РГАСПИ. — Ф. 627. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 126.
- (23) Там же.
- (24) ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. — Т. I. — С. 554, 570—571, 574.
- (25) *Мао Сычэн* (ред.). Цзян Цзеши... — С. 334. Цит. по: *Ли Фэн.* Хуанпу... — С. 153.
- (26) См. об этом: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919—1929. — М., 1999. — С. 109, 113—116.

SOVIET ADVISORS AND THE KUOMINTANG'S STRATEGY OF MILITARY CONSTRUCTION IN 1920S

A.G. Yurkevich

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Russian Peoples' Friendship University
Miklucho-Maklaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

The article considers the policy, conducted by Soviet military advisers of Sun Yat-sen's Kuomintang government in South China in the field of military construction in 1920s. In the author's opinion, the advisers dogmatically followed, on the one hand, the Comintern's directives to communists to gain the dominant position in national revolutionary movements in the East, on the other hand, the experience of the Civil War in Russia: they were making attempts with the control over military schools to subordinate unreliable, semi-independent troops, which supported Sun Yat-sen. Their dogmatism and Moscow's aid were used by Ch'iang Kai-shek (Jiang Jieshi), who under a mask of «training units» formed the military basis of the future Kuomintang state.

Key words: Soviet military advisers, South China, Sun Yat-sen, Kuomintang government, military construction, Comintern's directives, national revolutionary movements, Ch'iang Kai-shek (Jiang Jieshi).

«ТАК УМИРАЛИ ЦВЕТЫ АНАРХИЗМА...»
(о секретной поездке Николая Доскаля-Эссирного
в Нижегородскую губернию в 1926 г.)

В.П. Сапон

Кафедра истории политических партий и общественных движений
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, Россия, 603005

В статье приводятся новые факты о политической деятельности небольшевистских левых групп в Советской России во второй половине 1920-х гг. Материал основан на архивных сведениях о конспиративной поездке анархиста Николая Доскаля-Эссирного в Нижегородскую губернию в 1926 г. Дело Н.С. Доскаля-Эссирного подтверждает, что русский анархизм оказался намного более живучим идейно-политическим феноменом, чем это традиционно представлялось в отечественной историографии.

Ключевые слова: левые партии и группы, антибольшевистская оппозиция, русский анархизм, Н.С. Доскаль-Эссирный.

Анархист Николай Семенович Доскаль-Эссирный (1897—1938) получил богатый опыт подпольной работы еще в эпоху революций и гражданской войны, однако во время своей конспиративной поездки по Поволжью он вел себя на удивление неосмотрительно и поэтому очень быстро попал на заметку ОГПУ. В частности, летом 1926 г. на пароходе, плывшем из Ярославля в Кострому, Доскаль устроил публичный диспут на тему «Анархо-синдикализм и ВКП(б)», который так увлек публику, что затянулся до самого утра. Невольным участником массового мероприятия стал некий ответственный партработник (по выражению Н. Доскаля-Эссирного, «коммунар с полным портфелем и пустой головой»), который был сразу же осажен и поддакивал проанархистски настроенному большинству (1).

Еще более странно конспиратор вел себя на нижегородской земле, где ему пришлось сделать вынужденную остановку. Доскаль-Эссирный устроился табельщиком на завод «Красный Якорь» неподалеку от Нижнего Новгорода, чтобы получить передышку и средства к существованию. Знакомясь с новыми людьми, как на заводе, так и в селе Безводном, где удалось снять жилье, новоиспеченный пролетарий вполне открыто представлялся активистом анархистской федерации, которая направила его в поволжский регион для срыва государственной кампании по сбору продналога. А секретарю местного волостного комитета ВКП(б) (!) новичок признался, что неоднократно ссылался за антисоветскую деятельность, совершал побеги и даже намеревался перебраться в Персию, но передумал и просил дать какую-нибудь работу, чтобы доказать преданность Советской власти (2). «Легенда» о добровольном уходе матерого оппозиционера из активной политики вряд ли кого-нибудь могла ввести в заблуждение, поэтому партийный секретарь обнадежил своего собеседника насчет работы, «рассчитывая этим временем его выявить и принять соответствующие меры, одновременно сообщив об этом в Уком ВКП(б)» (3).

Однако наиболее вопиющим нарушением элементарной конспирации стало хранение при себе письменных материалов, которые с головой выдали анархистского эмиссара властям. Так, в одном из неотправленных писем Н. Доскаля, датированном 17 июня 1926 г., высказывалось желание уехать из СССР, где «строят государство и на одном троне бывшего Николашки восседает сотня, а то и тысяча таких николашек, которые под всевозможными красивыми лозунгами и красивыми фразами творят безобразия» (4). (Кстати, в этом же письме автор упоминал, что «имеет переписку с Бразилией» и ждет ответа из Праги и Берлина). В короткой заметке, препровожденной знаменитыми бакунинскими словами «Страсть к разрушению есть творческая власть», речь шла о последней оппозиции в ВКП(б), существование которой якобы демонстрирует растерянность «вождей диктаторской партии» и перспективность «метода революционной борьбы» (5). Но, пожалуй, наибольший интерес для следствия представляла записка Доскаля, составленная 11 июля 1926 г. Здесь он укорял себя за излишне доверчивое отношение к большевикам в 1918 г.: «Если бы я знал, что мои товарищи, лежавшие рядом в цепи со мной против врага рабоче-крестьянского люда России, сделаются такими шкурниками и эксплуататорами, такими урядниками над крестьянством, то я сначала не стрелял бы врага, а своих товарищей» (6). Автор записки сетовал также на то, что оказался в трудном положении, поскольку, уйдя в свое время из анархистской конфедерации «Набат» к коммунистам, он остался провокатором для многих прежних товарищей по революционной борьбе. Сложность заключалась еще и в том, что он считал для себя невозможным выполнить задание некой областной конфедерации по организации партизанской группы, поскольку членами этой группы должны стать криминальные элементы, и передал свои полномочия уголовнику Зажиге. Заканчивалась запись романтической фразой: «Так умирают цветы анархизма» (7).

...Итак, появившись в селе Безводном 11 августа 1926 г., Н. Доскаль уже 17 августа давал показания в губернском отделе ОГПУ. Из данных, зафиксированных в протоколах допросов, следовало, что в руки чекистов попал человек с бурным политическим прошлым и не менее колоритным настоящим. Как следовало из анкеты, Николай Доскаль-Эссирный родился в 1902 г. в городке Бершадь Каменец-Подольской губернии (8). До 1916 г. учился в гимназии, примерно в это же время познакомился с неким Яневым, который и «обработал» его в духе анархизма. В 1917 г. при содействии эсера Гордеевского Доскаль вступает в качестве вольноопределяющегося в революционную армию и одновременно становится членом анархистской федерации «Набата». Одной из первых акций юного революционера стала совместная с товарищами-анархистами экспроприация в Могилеве, в Ставке верховного командования, в результате которой удалось «изъять» 20 тыс. руб. на «усиление издательского органа „Набат“». В декабре 1917 г. Н. Доскаль проводит еще один успешный «экс» — на этот раз в Полтавском юнкерском училище. Вырученные 60 тыс. руб., согласно признанию экспроприатора, также были отданы в фонд «Набата». Часть этих денег удачливый юноша получил для того, чтобы наладить связи с мариупольскими анархистами, однако, не сумев выполнить за-

дания, он уехал в Новороссийск. В целях конспирации пришлось выдавать себя за белогвардейского офицера (9).

После длительных злоключений Доскалю удалось пробраться сначала в красногвардейский отряд, действовавший в Черном лесу, а затем в Черниговскую губернию, где формировались части регулярной Красной армии для ведения партизанской войны против немецких оккупантов. Уже на этом этапе он действует в тесном контакте с большевиками, поэтому, узнав в конце 1918 г. о расколе «набатовцев» на две фракции, примыкает к тем товарищам, которые готовы были сотрудничать с ленинской партией. Сделав свой выбор, Николай вступил в отряд атамана Григорьева, в составе которого воевал до взятия у деникинцев Одессы (10).

На этом политическая эволюция вчерашнего гимназиста, подхваченного бурными потоками революции, не остановилась: во время отступления Красной армии с Украины, в августе 1919 г., он становится членом Коммунистической партии. Последующие несколько лет своей жизни арестант описал скупо: «учился и работал, как в военных организациях, так и в гражданских партийных и кооперативных, особенно в сахарной промышленности» (11). В 1925 г. Доскаль, по его собственному выражению, стал «на раздорожье». Из-за сложных взаимоотношений с товарищами по партийной ячейке Гниваньского рафинадного завода (Каменец-Подольская губерния), в которой Николай занимал должность секретаря, он вышел из рядов ВКП(б) и уехал из родных мест в надежде возобновить старые связи с анархистами (12).

В том же 1925 г. Николай Доскаль сумел выйти на анархистскую группу в Харькове, а затем связаться с единомышленниками в столице СССР. Именно здесь, по его словам, он получил партийную командировку в Поволжье (13). Суть задания состояла в том, чтобы, путешествуя по стране, проводить агитационные беседы в крестьянской среде и содействовать срыву продналоговой кампании советских властей (в своих показаниях эмиссар-анархист особенно подчеркнул, что террористические акты в программу не входили) (14). Получая явки от анархистов, Доскаль сумел из Москвы, через Сергиев Посад, Дмитров и ряд волжских городов добраться до Нижнего Новгорода, и именно здесь произошла досадная осечка, повлекшая арест: человек, которого посланцу из столицы рекомендовали в качестве связного, уехал в неизвестном направлении (15). В этих условиях Доскалю пришлось обустроиваться на свой страх и риск. Как он показал, причиной остановки в Безводном стали «усталость и ослабление организма, и отчасти нужда в небольших средствах для дальнейшего следования» (16). Вероятно, многомесячное выматывающее «хождение в народ» и провал нелегальной миссии, в самом деле, оказались тяжелым испытанием для не отличавшегося крепким здоровьем анархиста. Несмотря на это, он и под арестом не потерял присутствия духа и продолжил свою борьбу.

Поначалу арестованный «анархо-подпольщик» был настроен вполне миролюбиво и дал достаточно подробные показания, при этом, правда, часто ссылаясь на плохую память, как только дело доходило до конкретных фамилий. Однако когда стало ясно, что следствие затягивается, Доскаль изменил тактику: требуя

освобождения, он забрасывал соответствующие инстанции ОГПУ воинственными заявлениями с угрозой объявить голодовку. Первое заявление подобного рода появилось на третий день после ареста (17). Через две недели, 1 сентября 1926 г., анархист отказывается от гражданства «той республики, где существует и занимает первое место во власти ложь, издевательство и мошенничество» (18). Еще через месяц, в заявлении, написанном уже в московских Бутырках, подследственный решительно заявляет, что провокатором никогда не станет и товарищей выдавать не намерен (19). 19 октября он отказался от всяких объяснений со следователем и объявил «смертельную» голодовку (20).

При таких обстоятельствах бунтующему арестанту не приходилось надеяться на мягкий приговор. В составленном уполномоченным 1-го отделения СО ОГПУ заключении по делу Н.С. Доскаля-Эсфирного указывалось, что последний, являясь активным «анархо-подпольником», «разъезжал по различным городам для связи с анархическими группами, их инструктирования, организации нелегальной связи, налаживания работы, развозил инструкции и литературу», «проводил среди рабочих и крестьян антисоветскую агитацию» (21). 15 октября 1926 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ конспиратор был приговорен к трехлетнему сроку заключения (22), большую часть которого он провел на Урале.

Как известно, в годы гражданской войны целая плеяда анархистов заявила о кризисе радикально-либертаристского движения в революционной России и, по выражению видного в прошлом анархиста-синдикалиста Д.И. Новомирского, «постучалась в двери Российской Коммунистической партии». Однако когда с началом мирной жизни «диктатура пролетариата» вполне отчетливо проявила себя как диктатура партийной бюрократии, а новая экономическая политика открыла путь для реставрации капитализма со всеми его «прелестями», анархизм вновь находит преданных адептов в рядах ревнителей свободы и социальной справедливости. В различных регионах советского государства возникают оппозиционные кружки, которые самим фактом своего существования подрывали идеологическую монополию правящей партии. Более того, анархисты «новой волны» стремятся наладить связи со своими единомышленниками в других городах, а это уже несло потенциальную политическую угрозу официальной власти. Не стоит, конечно, преувеличивать масштабов деятельности анархистского подполья, тем не менее упрямые факты, в том числе и дело Н.С. Доскаля-Эсфирного, указывают на то, что русский анархизм оказался намного более живучим идейно-политическим феноменом, чем это традиционно представлялось в отечественной историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Центральный архив Нижегородской области (далее: ЦАНО). — Ф. 2209. — Оп. 3. — Д. 21397. — Л. 7.
- (2) Там же. — Л. 15—15 об.
- (3) Там же. — Л. 15 об.
- (4) Там же. — Л. 9.
- (5) Там же. — Л. 12.
- (6) Там же. — Л. 10 об.
- (7) Там же. — Л. 10, 11.

- (8) В примечаниях к воспоминаниям анархистки А.М. Гарасевой дается другая версия биографии Н. Доскаля, который приходился ей зятем (мужем сестры). В частности, в справке, составленной на основе следственного дела эпохи «большого террора», отмечается, что Н.С. Доскаль (1897—1938) являлся бельгийцем, уроженцем г. Антверпена, в Россию приехал с родителями в 1903 г. После отъезда родителей в Бельгию в 1913 г. переехал из Киева в Москву. В 1926 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и приговорен к трем годам заключения (*Гарасева А.М.* «Я жила в самой бесчеловечной стране...»: Воспоминания анархистки. — М., 1997. — С. 305—306). Таким образом, найденное мной следственное дело 1926 г. дает возможность, с одной стороны, выяснить подробности нелегальной миссии Н. Доскаля-Эссирного в Поволжье, а с другой — по-иному осветить детали биографии известного в свое время «анархо-подпольника».
- (9) ЦАНО. — Ф. 2209. — Оп. 3. — Д. 21397. — Л. 38—39.
- (10) Там же. — Л. 39.
- (11) Там же. — Л. 23.
- (12) Там же. — Л. 39 об.
- (13) Там же. — Л. 24 об.
- (14) Там же. — Л. 24 об. — 25.
- (15) Там же. — Л. 24 об.
- (16) Там же. — Л. 23 об.
- (17) См. там же. — Л. 31.
- (18) Там же. — Л. 36.
- (19) Там же. — Л. 52—52 об.
- (20) Там же. — Л. 55.
- (21) Там же. — Л. 53.
- (22) Там же. — Л. 54.

**FLOWERS OF ANARCHISM WERE DYING THIS WAY...
(about conspiratorial trip of Nikolaj Doskal' -Essirniy
to Nizhegorodskaya province in 1926)**

V.P. Sapon

Department of History of Political Parties and Social Movements
N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
Uljanov Str., 2, Nizhniy Novgorod, Russia, 603005

The article presents some new facts about non-Bolshevik left groups political activities in Soviet Russia in late 1920s. The story is based on contemporary records about Anarchist Nikolaj Doskal'-Essirniy's conspiratorial trip to Nizhegorodskaya Province in 1926. Doskal'-Essirniy's case confirms the fact that Russian Anarchism proved to be much more viable ideological and political phenomenon than it was traditionally interpreted in our historiography.

Key words: Left Parties and Groups, anti-Bolshevik Opposition, Russian Anarchism, N.S. Doskal'-Essirniy.

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ НА УРАЛЕ В 1930-Е ГГ.

В.В. Лавринов

Церковно-археологическое общество
Русской Православной Церкви
ул. Репина, 6а, Екатеринбург, Россия, 620086

Статья посвящена истории репрессий в отношении Русской Православной Церкви на Урале в 1930-е гг. Рассматриваются основные направления политических репрессий, выделяются поворотные вехи в их проведении. Характеризуются методы, масштабы и последствия репрессивной деятельности органов ОГПУ-НКВД.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Урал, религиозные организации, коллективизация, закрытие церквей, обновленчество, сергиевская ориентация, григорианская ориентация, категории репрессированных священнослужителей, политические репрессии.

В 1929 г. курс государственной политики в отношении Церкви резко изменился. 24 января 1929 г. ЦК РКП(б) утвердил циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы (1). 8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», по которому церковь стала полностью подконтрольна государству (2). Состоявшийся в мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов внес изменения в Конституцию РСФСР. Теперь статья закона вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» провозглашала «свободу религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды» (3). В июне того же года на 2-м Всесоюзном съезде воинствующих безбожников прозвучал лозунг «борьба с религией есть борьба за социализм» (4). 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», в котором местным органам власти предлагалось при регистрации церковных объединений исключать из их руководства кулаков, лишенцев и иных «враждебных лиц» (5).

Началось массовое закрытие церквей, которые в городах уничтожались, а в сельской местности использовались под склады или клубы. Ускоренная коллективизация сопровождалась получившей широкое распространение практикой раскулачивания, которая означала полную экспроприацию имущества и выселение кулацких семей. В отдаленные районы депортировались сотни тысяч человек. К кулакам были причислены и сельские священники. Раскулачивание на Урале началось в декабре 1929 г. Если к октябрю 1929 г. уровень коллективизации крестьянства Уральской области составлял 6—10%, то в феврале 1930 г. только в Свердловском округе он доходил до 72% (6).

Духовенство стали активно привлекать к трудовым повинностям, а в ряде случаев к уголовной ответственности, вменяя в вину контрреволюционную пропаганду. Аресты и обыски порой проводились без ведома ОГПУ. Например, начальник административного отдела милиции, обращаясь к своему подчиненному в п. Га-

ри, в ответ на его докладную пишет, что обыск у священника не был согласован с уполномоченным ОГПУ, обращает внимание на недопустимость таких действий и просит быть крайне осторожным (7).

Сопrotивление закрытию церковей носило массовый характер, но ответственность за это целиком возлагалась на духовенство. Так, узнав о решении закрыть церковь, священник с. Ницинское Ирбитского округа А. Кротенков и около 50 прихожан, запершись в храме, в течение 9 дней удерживали его. После ареста и недолгого разбирательства священник был приговорен к расстрелу (8).

С 1930 г. начались репрессии против обновленцев, которых ранее власти не трогали. Так, в течение года были осуждены несколько свердловских священнослужителей, и среди них член Митрополитанского Управления протоиерей С. Хлынов (9). К духовенству также применялись и меры административного характера. Так, протоиерей А. Старцев за венчание несовершеннолетней был приговорен к 6 месяцам принудительных работ (10).

В 1929—1934 гг. в Свердловской епархии было репрессировано 105 священнослужителей: 77 сергиевской, 17 обновленческой и 11 григорианской ориентации. Проследить репрессии по годам позволяют нижеприведенные данные.

Таблица 1

Распределение репрессированного духовенства Свердловской епархии по церковным ориентациям в 1929—1934 гг. (11)

Годы	Сергиевцы	Обновленцы	Григорианцы	Всего
1929	11	—	1	12
1930	34	9	3	46
1931	6	—	2	8
1932	24	2	5	31
1933	1	6	—	7
1934	1	—	—	1

Из таблицы видно, что пик репрессий пришелся на 1930 г., когда государство пыталось в полной мере реализовать программу борьбы с религией. После выхода известного постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором признавались перегибы, допущенные в отношении Церкви, последовал спад репрессий. В 1932 г. репрессии вновь набирают силу в связи с проводимыми мероприятиями ОГПУ по ликвидации монашеского и контрреволюционного элемента.

Анализ архивно-следственных дел священнослужителей позволил сопоставить количество арестованных и вынесенную им меру пресечения.

Таблица 2

Количество арестованных и вынесенных репрессивных решений в отношении духовенства Свердловской епархии в 1929—1934 гг. (12)

Годы	Кол-во арестованных	Кол-во приговоров к различным срокам	Кол-во приговоров к расстрелу
1929	12	12	—
1930	46	44	2
1931	8	8	—
1932	31	31	—
1933	7	7	—
1934	1	1	—
Итого	105	103	2

Применение высшей меры наказания (расстрела) обусловлено желанием властей запугать непокорное духовенство. Если в первом случае высшая мера была вынесена за открытое сопротивление власти, то во втором случае священнослужитель был приговорен к расстрелу за «контрреволюционную деятельность, выразившуюся в скупке мелкой серебряной монеты». При обыске у протодиакона Свердловска В. Лушниково было обнаружено и изъято 150 руб. сер. (13).

Дела репрессированных лиц позволили проследить возраст духовенства и составить следующую таблицу.

Таблица 3

Возрастной ценз духовенства Свердловской епархии на момент вынесения приговора в 1929—1934 гг. (14)

Годы	До 40 лет	От 40 до 50	От 50 до 60	От 60 до 70	Свыше 70 лет
1929	2	7	1	2	—
1930	8	16	14	8	—
1931	1	4	1	2	—
1932	4	6	16	5	—
1933	1	1	5	—	—
1934	1	—	—	—	—

Исходя из таблицы, мы видим, что основной возраст репрессированного в 1929—1934 гг. духовенства составлял 40—60 лет (71 чел.). Из общего количества (105) лишь 17 чел. имели возраст от 60 до 70 лет. О привлечении к ответственности духовенства старше 70 лет данных не выявлено.

Анкетные данные репрессированных священнослужителей позволили узнать, в какой местности они проживали и, соответственно, служили.

Таблица 4

Распределение духовенства Свердловской епархии по месту служения на момент ареста в 1929—1934 гг. (15)

Годы	Города и рабочие поселки	Села
1929	2	10
1930	8	38
1931	1	7
1932	8	23
1933	3	4
1934	—	1

Приведенные данные свидетельствуют о преобладании среди репрессированного духовенства сельских священнослужителей, особенно в 1929—1930 гг., что было обусловлено ходом коллективизации. К сожалению, не сохранилось сведений об удельном весе сельского духовенства в общем числе духовенства за эти и последующие годы.

С 1935 г. государственная политика в отношении к Церкви ужесточилась, участились аресты. Поводом для начала новой волны репрессий послужило убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. Вечером того же дня Политбюро по инициативе

Сталина приняло постановление, в котором следственным органам разрешалось вести дела обвиняемых ускоренным порядком, судебным органам запрещалось задерживать исполнение приговоров о расстреле из-за ходатайств о помиловании, а органам внутренних дел предписывалось расстреливать преступников немедленно после вынесения приговора (16). Принятое постановление поощряло произвол органов ОГПУ-НКВД, которые проводили все новые и новые аресты. Единственным доказательством вины арестованного являлось его «признание», выбитое следователем путем применения мер физического воздействия (пытки). Всем арестованным инкриминировалась контрреволюционная деятельность. Ходом репрессивной политики был недоволен Сталин, который 25 сентября 1936 г. в телеграмме членам Политбюро писал о плохой работе карательных органов и необходимости замены руководства НКВД (17). 3 марта 1937 г. он выступил на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» и призвал применять к врагам новые методы — методы выкорчевывания и разгрома (18). Заслушав доклад наркома внутренних дел Н.И. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких-троцкистских агентов», пленум своей резолюцией подтвердил мнение Сталина о запаздывании в разоблачении «врагов народа» и фактически передал органам НКВД неограниченные полномочия (19).

После окончания пленума количество арестов резко возросло. В жернова репрессивной машины попали многие советские граждане, независимо от партийной, национальной или религиозной принадлежности. Клеймо «враг народа» ложилось на каждого, кто был хоть в чем-то не согласен с проводимой сталинской политикой, имел «социально-чуждое» происхождение или был просто оклеветан. «Врагами народа» были объявлены и священнослужители. Секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков обратился к Сталину с предложением ликвидировать законодательство о культах, которое создало в стране «организационную основу для оформления наиболее активных частей церковников и сектантов в широко разветвленную враждебную советской власти легальную организацию в 600 тыс. чел.» (20).

2 июля 1937 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах». Областным, краевым и республиканским партийным органам предлагалось в пятидневный срок представить в ЦК данные о составе троек, а также количестве подлежащих расстрелу и высылке (21).

30 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал Оперативный приказ № 00447, согласно которому всем подразделениям НКВД предписывалось начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. К антисоветским элементам были отнесены члены антисоветских партий, бывшие белые офицеры, жандармы, чиновники, каратели, респатрианты, а также церковники и сектанты. Все они были разделены на две категории: первую, наиболее враждебную — подлежащую расстрелу и вторую, менее активную, но все же враждебную — подлежащую заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. Все республики, края и области получили свою квоту репрессируемых лиц. Сотрудникам органов НКВД было разрешено применение физического

воздействия к подследственным. Операцию предполагалось провести в 4-месячный срок.

Для того чтобы привлечь к ответственности как можно больше церковников, чекистами был сфабрикован материал о существовании Всесоюзной антисоветской церковной организации. Во главе организации якобы стоял объединенный церковно-политический центр под руководством митрополитов Виссариона (Зорина), Сергия (Страгородского) и Александра (Введенского). По мысли разработчиков, организация занималась антисоветской деятельностью, направленной против колхозного строительства, созданием повстанческих групп на случай войны с Советским Союзом и организацией террористических актов в отношении руководителей партии и правительства. Конечной целью организации было свержение советской власти. Руководители организации проводили активную работу по объединению всех течений Русской Православной Церкви. Соответствующие установки были даны всем областным и краевым управлениям НКВД, и по всему Советскому Союзу прокатилась волна арестов духовенства и активных членов церковных общин. Решающим доказательством вины подследственного стало его признание. Для вымогательства признания использовались методы физического воздействия.

По разнарядке Москвы в Свердловской области необходимо было репрессировать 10 тыс. чел.: 4 тыс. чел. по первой категории и 6 тыс. чел. по второй (22). Получив приказ, начальник Управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриев (Плоткин) обратился к наркому внутренних дел Н.И. Ежову с ходатайством об увеличении количества репрессируемых по первой категории с 4 тыс. до 6 тыс. чел. (23). Чтобы выполнить взятые на себя обязательства, свердловские чекисты сфабриковали деятельность так называемого «Уральского повстанческого штаба», якобы объединявшего правых, троцкистов, эсеров и церковников. Представителями правых в штабе были названы секретари Свердловского обкома ВКП(б) Кабаков и Пшеницын, троцкистов — председатель Свердловоблисполкома Головин, эсеров — Агапов, церковников — митрополит Петр (Холмогорцев). Область была, якобы, разделена штабом на повстанческие округа, которые, в свою очередь, делились на роты и взводы. Руководство церковниками в повстанческих округах осуществляли авторитетные священники и благочинные. По мнению чекистов, наиболее крупные церковно-повстанческие организации имелись в Пермском округе (300 чел.), Коми-Пермяцком округе (200 чел.), Тагильском округе (100 чел.), Красноуфимском округе (100 чел.), Надеждинском округе (80 чел.), Березняковском округе (80 чел.). Остальные организации имелись в каждом районе Свердловской области и насчитывали от 10 до 30 чел. (24).

В Докладной записке НКВД о деятельности вскрытого Уральского повстанческого штаба говорилось, что по директиве Московского объединенного церковно-политического центра Уральская контрреволюционная организация церковников развила активную террористическую, повстанческую и шпионскую деятельность. Отмечалось также, что руководством организации церковников на Урале был разработан подробный план совершения диверсий в случае военного столкновения

СССР с капиталистическими державами. Далее в документе говорилось, что благочинные различных религиозных ориентаций создали в подчиненных им приходах первичные повстанческие ячейки во главе с приходскими священниками, вовлекая в них кулацко-белогвардейские элементы и даже сектантов. Для координации церковной повстанческой деятельности был создан «духовный совет» из представителей различных ориентаций в составе 20 чел. Руководители церковного подполья якобы были тесно связаны с иностранными разведками и проводили активную шпионско-диверсионную деятельность (25).

По всему Уралу прокатилась волна арестов духовенства. Вместе с архиереем, как правило, арестовывали его ближайших помощников — благочинных. Так, 6 мая 1937 г. в Свердловске были арестованы митрополит Петр (Холмогорцев) и архиепископ Петр (Савельев). Всего по делу проходил 21 чел., из них 8 священнослужителей. 17 октября 1937 г. четверо, в том числе архиереи, были приговорены к расстрелу. Остальные приговорены к 10 годам лагерей (26). 23 мая 1937 г. в Свердловске был арестован митрополит Свердловский Михаил (Трубин). Всего по делу проходили 5 священнослужителей. 25 сентября 1937 г. постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области все они приговорены к расстрелу (27).

После ареста одного архиерея на его место назначался другой, однако и его постигала та же участь. Так, 11 февраля 1938 г. в Свердловске был арестован архиепископ Софония (Яскевич), прибывший вместо Трубина. Всего по делу проходили 88 чел., из них 5 священнослужителей. 26 февраля 1938 г. постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области все они были приговорены к расстрелу (28).

В 1937—1938 гг. на Урале были арестованы и расстреляны 13 архиереев различных ориентаций: 2 сергиевской, 9 обновленческой и 2 григорианской (29). Количество репрессированных клириков только Свердловской епархии за этот же период составило 182 чел., из них 110 чел. были расстреляны (30). Всего в течение двух лет (1937—1938) в Свердловской области было репрессировано 45 823 чел., из которых 19 410 чел. были расстреляны (31). Для сравнения: в 1936 г. в Свердловской области были подвергнуты репрессиям 2428 чел. (32).

17 ноября 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (33). Документом прекращалось производство массовых арестов и выселений, запрещалось применение пыток и истязаний подследственных, ликвидировались Тройки. Некоторые сотрудники карательных органов поспешили проявить инициативу. Так, руководители Свердловского УНКВД Варшавский и Викторов-Новоселов без перепроверки и доследования освободили из-под стражи до 3 тыс. арестованных (34).

В результате последовавшей чистки органов внутренних дел большинство оперативных и следственных работников были освобождены от должности и отданы под суд. О механизме проведения массовых репрессий свидетельствовали сами палачи. Так, в показаниях оперуполномоченного УНКВД по Свердловской области Солоновича говорилось, что агентурных или каких-либо других материалов, которые бы подтверждали контрреволюционную деятельность арестованных

лиц, в большинстве случаев не имелось. Основанием для ареста часто служило социально-чуждое происхождение. При проведении массовых операций, сопровождавшихся огромным количеством арестованных, было невозможно, при небольшом штате следователей, развернуть обстоятельное расследование. Поэтому решающую роль играло признание арестованным своей вины, добытое с помощью незаконных методов следствия. Одним из таких методов была камерная обработка (35).

Начальник внутренней тюрьмы УНКВД по Свердловской области Талашманов в своих показаниях отмечал, что арестованные разводились по кабинетам следователей, где им предлагалось писать под диктовку заявления о причастности к контрреволюционной организации. Тех, кто соглашался написать — отправляли в камеру, а упорных продолжали допрашивать с помощью силовых методов. Одним из таких методов была так называемая «стойка», когда арестованного долгое время заставляли стоять и не разрешали прислоняться к стене. После применения методов физического воздействия почти все заключенные подписывали протокол. Из части арестантов был создан «актив», который помогал следователям выбивать признательные показания. Таким «помощникам» предусматривались поблажки тюремной жизни: разрешение на свидание с близкими и передачи продуктов (36).

Воскресенский, начальник следственной группы УНКВД, на суде показывал, что следствие по делам участников контрреволюционной повстанческой организации церковников проводилось незаконными методами, создавались вымышленные группы, связанные с повстанческим штабом (37).

Таким образом, в 1935—1941 гг. в Свердловской епархии были репрессированы 222 священнослужителя: 145 сергиевской, 54 обновленческой и 23 григорианской ориентации. Проследить репрессии по годам позволяют нижеприведенные данные.

Таблица 5

Распределение репрессированного духовенства Свердловской епархии по церковным ориентациям в 1935—1941 гг. (38)

Годы	Сергиевцы	Обновленцы	Григорианцы	Всего
1935	5	5	—	10
1936	7	5	1	13
1937	117	35	21	173
1938	6	8	1	15
1939	5	1	—	6
1940	4	—	—	4
1941	1	—	—	1

Из таблицы видно, что в 1937 г. было репрессировано подавляющее большинство духовенства. Причем репрессии ударили в равной мере по всем церковным течениям. С 1938 г. число репрессированных священнослужителей снижается на порядок, а затем и вовсе начинает падать.

Анализ архивно-следственных дел священнослужителей позволил сопоставить количество арестованных и вынесенную им меру пресечения.

Таблица 6

Количество арестованных и вынесенных репрессивных решений в отношении духовенства Свердловской епархии в 1935–1941 гг. (39)

Годы	Кол-во арестованных	Кол-во приговоров к различным срокам	Кол-во приговоров к расстрелу
1935	10	10	—
1936	13	13	—
1937	173	70	103
1938	15	2	13
1939	6	6	—
1940	4	4	—
1941	1	1	—

Следует признать, что репрессии 1935—1936 гг. в среде духовенства носили выборочный характер. Пик репрессий пришелся на 1937 г., когда более половины арестованных были приговорены к высшей мере наказания. Следующий год был отмечен почти 100% вынесением расстрельных приговоров.

Возраст репрессированных священнослужителей можно проследить по нижеприведенной таблице.

Таблица 7

Возрастной ценз духовенства Свердловской епархии на момент вынесения приговора в 1935–1941 гг. (40)

Годы	До 40 лет	От 40 до 50	От 50 до 60	От 60 до 70	Свыше 70 лет
1935	2	2	2	4	—
1936	—	3	9	1	—
1937	16	42	61	43	11
1938	1	3	6	3	2
1939	1	1	1	1	2
1940	—	—	1	3	—
1941	—	—	—	—	1

В приведенных данных просматривается, что основной возраст репрессированных священнослужителей составлял от 50 до 60 лет. Если до 1937 г. органы НКВД не привлекали к ответственности духовенство старше 70 лет, то с 1937 г. скидка на возраст уже не делалась.

Место служения репрессированного духовенства показывает следующая таблица.

Таблица 8

Распределение духовенства Свердловской епархии по месту служения на момент ареста в 1935–1941 гг. (41)

Годы	Города и рабочие поселки	Села
1935	4	6
1936	6	7
1937	69	104
1938	7	8
1939	2	4
1940	2	2
1941	1	—

Данные таблицы свидетельствуют, что различий между городскими и сельскими священнослужителями для органов НКВД не существовало, и те, и другие были репрессированы в равной степени, хотя в 1937 г. значительно возрастает удельный вес сельского духовенства.

Если в 1929 г. на территории Свердловского, Тагильского и Ирбитского округов Уральской области (что приблизительно соответствует территории нынешней Свердловской области) было зарегистрировано 565 священнослужителей (284 староцерковнической ориентации и 281 обновленческой) (42), то к началу войны были репрессированы 327 священнослужителей (256 староцерковнической ориентации и 71 обновленческой) (43). С учетом естественной убыли становится очевидным, что староцерковническое духовенство было истреблено практически полностью, тогда как обновленческое (более гибкое) сохранило себя, прекратив священническую деятельность.

В Свердловской области к 1 января 1937 г. имелось 340 действующих церквей различных ориентаций, из них 139 церквей находились на территории области в ее нынешних границах (44). Шел постоянный процесс закрытия церквей. Все решения местных органов по их закрытию стекались в областную культовую комиссию. В июне проведенная проверка выявила, что учет действующих церквей не проводился, жалобы религиозных общин, запросы местных органов власти и даже центральной культовой комиссии длительное время не разбирались. Далее в материалах проверки говорилось, что некоторые районы области к решению религиозных вопросов подходят формально, а председатели исполкомов искажают действующее законодательство и незаконно закрывают культовые здания (45).

Таблица 9

**Динамика закрытия церквей различных ориентаций
в Свердловской области (в современных границах) (46)**

Годы	сергиевской ориентации	обновленческой ориентации	григорьевской ориентации	Всего
1935	41	7	2	50
1936	29	6	1	36
1937	27	7	6	40
1938	21	8	4	33
1939	15	—	—	15
1940	6	4	4	14
1941	14	2	1	17

Из таблицы видно, что больше всего церквей было закрыто в 1935 г. В 1936—1938 гг. количество закрытых церквей уменьшается, а с 1939 г. и вовсе идет на спад. Происходит это по нескольким причинам. Во-первых, большинство церквей уже закрыто, а оставшиеся маленькие кладбищенские храмы не привлекают к себе внимания. Во-вторых, поскольку нет учета действующих церквей, то нет и спроса за них. В-третьих, среди советских управленцев имелось немало если не верующих, то сочувствующих религии. В результате к началу Великой Отечественной войны в Свердловской области осталось 20 незакрытых церквей — 17 храмов и 3 молитвенных дома, используемых 10 сергиевскими, 3 единоверческими и 9 обновленческими общинами (47).

В 1930-е гг. Русская Православная Церковь испытала доселе невиданные гонения в отношении духовенства и верующих. Пиком гонений стали массовые репрессии 1937—1938 гг., когда Церковь была полностью обезглавлена. Фабрикация дела о т.н. «Объединенном церковно-политическом центре» позволила чекистам привлечь к ответственности десятки тысяч священнослужителей и мирян по всей стране. Уральское духовенство в полной мере разделило участь своих со-

братьев из других регионов. Закрытие молитвенных зданий и изоляция церковно-приходского актива сделали свое дело. Казалось, что с религией в СССР покончено навсегда. Однако, несмотря на почти полный разгром (организационных) церковных структур, советская власть не смогла добиться главного — искоренения религиозного сознания людей. Начавшаяся Великая Отечественная война и перемена государственно-церковной политики открыли новую страницу в истории Русской Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Цытин В., прот.* Русская Церковь. 1925—1938. — М., 1999. — С. 191—192.
- (2) Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. — Вып. 35. — Ст. 353.
- (3) Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. — Свердловск, 1938. — С. 24.
- (4) Безбожник. — 1929. — № 12. — С. 3.
- (5) ГАРФ. — Ф. Р-5446. — Оп. 1в. — Д. 457. — Л. 31.
- (6) Книга памяти / Составитель В.М. Кириллов. — Екатеринбург, 1994. — С. 34.
- (7) Нижнетагильский городской исторический архив. — Ф. Р-211. — Оп. 1. — Д. 154. — Л. 47.
- (8) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 41470. — Л. 324.
- (9) Там же. — Д. 17151. — Л. 165.
- (10) *Лавринов В., прот.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922—1945 гг.). — М., 2007. — С. 122.
- (11) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (12) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (13) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 36585. — Л. 76.
- (14) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (15) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 16764, 17151, 36585, 41470, 41750, 43499 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (16) Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. — М., 1991. — С. 31.
- (17) Там же. — С. 32.
- (18) Вопросы истории. — 1995. — № 3. — С. 10.
- (19) Там же. — № 2. — С. 22—26.
- (20) Цит. по: *Цытин В., прот.* История Русской Церкви. 1917—1997. — М., 1997. — С. 248.
- (21) *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е г. — М., 1996. — С. 188—190.
- (22) Расстрел по разнарядке, или Как это делали большевики // Труд. — 1992. — 4 июня.
- (23) Управление ФСБ России по Свердловской области. 1918—2003. — Екатеринбург, 2003. — С. 34.
- (24) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 21438. — Т. 1. — Л. 180—192.
- (25) Архив УФСБ РФ по Свердловской обл. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 55—58.
- (26) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 21438. — Т. 1. — Л. 400—420.
- (27) Там же. — Д. 28435. — Т. 5. — Л. 204—208.
- (28) Там же. — Д. 16822. — Л. 393.
- (29) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20106, 21438, 23140, 28435; ГАОПДКО. — Ф. 6905. — Оп. 2. — Д. 7294; Архив УФСБ по Челябинской обл. — Д. П-16271, П-19537, П-25163.

- (30) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (31) Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. — Екатеринбург, 1999. — Т. 1. — С. 6.
- (32) Жертвы репрессий. Нижний Тагил. 1920—1980-е годы / Сост. В.М. Кириллов. — Екатеринбург, 1999. — С. 94.
- (33) Органы государственной безопасности СССР накануне Великой Отечественной войны. Сб. док. Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. — М., 1995. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 3—9.
- (34) ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 23140. — Л. 15.
- (35) Там же. — Л. 36—38.
- (36) Там же. — Л. 165.
- (37) Там же. — Д. 15756. — Л. 539.
- (38) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (39) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (40) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (41) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской обл.
- (42) ГАСО. — Ф. Р-854. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 26—349 об.
- (43) Подсчитано по: ГААОСО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 15756, 16822, 20681, 21438, 23140, 28435 и др. делам фонда УФСБ по Свердловской области.
- (44) ГАРФ. — Ф. 5263. — Оп. 1. — Д. 1551. — Л. 30.
- (45) ГАСО. — Ф. Р-88. — Оп. 1. — Д. 4450. — Л. 507.
- (46) Подсчитано по: Хроника закрытия церквей в Свердловской области 1921—1941 гг. — Екатеринбург, 1997. — С. 1—28.
- (47) 120 лет Екатеринбургской епархии. История и современность / Сост. прот. В. Лавринов. — Екатеринбург, 2003. — С. 25.

REPRESSION AGAINST THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE URALS IN THE 1930S

V.V. Lavrinov

Archeological Society of Ekaterinburg Eparchy of Russian Orthodox Church
Repin Str., 6a, Ekaterinburg, Russia, 620086

This article is devoted to the history of repression against the Russian Orthodox Church in the Urals in the 1930s. The main directions of political repression, are provided by Rotary milestones in their implementation. Characterized by the methods, extent and consequences of the repressive activities of the OGPU-NKVD.

Key words: Russian Orthodox Church, Ural, religious organizations, collectivisation, closing churches, renovation movement in the Russian Orthodox Church, supporters of metropolitan Sergy, supporters of metropolitan Gregory, categories repressed priests, political repression.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ЭКСПОРТООРИЕНТИРОВАННАЯ КАЗЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Э.Д. Богатырев

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
ул. Большевистская, 68, Саранск, Республика Мордовия, Россия, 430005

Статья посвящена исследованию основных тенденций развития казенной поташной промышленности России, являвшейся в период петровской модернизации по существу особой экспортоориентированной отраслью промышленного производства. В статье рассматриваются тенденции развития поташной промышленности и выявляются определявшие их факторы; меры, предпринимавшиеся российским правительством для повышения эффективности производства на казенных предприятиях, а также способы продвижения продукции на внешнем рынке.

Ключевые слова: казенная промышленность, экспортно-ориентированная, Россия, производство поташа, внешний рынок.

В настоящее время в отечественной исторической науке широко обсуждается проблема перехода нашей страны от традиционного общества к индустриальному. При этом значительное внимание учеными уделяется особенностям модернизационных процессов в России. Впервые крупномасштабные меры, направленные на создание современной (конечно, по меркам того времени) промышленности здесь были предприняты Петром I. Форма, направленность и методы проведенных им реформ во многом были обусловлены сложившейся в начале XVIII в. внешнеполитической ситуацией. Поражение под Нарвой наглядно продемонстрировало необходимость быстрой реорганизации вооруженных сил России.

И если проблему с людскими ресурсами для ее комплектации решить было не так сложно за счет имеющихся внутренних ресурсов, то с обеспечением ее вооружением и обмундированием дело обстояло гораздо сложнее.

До Северной войны Россия не могла обеспечить свои потребности не только в ручном огнестрельном оружии, большая часть которого закупалась за рубежом, но и в сырье для его изготовления, ввозя значительное количество железа из Швеции. Также слабо была развита и суконная промышленность. Поэтому после на-

чала войны Петру пришлось ускоренными темпами развивать отечественное производство, что можно считать первой модернизацией российской промышленности. При этом необходимо учитывать, что, положив ей начало, он во многом определил вектор ее развития и на долгосрочную перспективу.

Отсутствие в условиях крепостного права рынка наемной рабочей силы вкупе с крайне узким внутренним потребительским рынком, обусловленным господством у подавляющей части населения натурального хозяйства, привело к формированию особой модели организации промышленного производства, которую можно назвать петровской (хотя она надолго пережила своего создателя). Ее характерными чертами было преимущественное развитие тех отраслей, которые были связаны с обеспечением потребностей армии и флота, ориентация их на казенные подряды, а не на рынок (в результате конкуренция между крупными производителями осуществлялась не за потребителя, а за государственный заказ, что во многом лишало их стимулов к снижению себестоимости и повышению качества продукции), использование подневольного труда на предприятиях. В то же время встает вопрос — а как развивались в условиях этой модели те отрасли промышленности, которые не ориентировались на нужды вооруженных сил?

Кроме того, исследователи, изучая внешнюю торговлю России этого периода, как правило, рассматривали структуру экспорта и импорта, таможенную политику государства, показывали, что торговля между Россией и Западом в основном развивалась на иностранных судах, русское торговое мореплавание ограничивалось главным образом малым каботажом между балтийскими портами. В результате складывается впечатление, что российское правительство, предпринимая усилия для поддержки промышленного производства внутри страны, в то же время не уделяло внимания продвижению отечественных товаров на внешнем рынке, довольствуясь их доставкой к пунктам продаж и пассивно ожидая покупателя.

В связи с этим большой интерес в качестве объекта исследования представляет казенная поташная промышленность. Дело в том, что в конце XVII — первой половине XVIII в. осуществлявшееся в широких масштабах производство поташа в России велось исключительно на экспорт. Это выделяет ее в ряду тех отраслей, продукция которых хотя и приносила государству большую прибыль от продажи за рубеж, но все же изначально предназначалась для удовлетворения внутренних потребностей страны (как, например, черные металлы, по экспорту которых во второй половине XVIII в. Россия заняла лидирующие позиции). Государство, нуждавшееся в поступлении иностранного серебра в казну, проявляло высокую заинтересованность в своевременном и максимально выгодном сбыте поташа, а также максимальном снижении его себестоимости. Все это позволяет говорить о поташном производстве как об особой *экспорториентированной* отрасли казенной промышленности. Исследование того, каковы были действия российского правительства по продвижению отечественного поташа на европейском рынке, дает возможность получить представление как о позиции государства в этом вопросе в целом, так и о конкретных мерах в частности.

Итак, попытаемся определить основные тенденции развития казенной поташной промышленности России в контексте петровской модернизации. При этом мы

не связываем хронологические рамки исследования периодом правления самого Петра I, доводя их до середины XVIII в., поскольку, несмотря на определенные изменения промышленной политики, заложенные направления развивались и при его преемниках.

Крупномасштабное производство поташа в России начинается в середине XVII в., первыми его организаторами были бояре, имевшие в своем распоряжении как леса, из древесины которых изготовлялось сырье — зола и клепочные дрова, так и большое количество крепостных крестьян, которые являлись основной рабочей силой. Безусловно, существенную роль в резком увеличении производства поташа должно было сыграть происходившее в это время быстрое развитие суконной, стекольной, кожевенной и мыловаренной промышленности в Англии и Голландии, поскольку эти отрасли потребляли его в больших количествах. Повышение спроса на продукцию, естественно, способствует увеличению ее производства. Но, наш взгляд, значительную роль сыграл еще и такой фактор, как знакомство с зарубежным опытом (1). При этом государственные структуры занимали пассивную инертную позицию, гораздо большую инициативу проявляли в его продвижении частные лица.

До конца 60-х гг. XVII в. российское правительство, не желая тратить средства на создание собственного казенного поташного производства, тем не менее, стремилось извлечь максимум прибыли из продажи поташа за рубеж. Для этого неоднократно вводилась государственная монополия на торговлю поташом (2).

Но после смерти боярина Морозова, владевшего крупнейшими поташными промыслами, его предприятия были отписаны в казну и стали ядром казенной поташной промышленности. Поскольку после их перевода в государственную собственность исчезла возможность привлекать для обеспечения производства золой и клепкой частновладельческих крепостных крестьян (как это делал боярин Б.И. Морозов на своих майданах), поэтому «на оных будных станах поставкою к поташному делу золою и клепочными дровами были определенные будники да наемные разных уездов работные охочие люди» (3).

Количество поташа, производимого в России в период с 1675 по 1690 г. было огромным, причем большая его часть производилась на частных предприятиях. В этих условиях российское правительство оказалось, видимо, в затруднении — с одной стороны, государство, конечно же, получало какую-то прибыль от производства поташа частными лицами из-за разницы между ценой, по которой он поставлялся в казну, и той, по которой он продавался за рубеж; с другой стороны, эта прибыль была не столь высока, как от продажи казенного поташа (в перерасчете на единицу продукции). К тому же огромное количество производимого поташа снижало спрос на него и затрудняло реализацию. В этих условиях более прибыльным представилось монополизировать не только продажу, но и производство поташа, поэтому «с 1690 году от Рождества Христова считая поташ по указу партикулярным делам запрещен» (4). Это решение сопровождалось резким увеличением числа казенных гартов. Причем если ранее увеличение происходило в основном за счет перехода в казенную собственность бывших частных гартов, то сейчас был сделан упор на сооружение новых.

После введения монополии на изготовление поташа объем его производства резко сократился (5). Первоначально сокращение поставок российского поташа на зарубежные рынки не привело к повышению цен на него — по сравнению с предыдущем временем она даже немного понизилась. Объясняется это скорее всего тем, что в тех странах, которые наиболее интенсивно импортировали поташ из России, в предшествующий период образовались определенные запасы — ведь в России поташ закупали большими партиями купцы-оптовики, которые затем у себя на родине пускали его в розничную продажу, и у них наверняка оставались нераспроданные остатки.

Но затем количество предлагаемого на продажу поташа вскоре перестало удовлетворять потребности импортеров, и в 1697—1698 гг. предпринимаются меры по значительному увеличению объемов производства за счет увеличения числа действующих предприятий и частичной унификации их работы (6). Для сохранения ресурсной базы в 1700 г. рубка годных на поташное дело лесов на непроезжих землях была запрещена. Поскольку производство поташа было связано с массовой вырубкой лесов, в 1707 г. все будные станы, на которых оно осуществлялось, были переданы из ведения приказа Большой казны под управление приказа Адмиралтейских дел (7). Кроме того, была создана специальная структура — контора поташного правления, которую разместили в с. Починки — административном центре одноименной дворцовой волости. Решение о размещении конторы именно в этом месте объяснялось тем, что данная волость располагалась на стыке ряда уездов — Саранского, Темниковского, Арзамасского, Алатырского и Краснослободского, — в которых находились многие гарты, и в непосредственной близости от остальных будных майданов. Таким образом, Починковская волость являлась географическим центром российской казенной поташной промышленности. Все лесные ресурсы и население волости, состоявшее из дворцовых крестьян, находились в полном распоряжении правительства и могли по мере необходимости использоваться для производства поташа.

Для компенсации произошедшего к этому времени из-за вырубки лесов значительного сокращения количества действующих гартов было решено повысить их производительность путем увеличения количества производственных циклов (ломок).

После создания Починковской поташной конторы подход к обеспечению казенной поташной промышленности припасами был кардинально изменен. Первоначально (в конце XVII в.) правительство решало задачу обеспечения казенных поташных предприятий припасами за счет найма работных людей для их заготовки и покупки золы и клепки у окрестного населения, все работы на гартах производились так же наемными работниками (8). Из них сформировались особые категории мастеровых — будники и воштари — главные обязанности которых заключались соответственно в нажигании золы и рубке клепочных дров (будники) и доставке их из леса на гарт (воштари), получавшие определенное жалованье деньгами и хлебом. Теперь они были переведены в дворцовые крестьяне и наравне с другими положены в подворный налог (9). Обусловлено это было тем, что представлялось гораздо выгоднее на собранные таким образом средства покупать золу и клепку у желающих поставить ее крестьян.

Но поступавших от подворного обложения майданов денег было явно недостаточно для полного обеспечения производства финансами, а так как остальные села и деревни Починковской волости продолжали находиться в ведении Приказа Большой казны, то в случае нехватки средств приходилось каждый раз запрашивать их из Приказа Адмиралтейских дел. В результате с середины второго десятилетия XVIII в. в распоряжение поташной конторы стали поступать все деньги, собираемые с крестьян и майданских жителей Починковской, Вадской и Сергацкой волостей (10).

Но во второй половине второго десятилетия XVIII в. стали возникать сложности с заготовкой поташных припасов в требуемых количествах подобным способом в связи с ростом трудозатрат. Починковская поташная контора попыталась стимулировать поставку поташных припасов значительным увеличением цен на них (11), что привело к повышению себестоимости продукции, и, как следствие, снижению получаемой прибыли.

В сложившейся ситуации правительство России инициировало принятие новых мер, направленных на интенсификацию производства, в частности, в 1720 г. были разработаны своего рода краткие инструкции для поливачей гартов (12), а в 1729 г. были составлены новые инструкции, достаточно полно унифицировавшие и регламентировавшие производственный процесс с определением максимально допустимой себестоимости продукции (13). Поскольку в это время обостряются проблемы с реализацией поташа, изменяется и ведомственная принадлежность поташной конторы, которая в 1723 г. была передана под управление Коммерц-коллегии.

В 1725 г. в связи с заменой в России подворного налога подушным к поташной конторе было приписано в этом году для платежа четырехгривенного налога 16 950 душ (14). В связи с тем что желающих на поставку поташных припасов не находилось, требуемое их количество стало распределяться на всех крестьян.

Поскольку казенный поташ шел исключительно на экспорт, недостаточно было только произвести поташ с наименьшими затратами, необходимо было обеспечить его наиболее выгодную реализацию. При этом проблема сбыта поташа была приоритетной по отношению к производству.

С 1712 г. указом Петра I была установлена норма производства поташа — 1000 бочек в год. Это решение царь аргументировал тем, что на такое количество поташа имеется устойчивый спрос на внешнем рынке и производство его возможно без ухудшения качества производимого поташа (15). Задача своевременной продажи всего произведенного поташа актуализировалась также и тем, что при хранении качество его быстро ухудшалось. В целом же в первой трети XVIII в. правительство России при продаже поташа за границу стремилось осуществлять ее по максимально высоким ценам, предпочитая при снижении спроса сокращать объем поставок поташа на внешний рынок, нежели снижать стоимость.

При продаже первоначально предпочтение отдавалось заключению контрактов с купцами об отдаче им в течение определенного времени (как правило, трех лет) определенного количества поташа по заранее оговоренным ценам (16). Но в конце второго десятилетия XVIII в. в связи с тем, что при заключении по-

добных контрактов купцы стали настаивать на снижении цены, предпочтение стало отдаваться продаже с торгов (17). Для облегчения этого предварительно проводились специальные своего рода рекламные акции, заключающиеся в публикациях в газетах в крупнейших городах России и за рубежом и устных оповещениях иностранных купцов о месте и времени продаж. Помимо того что продажа с торгов позволяла заключать контракты на наиболее выгодных условиях, Коммерц-коллегия также получала на них представление об общем спросе на поташ и, исходя из этого, могла заранее определять примерный объем производства поташа на следующий год.

Возникшие затруднения со сбытом поташа побудили российское правительство исследовать ситуацию на английском рынке, потреблявшем его львиную долю. При этом выяснилось, что проблемы с его сбытом во многом связаны с возросшим предложением поташа из других стран хотя и худшего качества, но по менее высоким ценам (18). Кроме того, было обращено внимание на деятельность частных производителей поташа в России. При исследовании данного вопроса оказалось, что поташ продавался частными лицами в больших количествах. Поэтому в 1719 г. было принято решение о подтверждении монополии на экспорт поташа (19), а в апреле 1721 г. последовал указ Петра I об установлении монопольного производства поташа на гартах Починковской поташной конторы (20). Таким образом российское правительство решило устранить внутренних конкурентов и в большей степени контролировать предложение.

Но исправить положение не удалось, и в конце 20-х гг. XVIII в. возникает ситуация, когда не находилось купцов, готовых приобретать поташ по устраивавшим Коммерц-коллегию ценам, и в этих условиях она была вынуждена перейти к отдаче поташа в комиссию. Так, в 1730 г. в комиссию английскому консулу Варду было отдано 1500 бочек поташа, для перевоза которого в Англию ему предоставлялось 6 кораблей и право беспошлинного вывоза. От продажи поташа Варду причиталось 8% от вырученной суммы, причем ответственность за сохранность товара лежала на нем (21).

В сложившихся обстоятельствах Коммерц-коллегией и Сенатом для повышения спроса на поташ рассматривался вопрос о временной приостановке либо значительном сокращении его производства. Но английский корреспондент Коммерц-коллегии Голден предложил другой вариант решения проблемы. По его мнению, снижение поставок поташа в Англию вызовет увеличение поставок его из Польши и Эстляндии; чтобы не допустить этого, он предлагал резко увеличить экспорт на английский рынок российского поташа, предлагая его по существенно сниженным ценам. Это должно было вытеснить с рынка конкурентов и привести к свертыванию производства поташа в этих странах; установленная таким образом монополия на внешнем рынке должна была компенсировать понесенные убытки за счет значительного повышения цены на российский поташ в будущем. Сенат выразил сомнение в плане Голдена, но из-за потребности в средствах было принято решение, что «на большую партию, ежели и дешевле продаецца, только прибыли больше получаетца» (22).

Подобное решение позволило заключить пятилетний контракт с английскими купцами Шифнером и Вульфом, согласившимися приобретать ежегодно по 2000 бочек поташа по 12 ефимков за берковец (23), а затем продлить его еще на такой же срок. Для достижения необходимого объема производства предпринимались шаги в двух направлениях: 1) дальнейшая рационализация производственного процесса на основе уже проведенной его унификации; 2) увеличение числа действующих майданов.

Необходимость увеличения количества ежегодно изготавливаемого поташа более чем в два раза, вызванная условиями заключенного контракта, потребовала нового решения проблемы с поставкой припасов, в первую очередь золы, так как заготовить нужное количество уже имеющимися в распоряжении поташной конторы силами было невозможно. Нельзя было решить ее и увеличением денежного финансирования из Комерц-коллегии, поскольку в течение, по крайней мере, пяти последних лет не находилось желающих добровольно поставить золу по указанной цене. Это объяснялось не только вырубкой лесов вблизи майданов, но и низкой для данного времени платой. Выход был найден в приписке к поташным заводам дополнительного числа крестьян. Поэтому в 1733 г. в подчинение Починковской поташной конторе было передано еще более 80 сел и деревень, в которых числилось около 10 тыс. душ мужского пола.

С этого времени для обеспечения поташного производства сырьем и осуществления ремонтных работ к каждому гарту прикреплялись села и деревни с примерно одинаковым общим количеством душ, которые были обязаны таким образом погашать подушную подать. Главным мотивом выбора такого пути решения проблемы являлось стремление не допустить повышения себестоимости продукции, поскольку труд приписных крестьян правительство могло оплачивать по гораздо более низким расценкам, чем вольнонаемных рабочих (соответственно, по гораздо более низким ценам осуществлялась и поставка сырья).

Увеличение производства поташа приводило к усилению эксплуатации приписных к Починковской поташной конторе крестьян. Этот процесс еще более обострялся сокращением количества реальных рабочих рук.

Положение усугублялось тем, что купцы Шифнер и Вульф, пользуясь долгосрочностью заключенного с ними контракта, стали браковать очень большое количество поташа, ранее считавшегося нормальным. Из-за этого первый контракт не был выполнен в срок, поэтому потребовалось принятие новых мер для еще большего увеличения объемов производства. Они позволили выполнить взятые по второму заключенному в 1739 г. с ними же подобному контракту Комерц-коллегией обязательства по поставке поташа в оговоренные сроки, но это сопровождалось ухудшением качества поташа и истощением как лесных, так и людских ресурсов Починковской поташной конторы.

Еще одним негативным последствием поставки на рынок огромного количества поташа явилось резкое падение спроса на него, что сделало продажу российского поташа за границу по прежним ценам в течение нескольких лет практически невозможной. Все это привело в середине 40-х гг. XVIII в. к прекращению крупномасштабного производства поташа, которое в полной мере так и не было возобновлено.

Таким образом, рассмотрев деятельность казенной поташной промышленности, можно сделать следующие выводы.

Возникновение экспортоориентированной промышленности России основывалось на использовании позитивного зарубежного опыта, что характерно для промышленного развития страны данного периода в целом. Но этот процесс носил обратнаправленный характер: если в подавляющем большинстве случаев инициатором создания новых предприятий выступало государство, которое затем для повышения эффективности управления передавало их в частные руки, то здесь государственные структуры долгое время занимали пассивную инертную позицию, гораздо большую инициативу проявляли в его продвижении частные лица. Лишь после того как производство поташа приобрело широкий масштаб, правительство пошло на создание собственных предприятий. Несмотря на произошедшее изменение отношения к государственным монополиям на торговлю, приведшее в 1719 г. к отмене большинства из них, в отношении экспорта поташа монополия действовала до конца существования казенной поташной промышленности.

В конце XVII — начале XVIII в. российское правительство, убедившись в выгодности поташной промышленности, стремилось получить максимальную прибыль от торговли поташом не за счет количества продаваемого за рубеж поташа, а путем поддержания стабильных высоких цен на него. Поташная промышленность России гибко реагировала на изменения спроса, и количество производимого в этот период поташа определялось преимущественно конъюнктурой европейского рынка.

Происходит поиск оптимальной системы управления производством. В то же время можно констатировать, что изменение ведомственной принадлежности решало тактические задачи, представлявшие наибольшую важность на текущий момент.

Еще одна ярко прослеживаемая тенденция в работе казенной поташной промышленности — стремление не допустить повышения себестоимости продукции. Так, для удешевления заготовки припасов была запрещена порубка годных для производства поташа лесов на другие цели. Также стремление к удешевлению (или предотвращению подорожания) производства явилось главным фактором, который обуславливал выбор того или иного подхода к решению проблемы с обеспечением казенной поташной промышленности рабочей силой (найм рабочих, закупка сырья, использование принудительного труда приписных крестьян). Судя по тем проектам, которые будут рассматриваться Сенатом в 60-х гг. XVIII в., повышение цен на золу и клепочные дрова до рыночного уровня могло исправить ситуацию, но в таком случае неминуемо произошло бы резкое увеличение себестоимости поташа, а следовательно, сократилась бы прибыль, поступаемая в казну от его продажи на внешнем рынке. При этом, впрочем, можно выделить еще один фактор, который способствовал переходу к использованию принудительного труда. Дело в том, что после сведения близлежащих лесов проблема поиска рабочих рук стала достаточно часто вставать перед российским правительством, и предпринимаемые каждый раз меры позволяли решить ее лишь на непродолжительное время. Такое же решение проблемы должно было снять этот вопрос с повестки дня на долгий срок.

В первой трети XVIII в. правительство России при продаже поташа за границу стремилось осуществлять ее по максимально высоким ценам, предпочитая при снижении спроса сокращать объем поставок поташа на внешний рынок, нежели снижать стоимость. Существенное значение уделялось информированию потенциальных потребителей о предлагаемом товаре, что достигалось как посредством газетных публикаций, так и устного оповещения купцов. При этом российское правительство не ограничивалось территорией своей страны, оно проводило эту деятельность и за рубежом. Кроме того, еще одним направлением в деятельности по продвижению отечественной продукции за рубежом стало изучение ситуации на внешнем рынке с выяснением причин возникающих затруднений, выявлением конкурентов и определением спроса и предложения.

Но в целом эта политика привела к снижению спроса на поташ и, как следствие, к сокращению поступавшей в казну от торговли им выручки. Поэтому в 1732 г. был взят курс на продажу большего количества поташа по несколько меньшим ценам, что должно было увеличить объем общей выручки.

В целом, предпринятая правительством Анны Иоановны попытка получения максимальной прибыли за счет предельно возможного увеличения объемов производства и продажи поташа (в перспективе направленная на устранение иностранных конкурентов путем захвата европейского рынка за счет продажи товара по демпинговым ценам) породила системный кризис казенной поташной промышленности, заключавшийся в следующем: 1) были практически полностью уничтожены леса в окрестностях гартов, что сделало их работу невозможной и требовало переноса на новые места; 2) из-за чрезмерной эксплуатации была подорвана феодально-крепостническая система снабжения гартов припасами и рабочей силой, приписные крестьяне уже не могли справляться с возложенными на них обязанностями; 3) поставка на европейский рынок огромного количества поташа катастрофически снизила спрос на него и сделала невозможным его сбыт в ближайшем будущем. Ограничение объемов поставок товара на внешний рынок не смогло поддержать стабильный спрос на него, поскольку не учитывало деятельности конкурирующих поставщиков. Скорее всего, эффект от этой меры был даже негативным, поскольку сокращение предложения на внешнем рынке казенного российского поташа, пусть и дорогого, но и более качественного, стимулировало его производство в других странах (24).

Можно говорить о том, что в условиях модернизации XVIII в., безусловно, происходит быстрое развитие поташной промышленности: совершенствуется управление ею; путем регламентации производственного процесса осуществляется его интенсификация; ведется поиск путей оптимизации продажи продукции; апробируются различные подходы к обеспечению поташных предприятий рабочей силой. В то же время, как правило, все принимавшиеся меры являлись следствием реагирования правительства на уже не просто возникающие, а обострившиеся проблемы, вызвавшие снижение рентабельности поташной промышленности, и были направлены преимущественно только на ее восстановление. Созданный механизм управления не отличался гибкостью и не позволял эффективно и своевременно учитывать негативные явления на стадии их зарождения и вносить коррективы

в организацию производства и сбыта продукции. Приоритет, отданный поддержке максимальной доходности, в результате ее снижения привел к утрате интереса со стороны правительства к казенной поташной промышленности. В дальнейшем это привело к потере своего сектора на европейском рынке, который был занят иностранными производителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В пользу этого говорит то, что способ, которым изготовлялся тогда поташ в России, назывался «польским маниром», из чего следует, что сюда это производство пришло из Польши. Также это подтверждает и то, что впервые в России в значительных масштабах производство поташа стало осуществляться на Белгородчине, территориально близкой к владениям Речи Посполитой. Но здесь оно велось сравнительно недолго. Согласно сообщению П.Ф. Симсона, «...к 1659 году по Белгородской засечной линии вследствие добычи поташа и смольчуга были уже повысечены многие леса, так что городским и уездным людям негде стало добывать себе дров, погибли и бортные деревья. Пчелы от сожжения лесов на поташ и на смольчуг от дыму повывлетали, и мед стал дорог» (*Симсон П.Ф. Поташное дело в Московском государстве на пороге XVIII в. // Журн. Министерства народн. просвещения. — 1913. — № 5. — С. 4.*)
- (2) *Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века: В 6 т. — М.; Л., 1949. — Т. 2. — С. 13.*
- (3) РГАДА. — Ф. 276. — Оп. 1. — Д. 1084. — Л. 10.
- (4) Там же.
- (5) Там же. — Д. 1115. — Л. 55 об.
- (6) РГАДА. — Ф. 276. — Оп. 1. — Д. 1115. — Л. 85; Д. 17. — Л. 58 об.; Ф. 1091. — Оп. 3. — Д. 19. — Л. 18 об.
- (7) Там же. — Ф. 1091. — Оп. 3. — Д. 18. — Л. 4.
- (8) Там же. — Ф. 276. — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 1084. — Л. 107.
- (9) Там же. — Ф. 1091. — Оп. 3. — Д. 18. — Л. 30 об.
- (10) Там же. — Ф. 276. — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 1084. — Л. 51.
- (11) Там же. — Ф. 1091. — Оп. 3. — Д. 17. — Л. 18; Ф. 276. — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 1084. — Л. 63.
- (12) Там же. — Ф. 1091. — Оп. 3. — Д. 30. — Л. 4.
- (13) Там же. — Л. 3—3 об.
- (14) Там же. — Ф. 276. — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 1070. — Л. 1.
- (15) Там же. — Ф. 19. — Д. 225. — Л. 91 об.
- (16) См., например: Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 4. — С. 821; РГАДА. — Ф. 276. — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 1065. — Л. 69.
- (17) РГАДА. — Ф. 276. — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 1065. — Л. 70.
- (18) Там же. — Л. 247 об.
- (19) Там же. — Л. 184 об., 185, 185 об., 186.
- (20) Цит. по: *Руткевич Н. П. Починковские поташные заводы XVIII в. — С. 46.*
- (21) РГАДА. — Ф. 19. — Д. 225. — Л. 115—118.
- (22) Там же. — Л. 132—132 об., 135—136.
- (23) Там же. — Л. 247.
- (24) Подтверждением этого можно считать сообщение Д. Ладыгина (впоследствии командира Поташной конторы) о том, что производство поташа в Венгрии стало увеличиваться с 1744 г. (очевидно, в результате сокращения, а затем и прекращения поставок на внешний рынок российского поташа. — *Э. Б.*) (РГАДА. — Ф. 276. — Оп. 1. — Ч. 1. — Д. 1125. — Л. 4).

**EXPORT-ORIENTED STATE INDUSTRY OF RUSSIA
IN MODERNIZING PROCESS AT THE END OF 17TH —
THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY**

E.D. Bogatyrev

The Mordovian N.P. Ogarev State University
Bolshevistskaya Str., 68, Saransk, Republic Mordovia, Russia, 430005

The article is devoted to the research of the main tendencies of development of state potash industry in Russia, which was in fact a peculiar export-oriented branch of industry in the period of Peter's modernization. The article studies the tendencies of development of potash industry and reveals its determining factors; measures for increasing the production efficiency at the state manufactures taken by the Russian government, as well as the ways of production promoting on the foreign market.

Key words: state industry, export-oriented, modernizing process, Russia, potash industry, foreign market.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ

ДЬЯК ФЕДОР МИШУРИН: СУДЬБА ПРИКАЗНОГО БЮРОКРАТА XVI В.

А.Ю. Савосичев

Кафедра Отечественной истории
Орловский государственный университет
ул. Комсомольская, 95, Орел, Россия, 302026

В статье анализируется роль приказной бюрократии в функционировании государственного аппарата России XVI в. на примере биографии дьяка Федора Михайловича Мишурина. Автор показал динамику карьеры государственного деятеля в связи с его сословным происхождением и личными связями, обратив внимание на внутривластные события, на фоне которых протекала служебная деятельность дьяка.

Ключевые слова: дьяки, дворцовые учреждения, период боярского правления, бюрократия.

Эпоха Василия III и первые годы правления Ивана IV не оставили в памяти потомков столь значительного впечатления, как времена Ивана III, реформы и внешнеполитические триумфы середины XVI столетия. Дед великого князя Василия заложил фундамент российского самодержавия, сын придал ему блестящий фасад. Но это был постепенный процесс. Первая треть XVI столетия не принесла с собой впечатляющих военных успехов, подобных Казанскому взятию, и не сопровождалась масштабными внутривластными сдвигами. Годы Василия III стали периодом закрепления достигнутого и своеобразного накопления сил перед новым витком исторического развития, пролагавшего себе путь через кризисы, подобные тем, что потрясли Россию в период малолетства Ивана Грозного.

Расширение территории страны, усложнение задач государственной политики стимулировали дальнейшее развитие управленческого аппарата. Это проявилось, в том числе, в росте числа дьяков и подьячих, увеличении роли бюрократии в управлении государством. Фигура канцелярского деятеля становится все более заметной в окружении российских государей.

Одной из таких типичных фигур был великокняжеский дьяк Федор Михайлович Мишурина. Подобно целому ряду бюрократов XVI столетия наш герой не отличался знатностью. Он был выходцем из среды мелких слуг дворцового ведомства и не относился к служилому сословию (1).

Первое упоминание в источниках о Федоре Мишурине относится к 1516/1517 г. Судя по его руке на платежной отписи, он принимал в казну денежный оброк с деревни и починков Троицкого Белопесоцкого монастыря в Каширском уезде. Аналогичные документы Федор подписывал в 1517/1518—1520/1521 гг. (2). В финансовом и судебном отношении, интересующие нас владения троицкой братии находились в ведении Дворца (3). Следовательно, и Федор Мишурин, принимавший с них оброчные платежи, был одним из дворцовых слуг (4).

Впервые как дьяк великого князя наш герой упоминается 28 июля 1524 г. в докладной полюбовной разъезжей Троице-Сергиева монастыря и московских помещиков братьев Олехновых. Разъезжая стала результатом поземельного спора, разбиравшегося судьей Веригой Негодяевым. Суд фактически не состоялся за примирением сторон. Межа, разделившая спорные владения, была проведена солидарными старожильцами обоих истцов. Результаты разбирательства Верига представил на утверждение дворецкому кн. Ивану Ивановичу Кубенскому. Итоговую разъезжую подписал дьяк великого князя Федор Мишурин (5). Обстоятельства дела позволяют уверенно заключить, что наш герой был одним из дворцовых дьяков.

По сути, вся последующая служебная биография Федора Михайловича Мишурина была связана с Дворцом. В первой трети XVI в. Дворец был одним из ключевых государственных ведомств. Он контролировал деятельность местной власти в волостях и уездах. Дворецкий обычно подписывал жалованные грамоты. Широки были судебные полномочия главы Дворцового ведомства. Он судил землевладельцев — обладателей жалованных несудимых грамот и их людей, то есть тех, кто был неподсуден обычному суду. В компетенции дворецкого был разбор наиболее тяжких уголовных дел. Его суд, наряду с судом лично государя и введенных бояр, играл роль своеобразного верховного суда. Туда поступали дела, которые не могли быть решены судами низшей инстанции (6). Дворец ведал всем имуществом, которое было собственностью лично монарха и его семьи. Туда поступали и оттуда распределялись все денежные и натуральные доходы с дворцовых вотчин. Под началом дворецкого был целый штат дворцовых дьяков. На протяжении почти всей служебной карьеры непосредственным начальником Федора Мишурина был князь Иван Иванович Кубенский. Он упоминается как дворецкий в 1524—1526 и 1530—1543 гг. (7). В 1527—1531 гг. дворецким был князь Иван Васильевич Немой Телепнев Оболенский (8).

Главной функцией Федора Михайловича Мишурина как дворцового дьяка было удостоверение подписью различных грамот, проходивших через канцелярию его ведомства. За период с 28 июля 1524 г. по 1532/1533 г. нами выявлено восемь грамот, подписанных Федором Мишуриным: три жалованных (9), две разъезжих (10), меновная (11) и две правых (12). Он же ведал денежными поступлениями с дворцового имущества (13).

17 мая 1525 г. наш герой упоминается в связи с приемом иностранных дипломатов. Согласно посольским обычаям того времени, в честь представителей иностранных государей устраивалась торжественная трапеза с участием самого великого князя. После ее окончания некоторые кушанья и напитки отправлялись к дипломатам на подворье. Дьяк Федор Мишурин 17 мая был направлен с такой

задачей к литовскому посланнику Богухвалу Дмитриеву (14). Обычно вопросами продовольствия для иностранных дипломатов и их свиты ведали дьяки и подьячие дворцового ведомства.

В правление Василия III во Дворце служило несколько дьяков. Среди них Федор Михайлович Мишурин ничем особенным не выделялся. Первые признаки политического возвышения нашего героя, приведшего его к самому подножью трона, появляются только в связи с предсмертной болезнью вел. кн. Василия.

В свою последнюю поездку на богомолье в Троице-Сергиев монастырь великий князь Василий отправился 21 сентября 1533 г. В обители государь пробыл, по меньшей мере, до 25 сентября. Выполнив благочестивую миссию, он отправился под Волоколамск для отдохновения и охоты («тешиться», по словам летописца). Будучи в селе Озерецком, Василий Иванович впервые почувствовал себя плохо: на бедре у него обнаружился нарыв. Воспалительный процесс существенно ухудшил общее самочувствие монарха. Превозмогая болезнь, великий князь поехал в село Нахабное, а оттуда в Покровское Фуниково, где был 1 октября. В Волок Василий Иванович прибыл 5 октября. Все мероприятия — пир у Шигоны Поджогина, мытье в бане, поездка на охоту в Колпь и застолье там — происходили вопреки плохому самочувствию великого князя. В Колпи 7 октября (или день-два спустя) состояние Василия Ивановича настолько ухудшилось, что он вынужден был отказаться от застолий и стал кушать только в постели. Осознав серьезность болезни, монарх обратился к врачам Николаю Булеву и Феофилу. Одновременно к постели больного был призван государев дядя князь Михаил Львович Глинский. В Колпи Василий Иванович пробыл две недели. Состояние больного ухудшилось. Болезнь, сопровождаемая лечением, развивалась. Когда великий князь решил вернуться в Волок, его несли на носилках. Расположение нарыва, в котором началось нагноение, исключало посадку в седло.

В Волоке больной стал чувствовать себя еще хуже: нагноение усилилось, в груди появилось тиснение, пропал аппетит. В такой обстановке в столицу были посланы стряпчий Яков Мансуров и дьяк Меньшик Путятин. Они тайно должны были привезти государю духовные его отца и деда. Перед лицом болезни великий князь Василий решил написать новое завещание.

Болезнь государя была тяжелой, но пока Василий Иванович не считал ее смертельной. Тайный характер миссии Якова Мансурова и Меньшого Путятина должен был исключить возникновение в столице и при дворе преждевременных волнений. Осведомлены были только самые близкие к монарху доверенные лица: Шигона Поджогин и Меньшик Путятин. Ночью 25 октября Василий Иванович именно с ними обсуждал вопрос о том, кого из бояр пригласить на предстоящее заседание Думы, где планировалось говорить о духовной.

В ночь на 5 ноября в болезни Василия Ивановича наступил кризис (нарыв прорвался), а вместе с ним появились и надежды на облегчение. Эти чаяния не сбылись, «болезнь же его тяшка бысть». В Волок из Москвы приехали, специально вызванные, старец Мисаил Сукин и боярин Михаил Юрьевич Захарьин. По их приезду состоялось заседание Думы с участием князя Дмитрия Федорови-

ча Бельского, князя Василия Ивановича Шуйского, Михаила Юрьевича Захарьина, князя Михаила Львовича Глинского, дворецких князя Ивана Ивановича Кубенского и Ивана Юрьевича Пожогина, а так же дьяков Меньшого Путятин, Елизара Циплятева, Афанасия Курицына и Третьяка Ракова. На совещании обсуждался вопрос о возвращении великого князя в Москву.

14 ноября Василий Иванович был в селе Буйгород, а утром следующего дня приехал в Иосифов монастырь. Силы его были на исходе: великий князь передвигался только в повозке и практически не вставал с переносного ложа. В Успенский храм его ввели под руки, литургию он слушал лежа, будучи на церковной паперти. 16 ноября государев поезд двинулся в столицу.

Утром 23 ноября великий князь Василий въехал в Кремль через Боровицкие ворота. Сразу же была созвана Дума. На совещание были приглашены князь Василий Васильевич Шуйский, Михаил Юрьевич Захарьин, Михаил Семенович Воронцов, казначей Петр Иванович Головин и Тверской дворецкий Иван Юрьевич Шигона. С наиболее приближенными к трону думцами великий князь Василий стал обсуждать вопрос «о своем сыну о князе Иване, и о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте, понеже сын его млад, токмо трех лет на четвертой, и како строитися царству после его» (15). Из дьяков на обсуждение судьбы государства были приглашены только двое: Григорий Никитич Путятин и Федор Мишурин. По итогам заседания была написана великокняжеская духовная. Писал документ Меньшик Путятин, а Федор Мишурин был у него «в товарищах» (16). Тогда же на заседание Думы были приглашены князь Иван Васильевич Шуйский, Михаил Васильевич Тучков, кн. Михаил Львович Глинский и брат великого князя Юрий. Обсуждение судеб государства при новом государе Иване Васильевиче было продолжено.

Тогда же Василий Иванович говорил с митрополитом Даниилом, коломенским владыкой Вассианом, старцем Мисаилом Сукиным и своим духовником благовещенским протопопом Алексеем о предстоящем пострижении в монахи. Кроме этих духовных лиц в замысел великого князя были посвящены только Шигона Поджогин и Меньшик Путятин. В приделе св. Василия Великого Благовещенского собора попом Григорием была отслужена тайная обедня. Никто, кроме Вассиана, Мисаила и протопопа Алексея, на службе не присутствовал. В ночь с 26 на 27 ноября великий князь, опять же тайно, был миропомазан. Таинство миропомазания обычно совершалось в случае тяжелой болезни, угрожающей больному смертью. Отсюда и тайный характер всех священнодействий: помешать распространению слухов о том, что государь умирает.

В ночь на 30 ноября великий князь был миропомазан еще раз, теперь уже явно. Видимо, никаких надежд на выздоровление уже не осталось. Днем того же числа Василий Иванович принял причастие (17). В тот же день состоялось расширенное заседание боярской Думы: присутствовали братья государя, митрополит Даниил и все бояре, кто не был на службе за пределами столицы. Было официально объявлено, что умирающий великий князь передает власть сыну Ивану. После этого большинство думцев было отпущено, остались только князь Дмитрий

Федорович Бельский с братьями, князя Шуйские, Поплевины и князь Михаил Львович Глинский. Было официально объявлено, что кн. Дмитрий и кн. Михаил назначаются душеприказчиками. Тогда же Василий Иванович в присутствии князя Михаила Львовича и Михаила Юрьевича Захарьина в последний раз совещался с врачами. На вопрос великого князя о возможности выздоровления Николай Булев ответил, что сделать мертвого живым может только Бог, но не медик (18).

Убедившись, что смерть неизбежна, Василий Иванович 3 декабря говорил о духовных делах с игуменом Троице-Сергиева монастыря Иоасафом, принял участие и позвал бояр. Около четырех часов подряд великий князь совещался с князьями Василием и Иваном Васильевичами Шуйскими, Михаилом Воронцовым, Михаилом Тучковым, князем Михаилом Глинским, Шигоной Поджогиным, Петром Головиным и дьяками Меньшим Путятиным и Федором Мишуриным: «о своем сыну великом князе Иване Васильевичи и о устроенье земском како бы правити после его государства». В седьмом часу дня думцы были отпущены. Остались только Михаил Юрьевич Захарьин, князь Глинский и Шигона Поджогин. Им были даны последние наставления о великой княгине Елене (19).

Простившись с семьей, Василий Иванович призвал владыку Вассиана и старца Мисаила для устройства дел душевных. Главным делом было предстоящее пострижение великого князя. Для этого был приглашен троицкий игумен Иоасаф. Монашеское облачение доставил Мисаил. Прибыли митрополит Даниил, братья Юрий и Андрей, Иван Юрьевич Шигона. Духовник государя протоиерей Алексей и крестовый дьяк Данила стали совершать последние предсмертные молитвы. На смертном одре Василий Иванович простился с Михаилом Семеновичем Воронцовым, отдав ему какую-то старую обиду (20).

Здесь у ложа умирающего разгорелся острый спор. Митрополит Даниил и Михаил Юрьевич соглашались с благочестивым желанием великого князя принять постриг. Андрей Старицкий, Воронцов и Шигона Поджогин были против, апеллируя к древней традиции, согласно которой все монархи, начиная с Владимира Святого, умирали мирянами. Видя, что больной умирает (наступило нарушение речи, отнялась правая рука), митрополит Даниил, пригрозив сомневающимся отлучением от благословения, совершил обряд пострижения. В двенадцатом часу, в ночь с 3 на 4 января 1533 г. великий князь Василий, в иноках Варлаам, скончался. У смертного одра в тот момент были митрополит Даниил, троицкий игумен Иоасаф, троицкий же келарь Серапион Курцев, старец Мисаил Сукин, Андрей Старицкий, Михаил Захарьин, Шигона Поджогин и Михаил Воронцов (21).

Летописная повесть о болезни и смерти великого князя Василия ценна, прежде всего, тем, что позволяет определить круг наиболее доверенных лиц монарха, стоявших ближе всего к трону, а следовательно, реально принимающих участие в определении государственной политики. Из текста летописи явно видно, что из числа дьяков наиболее приближенным к государю был Меньшик Путятин. Второй по значению фигурой в бюрократической аппарате, бесспорно, был Федор Мишурин. Он не был в последней поездке с великим князем Василием, оставшись в столице, но по возвращении монарха в Москву принял активное участие в госу-

дарственных делах. Федор Михайлович присутствовал на заседаниях ближней Думы и участвовал в составлении великокняжеской духовной. Все это признаки особой близости к фигуре государя.

Чем вызван столь стремительный карьерный взлет Федора Михайловича Мишурина? Ответ на этот вопрос дать сложно. Состояние наших источников таково, что многие тайные пружины российской политической жизни XVI столетия прочно скрыты временем от глаз исследователя. Рискнем предположить, что возвышение Федора Мишурина было связано с ростом влияния при дворе Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина. Он, как и Федор Мишурина, служил в дворцовом ведомстве, правда, несколько в другой его отрасли. Поднимаясь по служебной лестнице к трону, Шигона, по всей видимости, повел за собой наиболее способных работников дворцовой администрации.

Великому князю Ивану, взошедшему на престол после смерти отца, едва минуло три года. Фактическая недееспособность нового монарха как государственного деятеля вызвала в стране острый политический кризис, затянувшийся более чем на десятилетие. Главным содержанием его стала упорная борьба за власть между различными группировками внутри политической элиты.

В первые месяцы правления великого князя Ивана ключевыми властными фигурами стали князь Михаил Львович Глинский, Михаил Юрьевич Захарьин и Шигона Поджогин. Этот своеобразный «триумвират» сохранялся до осени 1534 г. С арестом государева дяди и фактическим удалением от дел Михаила Захарьина реальная власть перешла к вдовствующей великой княгине-матери Елене Васильевне (22). На карьере нашего героя все эти политические бури не отразились. Может быть, это было связано со стабильным положением при дворе его возможного покровителя Шигоны Поджогина, а может быть, сыграла свою роль совместная служба Ивана Михайловича с князем Иваном Васильевичем Немым Оболенским, который приходился двоюродным братом всеильному князю Ивану Федоровичу Овчине Телепневу Оболенскому (23).

В сложившихся условиях влияние Федора Мишурина на государственные дела продолжало расти. Первый признак тому — участие дьяка в переутверждении иммунитетных грамот. С точки зрения средневекового права пожалование земель и привилегий сувереном своему слуге носило характер личного договора. Смерть одной из сторон такого договора влекла за собой его перезаключение. По сему смена великого князя на российском престоле сопровождалась переутверждением всех жалованных грамот предыдущих правителей. Все заинтересованные лица предоставляли имевшиеся у них документы в великокняжескую канцелярию, где к акту делалась приписка о подтверждении новым монархом прав и привилегий, предоставленных прежним владельцем. При этом объем данных прав и привилегий мог быть изменен как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения. Часть иммунитетных грамот могла остаться без утверждения и тем самым аннулировалась.

Основные направления иммунитетной политики государства, конечно же, определялись властной элитой, но роль дьяка — управителя канцелярии была исклю-

чительно велика. Именно он интерпретировал основные принципы иммунитетной политики по отношению к конкретным правам и привилегиям конкретных земле-владельцев. Каждая грамота, подлежащая утверждению, рассматривалась дьяком по существу, подпись дьяка удостоверяла факт утверждения. В руках управителя канцелярии, таким образом, сосредотачивалась большая власть.

Процесс переутверждения иммунитетных грамот растянулся на несколько десятилетий (24). Но основная работа, естественно, была проделана в первые месяцы нового великого княжения. В 1533/1534 г. на имя Ивана Васильевича были подписаны 114 докладных купчих, жалованных, правых и указных. Удостоверяли грамоты дьяки Афанасий Федорович Курицын, Федор Мишуриин и Меньшик Путятин. Афанасий подписал 29 грамот, Меньшик Путятин только одну, а Федор Мишуриин — 84 (25). В 1535 г. было переутверждено всего 7 грамот (26), в 1536 — 4 (27), в 1538 — 4 (28). Еще в пяти случаях точная дата удостоверения акта неизвестна (29). Все они были подписаны Федором Михайловичем. Наглядно видно, что основной фигурой здесь являлся наш герой. Роль остальных дьяков либо незначительна, либо специфична. Так, все 29 грамот, подписанных на имя вел. кн. Ивана Афанасием Курицыным, принадлежали Троице-Сергиеву монастырю (30).

Основная масса грамот, удостоверенных Федором Мишуриным, была подписана в январе, феврале и марте 1534 г. — 7, 39 и 20 соответственно. Остальные достаточно хаотично распределяются по 1535—1538 гг. Похоже, что в течение декабря 1533 — января 1534 гг. необходимые документы накапливались в архиве ведомства Федора Мишурина и соответствующим образом анализировались, а затем переутверждались и удостоверялись подписью дьяка. На подписание грамот одного иммунитета выделялись 1—3 дня. Так, 6 жалованных Иосифо-Волоцкого монастыря были подписаны на имя нового государя 20, 21 и 26 января — 4, 1 и 1 соответственно (31). Все 5 иммунитетных грамот Кирилло-Белозерского монастыря были подписаны 1 февраля 1534 г. (32). Из 11 грамот Симонова монастыря 10 были удостоверены 25 февраля 1534 г. (33) 6 жалованных Троице-Сергиева монастыря Федор Мишуриин подписал 27 и 28 февраля того же года — 5 и 1 соответственно (34). Мы видим, что большая бумажная работа была проделана ведомством нашего героя быстро и профессионально. Признаков знаменитой по публицистике XVII столетия московской приказной волокиты пока не наблюдается.

Одной из ведущих была роль Федора Мишурина и при выдаче из великокняжеской канцелярии новых грамот. От периода с 1533 по 1538 гг. сохранились сведения о 17 правых (35), жалованных (36), разъезжих (37) и указных (38), удостоверенных 6 великокняжескими дьяками. Примечательно, что из шести жалованных грамот пять были подписаны Федором Мишуриным. Таким образом, через его канцелярию проходило не только переутверждение старых, но и пожалование новых иммунитетных привилегий.

Еще одним признаком существенного роста влияния Федора Мишурина на государственные дела стало его интенсивное участие в посольских приемах. В правление великого князя Василия дьяк лишь единожды имел дело с иностранными дипломатами, играя при этом явно второстепенную роль. При малолетнем великом князе Иване ситуация кардинально поменялась.

С момента вокняжения нового государя и до 1537 г. литовские дипломатические эмиссары разного ранга побывали в Москве шесть раз (39). Предмет переговоров был традиционен: подписание мирного договора. После окончания русско-литовской войны 1512—1522 гг. было заключено лишь перемирие, которое регулярно продлевалось (такая противоестественная ситуация сохранялась вплоть до Ям-Запольского мира 1582 г.). Взаимные претензии Москвы и Вильно были столь велики, что компромисс оказывался невозможным.

Федор Мишурин принял участие в четырех дипломатических приемах из шести. В декабре 1533 г. в Москву приезжал литовский посланник Юшко Клинский. Он был официальным эмиссаром литовских панов-рады к князьям Дмитрию Федоровичу Бельскому и Михаилу Юрьевичу Захарьину. В дипломатической практике русско-литовских отношений такие контакты были обычными. Они, как правило, предшествовали серьезным переговорам. Бояре и паны в ходе предварительных контактов договаривались совместно склонять своих государей к взаимовыгодным соглашениям. Возможно, в Литве паны-рада и могли быть реальными посредниками в ходе переговоров. В России же устами бояр-переговорщиков говорило то же дипломатическое ведомство, что и при прямых контактах между великими князьями. Переговоры 18 декабря 1533 г. не стали исключением. Князь Дмитрий и Михаил Юрьевич лишь обеспечили официальный прием литовского дипломата. Все переговоры, как это обычно бывало в последние годы правления великого князя Василия, вел Шигона Поджогин. Встречали Юшка Клинского официальные представители дипломатического ведомства: дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин (40).

В следующем 1534 г. русско-литовские отношения резко обострились: разразилась очередная война, традиционно именуемая Стародубской. По сему дипломатические контакты между Москвой и Вильно возобновились только в 1536 г., когда ситуация на театре военных действий стабилизировалась, продемонстрировав примерное равенство сил противоборствующих сторон. 22 февраля от литовских панов-рады в российскую столицу прибыл посланник Гайко, а 25 мая и 4 июня 1536 г. здесь принимали Владислава Роговского. Переговоры с ними великий князь Иван Федорович Овчина Телепнев Оболенский, главная фигура в правительстве великой княгини Елены. Встречали дипломатов Шигона Поджогин и дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин (41).

К началу 1537 г. предварительные переговоры завершились. 11 января в Москву прибыло посольство в составе Яна Юрьевича Глебовича, Матвея Войтеховича и писаря Венцлава Николаева. 14 января дипломаты были приняты великим князем. Согласно обычаю, такие приемы имели как парадную, чисто церемониальную сторону, так и содержательную. Великокняжеские дьяки сыграли важную роль и в том и в другом случае. Елизар Иванович Циплятев был главным распорядителем приема, у него на руках были списки всех участников церемонии. При вручении верительных грамот взял документы Меньшик Путятин. Он же говорил все нужные слова от имени государя, которому на момент встречи с послами было семь лет. Встречали дипломатов во время аудиенции дьяки Алексей Федорович Курицын, Третьяк Раков, Елизар Циплятев, Меньшик Путятин и Обрюта и Михаил Федоровичи Мишурины. Провожал послов в переговорную палату Меньшик

Путятин. Собственно переговоры начались 18 января. Их вели Михаил Юрьевич Захарьин, Шигона Поджогин, Елизар Циплятев, Меньшик Путятин и Федор Мишурин (42). Дипломатические споры, продолжавшиеся целый месяц, вплоть до 18 февраля, окончились подписанием пятилетнего перемирия. Текст перемирных грамот был составлен Меньшим Путятиным и Федором Мишуриным (43).

12 декабря 1535 г. из Казани в Москву прибыл, изгнанный татарами, хан Шах-Али. 9 января 1536 г. состоялся его прием великой княгиней Еленой Васильевной. Встречали царя самые знатные и доверенные бояре кн. Василий Васильевич Шуйский и кн. Иван Федорович Овчина Телепнев Оболенский. Из дьяков на церемонии были только двое — Федор Мишурин и Меньшик Путятин (44).

Блестящая карьера Федора Михайловича Мишурина трагически оборвалась 21 октября 1538 г. Уход из жизни государева дьяка оказался настолько значимым событием, что его описание попало на страницы целого ряда летописей. Наиболее кратко сообщения тех сводов, которые по времени составления ближе всего к происшедшим событиям. «В лето 7047. Октября князь великий Иван Васильевич велел казнити смертною казнию диака своего Федора Мишурина, у тюрем головы съсечи», — повествует Вологодско-Пермская летопись (45). Воскресенская летопись связывает эти события с враждой кнн. Василия и Ивана Васильевичей Шуйских с кн. Иваном Федоровичем Бельским: «И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре убити великого князя дьяка Феодора Мишурина» (46). Подробнее всего эти события описаны в Львовской летописи, Патриаршем списке Никоновской летописи и в Царственной книге. Расширен список противников князей Шуйских. Кроме князя Ивана это Михаил Васильевич Тучков, князь Юрий Михайлович Голицын Булгаков и Иван Иванович Хабаров, а также митрополит Даниил. Указан повод для конфликта: противники Шуйских добивались боярства для князя Юрия и окольниковства для Ивана Хабарова. В результате князь Иван Федорович Бельский был арестован, его советники отправились в ссылку по своим именам, а Федор Иванович Мишурин был казнен. Царственная книга уточняет, что дьяк был схвачен детьми боярскими на своем дворе, «ободран» (то есть с него была сорвана одежда, скорее всего, с соответствующими оскорблениями словами и действием) и только после этого отправлен на плаху (47).

Трагические события, развернувшиеся в столице осенью 1538 г., явно были лишь эпизодом в новом витке кризиса, толчком к которому послужила смерть великой княгини Елены Васильевны 3 апреля того же года. Нарушение политического равновесия привело к очередной перестановке лиц у подножия трона. Уже 9 апреля был арестован князь Иван Федорович Овчина. Его сестра Агриппина, вдова Василия Андреевича Челяднина, была сослана в Каргополь и пострижена в монахини. В феврале 1539 г. лишился кафедры митрополит Даниил.

Судьба Мишуриных в какой-то мере отразила судьбу всех дьяков XVI столетия. Относительно новая прослойка в социальной структуре российского общества была порождена новыми политическими реалиями. Сколь не была старинная аристократия недовольна ростом влияния приказной бюрократии, сколь не противодействовала ему, рост этот продолжался на протяжении всего XVI в. Постепенно и сами представители древних родовитых фамилий были втянуты в приказную деятельность и обюрократились. Но это уже явления нового XVII столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Брат Михаила Василий Обрюта в июле 1524 г. служил в посельских. Эта должность указывает на принадлежность Мишуриных к среде «слуг под дворскими». См. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. (далее — АСЕМ). — М., 1998. — № 23.
- (2) Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России (далее — АГР). — Киев, 1860. — Т. 1. — № 57. — С. 100.
- (3) Акты Русского государства (далее — АРГ). — М., 1975. — № 29.
- (4) Составители хронологического перечня актов архива Троице-Сергиева монастыря напрасно именуют Федора Мишурина дьяком уже применительно к 1516/1517—1520/1521 гг. (см. Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря. 1505—1537. — М., 2007. — С. 337). Дьяком он стал несколько позднее.
- (5) АРГ. — № 229.
- (6) *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. — М., 1958. — Т. 63. — С. 181.
- (7) Там же. — С. 187, 203.
- (8) *Антонов А.В.* Клинические акты XV—XVI века. — № 6 // Русский дипломатарий (далее — РД). — Вып. 4. — М., 1998; *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии» (далее — ОГКЭ). — М., 2002. — Вып. 5. — С. 202; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 51; *Кобрин В.Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. — М., 1995. — С. 100.
- (9) АГР. — Т. 1. — № 52, 55; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 год (далее — АЕ). — С. 339; АРГ. — № 119.
- (10) АРГ. — № 229; АСЕМ. — № 27.
- (11) ОГКЭ. — Вып. 5. — С. 202.
- (12) АРГ. — № 230; АГР. — Т. 1. — № 55.
- (13) Акты юридические, собрание форм старинного делопроизводства (далее — АЮ). — СПб., 1838. — № 19.
- (14) Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). — СПб., 1892. — Т. 35. — С. 700.
- (15) Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Т. 4. — М., 2000. — С. 557.
- (16) Там же.
- (17) Там же.
- (18) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 558—559.
- (19) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 559.
- (20) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 561.
- (21) ПСРЛ. — Т. 4. — С. 562—563.
- (22) *Кром М.М.* Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутриполитической борьбе конца 1533—1534 года // Отечественная история. — 1996. — № 5. — С. 38, 46.
- (23) *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии... — С. 50.
- (24) Последняя из известных нам грамот Василия III была подписана на имя его сына 17 февраля 1560 г. См. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (далее — ААЭ). — СПб., 1836. — Т. 1. — № 171.
- (25) ААЭ. — Т. 1. — № 159, 171, 177; АГР. — Т. 1. — № 52, 57; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею (далее — АИ). — Т. 1. — СПб., 1841. — № 125; *Амвросий.* История российской иерархии. — М., 1811. — Ч. 3. — С. 280—283; М., 1812. — Ч. 4. — С. 704—706; *Антонов А.В.* Клинические акты XV—XVI века. — № 6, 17 // РД. — Вып. 4.; *Он же.* Вновь открытые рязанские акты XVI — начала XVII века. —

- № 11 // РД. — Вып. 9. — М., 2003; *Он же*. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века. Акты угличских монастырей и церквей. — № 48 // РД. — М., 1998. — Вып. 3.; АРГ. — № 15, 29, 33, 86, 107, 118, 133, 207; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). — М., 2008. — Т. 4. — № 172; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСЭИ). — М., 1952. — Т. 1. — № 653; М., 1958. — Т. 2. — № 278, 381, 389, 366, 497; М., 1964. — Т. 3. — № 95, 98, 196; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. (далее — АТКМ). — М.; СПб., 2007. — № 53, 54, 62, 63, 74; Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (далее — АФЗХ (АМСМ)). — Л., 1983. — № 4—8, 11, 18, 39, Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗХ). — М., 1956. — Ч. 2. — № 63, 87, 102, 103; АЮ. — № 361/II; *Баранов К.В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века. — № 3 // РД. — Вып. 4; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. — М., 1896. — Т. 1. — № 5, 7, 9; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). — СПб., 1846. — Т. 1. — № 219; *Дионисий*. Можайские акты. — СПб., 1892. — № 1; *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле Залесском. — Сергиев Посад, 1908. — С. 18; Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве (далее — АТН). — Юрьев, 1897. — Вып. 2. — № 6; *Зимин А.А.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. — № 1 // АЕ за 1965 год. — М., 1966; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века — № 30, 191, 210, 222, 258, 268, 277, 293, 294 // АЕ за 1957 год. — С. 310, 318, 329, 331, 333, 336, 338, 339, 341; *Он же*. Из истории русского средневекового источника. Акты X—XIII вв. Приложение I. — № 4, II. — № 1, IV. — № 1; *Кистерев С.Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507—1606 годов. — № 27 // РД. — Вып. 9; *Кучкин В.А.* Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г. // Исторический архив. — 1960. — № 1. — С. 222; *Маштафаров А.В.* Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века. — № 1 // РД. — Вып. 4; ОГКЭ. — М., 1912. — Вып. 3. — № 239, 478. — С. 75, 123, 124, 175; М., 1917. — Вып. 4. — № 1298. — С. 472, 491; Вып. 5. — № 9. — С. 203; Описание Троицкого Селижарова монастыря Тверской епархии. — Тверь, 1900. — С. 109—114; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. — СПб., 1904. — Т. 32. — С. 236, 611; Сборник Муханова. — СПб., 1866. — № 319. — С. 599—600; Сборник Новгородского общества любителей древности. — Новгород, 1908. — Вып. 1. — С. 85.
- (26) ААЭ. — Т. 1. — № 385; *Амвросий*. История российской иерархии. — Ч. 3. — С. 136—144, 186—193; Акты Российского государства. Архивы Московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. (далее — АРГ (АММС)). — М., 1998. — № 56; АСЗ. — Т. 1. — № 140; ДАИ. — Т. 1. — № 46, 48; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 278 // АЕ за 1957 год. — С. 339.
- (27) АФЗХ. — Ч. 2. — № 79; ОГКЭ. — Вып. 4. — № 554. — С. 172; АСЗ. — Т. 1. — № 171; Т. 4. — № 52.
- (28) АТКМ. — № 20; *Румовский Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. — Вологда, 1862. — С. 63—67.
- (29) *Антонов А.В.* Вотчинные архивы Владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII века. — № 236 // РД. — Вып. 4; *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы Рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века. — № 108 // РД. — М., 2000. — Вып. 6; *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Вотчинные архивы Нижегородских духовных корпораций конца XIV — начала XVII века. — № 30 // РД. — М., 2001. — Вып. 7; Труды Московского археологического общества. — Т. 22. — Вып. 2. — М., 1909. — С. 278—280; *Каушанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 96 // АЕ за 1957 год. — С. 318.
- (30) ААЭ. — Т. 1. — № 174; АИ. — Т. 1. — № 132; АРГ. — № 23, 32, 34, 52, 83, 84, 89, 99, 135—137, 146, 147, 175, 183, 185, 186, 193, 205, 206, 211, 218, 220, 253, 280; АСЭИ. —

- Т. 1. — № 92, 132, 246, 247, 304, 307, 309, 310, 316, 327, 332, 346, 349, 352—354, 356, 358, 388, 414, 417, 455, 462, 491—495, 497, 498, 519, 530, 531, 561, 568, 573, 631, 637; *Каутанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 260, 264, 288 // АЕ за 1957 год. — С. 337, 340.
- (31) АФЗХ. — Ч. 2. — № 63, 79, 87, 102, 103; *Баранов К.В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века. — № 3 // РД. — Вып. 4.
- (32) *Каутанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — № 293, 294 // АЕ за 1957 год. — С. 341; ДАИ. — Т. 1. — № 219; ОГКЭ. — Вып. 5. — № 9. — С. 203; ААЭ. — Т. 1. — № 177; АСЭИ. — Т. 2. — № 278.
- (33) АСЭИ. — Т. 2. — № 381, 389; АФЗХ (АМСМ). — № 4—7, 8, 11, 18, 39.
- (34) АТН. — Вып. 2. — № 6; ОГКЭ. — Вып. 3. — № 478. — С. 123; АРГ. — № 33, 107, 133; АСЭИ. — Т. 1. — № 653.
- (35) АРГ. — Т. 1. — № 44—46; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1864. — Т. 1. — № 52/IV; РГБ ОР. — Ф. 303. — Кн. 518. — Л. 164—165 об., 339—339 об., 341—341 об.; АСЗ. — Т. 4. — № 503; АФЗХ (АМСМ). — № 46; АЮ. — № 20.
- (36) ААЭ. — Т. 1. — № 183, 228; АФЗХ (АМСМ). — № 51; *Кустерев С.Н.* Акты московского Чудова монастыря 1507—1606 годов. — № 59 // РД. — Вып. 9; АФЗХ. — Ч. 2. — № 226, 232.
- (37) РГБ ОР. — Ф. 303. — Кн. 518. — Л. 59—62 об.
- (38) АИ. — Т. 1. — № 138; АСЗ. — Т. 1. — № 123.
- (39) Памятники истории Восточной Европы (далее — ПИВЕ). — М.; Варшава, 1997. — Вып. 2. — С. 156—167.
- (40) Сб. РИО. — СПб., 1887. — Т. 59. — С. 2, 54; ПИВЕ. — Вып. 2. — С. 156—157.
- (41) Сб. РИО. — Т. 59. — С. 17, 18, 31, 32, 35.
- (42) Там же. — С. 66, 70, 71, 76.
- (43) Там же. — С. 105, 106.
- (44) ПСРЛ. — Т. 13. — М., 2000. — С. 102, 425.
- (45) Там же. — С. 318, 323.
- (46) Там же. — С. 295. То же сообщение читается в списке Оболенского Никоновской летописи. (См.: ПСРЛ. — Т. 13. — С. 98.)
- (47) ПСРЛ. — Т. 13. — С. 126, 431—432; М., 2002. — Т. 20. — С. 448—449.

CLERK FEODOR MISHURIN: FORTUNE OF DEPARTMENTAL BUREAUCRAT OF 16th CENTURY

S.U. Savosichev

Chair of domain history
Orel State University

Komsomolskaya Str., 95, Orel, Russia, 302026

In this article the role of clerk's bureaucracy in machinery of State of Russia in 16th century is analyzed and illustrated by the biography of Feodor Michilovich Mishurin. The author displayed the dynamic of career of statesman in connexion of his estate by birth and personal connexions, playing attention to political events on the background of it there was activity of the clerk.

Key words: clerks, palace founding, the period of the boyars governing, bureaucracy.

«ОЗНАЧЕННЫЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОСТАВЛЯЮТСЯ БЕЗ ВНИМАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ»: АРХАНГЕЛЬСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

М.Б. Балова

Северодвинский филиал Поморского
государственного университета имени М.В. Ломоносова
ул. Торцева, 6, Архангельская обл., Северодвинск, Россия, 164500

В статье рассматривается организация деятельности Архангельского губернского правления как исполнительного органа местной власти в первой половине XIX в. в сопоставлении с соответствующими законодательными актами. Анализируется процесс формирования штатов, их финансового обеспечения, изменение объема, содержания и порядка деятельности правлений; особое внимание уделяется проблеме бюрократизации административной системы.

Ключевые слова: Архангельск, губернское правление, чиновники, исполнительный орган, законодательные акты, бюрократизация.

В отечественной историографии достаточно прочно утвердился тезис о за­силе волокиты, взяточничества и огромного бумаготворчества в местных органах государственного управления в первой половине XIX в., который при этом обычно характеризуется как период бюрократизации, нараставшей в условиях увеличения количества учреждений государственного управления, числа чиновников, усиления регламентации и формализации их деятельности (1). Основным звеном в системе местных административных учреждений, начиная с 1775 г., считалось губернское (наместническое) правление, возглавляемое губернатором, от которого во многом должна была зависеть эффективность системы местного управления.

Для того чтобы определить, насколько утверждение о бюрократизме губернских правлений в первой половине XIX в. соответствует действительности, являлись ли они действенным органом управления или на самом деле были только канцелярией при губернаторе, необходимо выяснить, сложились ли в этот период и в какой степени проявлялись в деятельности правлений такие характерные признаки бюрократизации, как рост численности служащих и уровней иерархии, разделение обязанностей и введение узкой специализации функций чиновников, усложнение формальной регламентации порядка функционирования, создание унифицированной системы делопроизводства. Для этого следует рассмотреть и проанализировать процесс формирования штатов, их финансового обеспечения, изменение объема, содержания и организации деятельности правлений конкретных губерний в сопоставлении с соответствующими законодательными актами первой половины XIX в.

Деятельность губернских правлений в первой половине XIX в. основывалась на «Учреждениях для управления губерний всероссийских» 1775 г., в которых говорилось, что губернское (наместническое) правление «есть то место, которое уп-

равляет в силу законов Именем Императорского Величества всею Губернию...» (2). Правления отвечали за обнародование законов и должны были контролировать их выполнение, осуществляли ряд исполнительных функций во взаимодействии с местными учреждениями. В их состав кроме председательствующего генерал-губернатора входили губернатор и два советника «для вспоможения губернатору», которые «рассуждением своим уважают дело, и потом исполняют положения Губернаторские», что предполагало коллегиальный принцип деятельности. Статус губернских правлений был установлен на уровне коллегий с подчинением непосредственно Сенату (3).

Процесс формирования губернских штатов после принятия «Учреждений...» 1775 г. шел непрерывно, они утверждались отдельно для разных губерний, имели некоторые различия, но к началу XIX в. должностной состав местных учреждений в основном установился. По штатам 1802 г. в Архангельское губернское правление, созданное после преобразования наместничества в губернию по Указу Павла I от 12 декабря 1796 г., входили губернатор (IV класс Табели о рангах), которому полагался свой секретарь, два советника VI класса, секретарь правления X класса. Число протоколистов, регистраторов, архивариусов, переpletчиков и пр. определялось губернатором в пределах выделенных средств. Кроме этого, к правлению относились губернский прокурор, губернские стряпчие уголовных и гражданских дел, землемер и архитектор (4). В этот период в Архангельское губернское правление ежемесячно поступало и рассматривалось порядка 87 дел, то есть более 1000 дел ежегодно (по данным за 1801 г.) (5).

После учреждения министерств и создания ведомственной системы, когда центральным органам управления стали подчинены соответствующие местные учреждения, документооборот стал быстро увеличиваться. В 1824 г. в Архангельском губернском правлении ежемесячно рассматривалось уже около 300 дел, а в течение года до 3500 дел (6). Значительное увеличение объема работы губернских правлений заставило правительство пойти на изменение штатов и должностных окладов чиновников. 14 ноября 1824 г. был издан Указ «О штатах губернских правлений и о прибавке жалованья», в соответствии с которым в Архангельском губернском правлении состояли 3 советника, ассессор и 2 секретаря (7). К этому времени вырос штат канцелярии, сложилось ее деление на столы и распределение обязанностей между канцелярскими служащими.

Штаты Архангельского губернского правления 1802 и 1824 гг. (8)

Должность	Количество чиновников		Содержание в год (руб.)	
	1802	1824	1 802	1 824
Губернатор (оклад + столовые)	1	1	1 800 1 200	5 000 4 000
Советник	2	3	600	1 500
Ассессор	—	1	—	1 000
Секретарь	1	2	350	800
Помощник секретаря	—	1	—	650
Экзекутор	—	1	—	650
Протоколист	—	1	—	650
Регистратор	—	1	—	600

Окончание таблицы

Должность	Количество чиновников		Содержание в год (руб.)	
	1802	1824	1 802	1 824
Архивариус	—	1	—	500
Приходорасходчик	—	1	—	500
Столоначальник	—	6	—	600
Переводчик	—	1	—	200
Канцелярист	—	11	—	350
Подканцелярист	—	10	—	225
Копиист	—	8	—	150
Переплетчик	—	1	—	200
Типографщик	—	1	—	600

Таким образом, объем деятельности губернских правлений за первую четверть XIX в. увеличился в три с половиной раза, и вместе с этим выросло количество чиновников, сформировалась внутренняя структура губернских правлений, состоящая из присутствия и канцелярии, установился перечень должностей с соответствующими функциями.

Параллельно с формированием штатов местных учреждений стали предприниматься и шаги по регламентации и унификации их деятельности. 27 сентября 1784 г. вышел Указ «О составлении общего положения к скорейшему производству дел», в котором генерал-губернаторам и губернаторам предписывалось внести предложения по организации деятельности губернских учреждений (9). Через некоторое время, 14 ноября 1784 г., была создана комиссия под председательством члена Сената тайного советника П.В. Завадовского, которая должна была изучить донесения губернаторов и подготовить проект общего положения о канцелярском порядке (10). Разработка указанного положения затянулась, однако отдельные указы об организации деятельности местных учреждений, многие из которых предусматривали меры по ускорению делопроизводства, издавались постоянно. По данным Н.П. Ерошкина, всего в 1775—1837 гг. было издано 235 указов по усовершенствованию губернского правления (11).

Процесс законодательной регламентации деятельности губернских правлений завершился 3 июня 1837 г., когда вслед за «Наказом гражданским губернаторам» было издано «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях». В первой главе «О составе губернского правления и разделении подлежащих ведению оного дел» говорилось, что все дела должны решаться в присутствии правления в составе председательствующего губернатора и четырех советников, старший из которых являлся вице-губернатором. Производство дел осуществлялось в канцелярии, которая состояла из четырех отделений, а те, в свою очередь, делились на столы. Первое отделение возглавлял вице-губернатор, и к его ведению относились обнародование законов и контроль их исполнения, наблюдение за производством дел, вопросы, связанные со службой чиновников, дворянские, городские и сельские выборы, ряд хозяйственных дел, внутреннее устройство канцелярии и рассмотрение секретных дел (12).

Остальными тремя отделениями руководили советники. Второе занималось совместно с церковной администрацией делами по «охранению веры, благочестия и добрых нравов», а совместно с полицией — по «охранению порядка и общественного спокойствия», осуществляло наблюдение за проживающими в гу-

бернии чинами военного ведомства, организовывало мероприятия по здравоохранению населения, под его началом действовала «хозяйственная полиция», контролирующая содержание дорог, мостов, почт и т.п. Через третье отделение губернатор осуществлял управление тюрьмами, надзор над судебным производством, полицейским следствием и исполнением судебных приговоров. Четвертое отделение занималось общими вопросами благосостояния губернии, сбором статистических сведений о населении, наблюдало за содержанием городов и селений и строительством на их территории, контролировало сбор земских и городских повинностей, осуществляло содействие казенной палате и приказу общественного призрения (13).

Глава вторая «Положения...» была целиком посвящена порядку производства дел, который был расписан пошагово, с четким указанием, кто из чиновников какие действия должен производить с поступающими бумагами, в каком порядке и через каких должностных лиц они должны проходить и как рассматриваться: «Все поступающие в Губернское Правление пакеты принимаются дежурными и тогда же вносятся ими в дежурную книгу по форме под № 1. За сим надписанные в Губернское Правление, немедленно отдаются Секретарю, а те, кои надписаны в Отделения, Регистраторам сих Отделений по принадлежности, с означением сего в той же дежурной книге» и т.д. (14).

Было разработано 20 делопроизводственных форм, обязательных для ведения: дежурная книга, общий регистр, регистр входящим секретным бумагам, частный регистр, книга для записи ответных донесений, регистры дел по отделениям, докладные регистры, табели срочным сведениям, докладные записки, запросы, протоколы и др. При этом указывалось, что «для ускорения хода дел, Губернское правление имеет всегда достаточное число печатных, или литографированных бланков» (15). Все бумаги проходили через дежурного, секретаря присутствия, главного регистратора, регистраторов отделений, столоначальников и советников с занесением в соответствующие регистры. Для рассмотрения дел в присутствии составлялись докладные регистры и записки с приложением необходимых справок, а также в ряде случаев особые протоколы. Обсуждение осуществлялось коллегиально, но «дело, по выслушании и отобрании мнений членов правления, долженствующих вспомоществовать начальнику губернии своими рассуждениями, решится не по большинству голосов, а по его усмотрению и приказанию» (16). Большинство голосов решались только судебные дела, дела о наказаниях за корчемство и порубку лесов. Дело считалось окончанным только после резолюции правления о выполнении всех необходимых по нему действий (17).

Необходимо отметить, что в «Положении...» не указывались точные сроки прохождения бумаг, но постоянно подчеркивалось, что чиновники «немедленно отправляют», «немедленно раздают», «немедленно вносят», тем самым предписывалось, что их действия должны быть достаточно оперативными. Дела, не терпящие отлагательства, полагалось рассматривать в течение одного дня. Для представления разного рода сведений в соответствующие инстанции и регулярной отчетности имелся специальный табель, где было указано, в какие сроки и куда дол-

жны быть отправлены ведомости, списки, доклады и пр. Например, в Сенат ежегодно к 1 октября представлялись формулярные списки классных чиновников, каждый месяц — ведомости о полученных указах, каждые три недели — донесения о причинах, по которым не выполнены предписания Сената; губернскому прокурору ежемесячно отправлялись ведомости исполнения указов Сената, решенных и нерешенных дел правления и т.д. (18).

Одновременно с введением «Положения...» были изданы «Штаты губернских и уездных учреждений», которые соответствовали утвержденному порядку делопроизводства. Все губернии делились на три разряда, содержание правления первого разряда обходилось в 61 000 руб. в год, второго — в 57 000 руб., третьего — в 52 000 руб. (19). Архангельскому губернскому правлению был утвержден штат по третьему разряду, в котором полагалось 58 должностных единиц. Была выстроена иерархия чиновников в соответствии с классом должности и выполняемыми функциями: губернатор (IV класс), вице-губернатор (V класс), советники (VI класс), правитель дел присутствия (VIII класс), старшие столоначальники (IX класс), главный регистратор, столоначальники, переводчик (X класс), регистраторы отделений, помощники столоначальников, архивариус, экзекутор (XII класс), помощники главного регистратора, архивариуса и экзекутора (XIV класс), писцы высшего, среднего и низшего разрядов. Такая структура должна была обеспечить безукоризненное соблюдение установленного «Положением...» единого для всех губерний порядка делопроизводства (20).

Однако и объем работы, и количество бумаг, проходивших через губернские правления во второй четверти XIX в., продолжали увеличиваться. В конце 1830-х гг. в Архангельское губернское правление поступало ежегодно уже до 20 000 бумаг (21). По каждой из них должно было осуществляться производство в соответствии с «Положением...» 1837 г., причем в кратчайшие сроки, что предполагало очень большой ежедневный объем работы. Так, докладной регистрационной бумагой, представленных на рассмотрение присутствия (губернатора и четырех советников) только первым отделением канцелярии Архангельского губернского правления в январе 1839 г., содержал 509 докладных записок, регистров и протоколов, которые занимали 420 листов (22), и все они предварительно готовились канцелярией. Первое отделение ежедневно направляло в присутствие порядка 7—10 дел. Надо отметить, что срок от поступления бумаги в правление до ее рассмотрения не превышал, как правило, двух недель. Например, 7 января 1839 г. в присутствии слушались доклады по бумагам, поступившим с 23 декабря 1838 г. по 2 января 1839 г., 10 января — по бумагам, поступившим с 28 декабря 1838 г. по 2 января 1839 г., 11 января — по бумагам, поступившим с 3 по 7 января 1839 г., 20 января — по бумагам, поступившим с 14 по 18 января 1839 г., 21 января — по бумагам, поступившим с 16 по 18 января 1839 г. и т.п. (23). Это говорит о том, что чиновники старались достаточно быстро осуществлять первоначальное рассмотрение дел и выносить резолюции по их дальнейшему решению, чтобы входящие бумаги не считались неисполненными правлением.

Обязательные для ведения делопроизводственные формы, а также ведомости по движению бумаг и решению дел, которые составлялись ежемесячно, ежеквар-

тально и по итогам года, позволяют проанализировать объем деятельности губернских правлений. Однако исследователи местного управления отмечают, и это необходимо признать, что официальные отчетные документы не могут служить объективным источником информации об эффективности их деятельности, поскольку реальная картина в них обычно приукрашивалась. Исключение составляют материалы ревизий и отчеты губернаторов о вступлении в управление губернией. Интересен в плане выяснения действительного положения вещей сравнительный анализ отчетов губернатора, сдающего управление губернией и вновь вступающего в должность.

В 1839 г. в Архангельской губернии произошла очередная смена губернаторов. В архивных материалах сохранился отчет А.Н. Муравьева (губернатор в 1837—1839 гг.) о ревизии губернии, проведенной им в 1838 г. В нем была дана следующая оценка деятельности губернского правления: «В губернском правлении как производство дел, так и отчетность находятся в хорошем порядке. Замеченные при первом моем обозрении дела, по которым не было сделано в свое время повторений ко прежде посланным отношениям и предписаниям — ныне приведены в движение, и по полученным вследствие того удовлетворительным донесениям и уведомлениям, по одним последовали уже окончательные заключения, а по другим возобновлено течение. Таковую успешность в делопроизводстве надлежит отнести особенному о том попечению и заботливости г. вице-губернатора Соболевского, с поступлением которого в сию должность быстрота и порядок течения дел по Губернскому правлению против прежнего значительно усилились...» (24). В отчете не содержалось никаких замечаний по организации деятельности правления.

Вступивший в следующем году в должность губернатора П.В. Степанов (1839—1842 гг.) рисует в своем отчете уже совершенно другую картину. При проверке им делопроизводства, в частности регистров входящих бумаг, оказалось, что на 30 июня 1839 г. в общем регистре было записано 10011 бумаг, а по частным регистрам отделений показано только 9176, соответственно 835 бумаг не были переданы для производства в отделения. Новый губернатор особенно обратил внимание на искажение представленных ему данных по нерешенным делам: «Представленные мне правившим должность гражданского губернатора сдаточные ведомости о делах по сличении их с регистрами делами, находившимся у столоначальников, оказались неверными, потому что в тех регистрах показано нерешенных дел сего 1839 года: по 1 отделению 110, по 2 — 90 (по 22 июля), по 3 — 183, по 4 — 180. По сдаточным же ведомостям значится нерешенных дел 1839 года по 1 отделению 84 (больше против регистра 26 дел), по 2 отделению 85 (меньше против регистра 5 дел), по 3 отделению 214 (меньше против регистра 31 дело), по 4 отделению 106 (меньше против регистра 74 дела). Всего в ведомостях против регистров не показано нерешенных дел 105» (25). Из приведенных данных видно, что по первому отделению было показано больше нерешенных дел, чем на самом деле, по остальным меньше, соответственно данные не просто искажались в сторону уменьшения, а в них был полный беспорядок.

Введение большого количества обязательных делопроизводственных форм привело к тому, что чиновники не успевали оформлять их надлежащим образом.

В отчете П.В. Степанов писал, что «во всех вообще книгах и регистрах надлежащие отметки делаются неисправно, против некоторых дел они не дописаны, против других сделаны ошибочно, а против иных и вовсе не сделаны» (26). Им также была отмечена одна из главных причин медленного решения дел: «В производстве дел губернского правления вообще видна крайняя медлительность. Хотя собственно за губернским правлением, как представленные у него ведомости показывают, нерешенных дел и немного, но к ним по всей справедливости должно присоединить большую часть дел, считающихся в производстве за указанными присутственными местами и лицами Архангельской губернии, остающихся без окончания по необращению должного внимания губернского правления на недеятельность тех мест и лиц, ибо от губернского правления посылаются к ним подтверждения и напоминания, как из представленной ко мне именной ведомости видно, могут через год и более. При том оное правление и за сделанными столь поздними подтверждениями об исполнении их вовсе не настаивает, и от того означенные подтверждения низшими присутственными местами оставляются без внимания и исполнения» (27).

Такая же ситуация сохранялась и к середине 1840-х гг. Об этом свидетельствуют данные по объему входящих и исходящих бумаг и ведомости делопроизводства Архангельского губернского правления за 1844 г.

**Ведомость входящих и исходящих бумаг
Архангельского губернского правления за 1844 г. (28)**

Отделение	Оставалось на 1 января 1844 г.	Поступило в течение 1844 г.		Итого	Из них исполнено на 1 января 1845 г.	Осталось не исполнено на 1 января 1845 г.	Исходящих за 1844 г.
		к производству	к приобщению или сведению				
1 отделение	92	3 606	4 587	8 285	8 219	66	8 430
2 отделение	20	2 562	1 382	3 964	3 892	72	7 130
3 отделение	65	2 749	796	3 610	3 513	97	4 065
4 отделение	42	1 914	1 323	3 279	3 236	43	4 374
Всего	219	10 831	8 088	19 138	18 860	278	23 999

**Общая ведомость делопроизводства
Архангельского губернского правления за 1844 г. (29)**

Отделение	Оставалось неисполненных на 1 января 1844 г.	Вновь поступило в течение 1844 г.	Решено в течение года	Осталось на 1 января 1845 г. нерешенных		
				за правлением	за другими учреждениями	итого
1 отделение	189	643	737	30	65	95
2 отделение	70	616	539	38	109	147
3 отделение	242	616	684	54	120	174
4 отделение	206	309	356	22	137	159
Всего	707	2 184	2 316	144	431	575

На конец 1844 г. не было завершено производство 25% дел. Самый большой объем бумаг и делопроизводства приходился на первое отделение, что легко объясняется содержанием его деятельности. Но нерешенных дел за ним числилось меньше всего, потому что их производство (например, обнародование законов)

не требовало каких-то дополнительных запросов, справок, выяснений и т.д. Больше всего неисполненных бумаг и дел, что тоже закономерно, было в третьем отделе, которое занималось судебными вопросами.

Значительная часть нерешенных дел (75%) по-прежнему числилась не за самим правлением, а за другими учреждениями, в которые они были переданы. Кроме этого, в 1844 г. в Архангельском губернском правлении находилось 51 дело, производство по которым велось более трех лет. Дольше всего длились дела, решение которых было связано с обращениями в Сенат или с запросами в учреждения других губерний. Так, с 1820 г. числилось нерешенным дело о взыскании с коллежского асессора Зеленцова и онежского купца Платунова 297 712 руб. за неисправную поставку ржи к Рижским портам. Дело было отправлено на решение в Сенат и по нему в течение 24 лет продолжалась переписка. Таким же образом, в течение 12 лет тянулось дело о взыскании с отставного капитана Бабинского прогонных денег и штрафа, для решения которого были сделаны неоднократные запросы о розыске имени должника в Таврическое и Подольское правления, ответов от которых Архангельское правление не могло дожидаться и обратилось с жалобой в Сенат (30).

Правления часто обращались в Сенат, когда не могли добиться ответа от учреждений других губерний. После получения таких жалоб Сенат отправлял в соответствующие губернии предписания о немедленном исполнении, а правления снова ожидали ответа. Такая переписка, учитывая огромную территорию государства и удаленность многих губерний от центра, могла продолжаться годами. Всего из 51 дела, которые на 1844 г. тянулись в Архангельском правлении более трех лет, 9 решались в Сенате или с его помощью, 2 — через Министерство внутренних дел, 30 либо числились за другими местными учреждениями, либо от них ожидалось ответы на запросы, и только 10 оставались собственно за губернским правлением.

Таким образом, создание ведомственной системы центрального и местного управления, рост количества учреждений, их функций в первой половине XIX в. привели к значительному увеличению объема работы и документооборота как между центральными и губернскими учреждениями, так и в самих губерниях. Соответственно, правительство было вынуждено постоянно увеличивать штат чиновников и расходы на его содержание. Введение «Положения...» 1837 г. завершило длительный процесс законодательной регламентации делопроизводства в губернских правлениях, настоятельная необходимость в которой ощущалась на протяжении всего периода с 1775 г. «Положение...» и «Штаты...» 1837 г. установили единообразную структуру губернских правлений, внутреннюю иерархию и разделение функций чиновников.

Жесткая регламентация деятельности губернских правлений призвана была повысить ее эффективность, но ожидаемого результата не последовало. К этому времени правления вели значительное внутреннее делопроизводство и огромную переписку с другими учреждениями. Если в 1802 г., как было показано выше, в Архангельское губернское правление поступало около 1000 дел, в 1824 г. — около 3500 дел ежегодно, то по данным за 1844 г. в течение года в правление поступило

18 919 бумаг, а отправлено было исходящих — 23 999. На 1 чиновника, имевшего классный чин (не считая писцов), приходилось в среднем 610 входящих и 775 исходящих бумаг. Увеличение штатов не соответствовало растущему количеству бумаг и дел, проходивших через отделения, чиновники просто не успевали правильно оформлять обязательные для ведения многочисленные формы. Решение большинства вопросов часто зависело не от самого правления, а от других учреждений, при этом основным механизмом воздействия на них становились бесконечные письменные запросы и уведомления. Постепенно деятельность правлений стала сводиться к переписыванию, распространению и пересылке бумаг, что вместе с вышперечисленными признаками подтверждает вывод о нараставшей бюрократизации местного управления.

После того как в 1842 г. губернаторы получили право надзора над всеми губернскими учреждениями, были сделаны очередные шаги к усилению роли губернских правлений как исполнительного органа местной власти. 2 января 1845 г. вышло новое «Учреждение губернских правлений», в котором подтверждалось, что губернское правление «есть высшее в губернии место, управляющее оною, в силу законов, именем Императорского величества», а его власть определялась как «судебно-полицейская, распорядительная, исполнительная и понудительная» (31). В преамбуле Указа говорилось, что «оказалось возможным допустить в порядке производства и решения дел значительные облегчения и сокращение труда, а сверх сего признано за нужное определить с большею точностью, на основании опыта, обязанности Членов Губернского Правления и прочих его чинов» (32). Перечень дел, находившихся в ведении губернского правления, остался примерно тем же, но они не были расписаны по отделениям, как в «Положении...» 1837 г., а это право было предоставлено губернатору «смотря по местным потребностям губернии» (33).

В структуру правлений были внесены изменения в сторону ее усложнения. Был увеличен состав присутствия — в него теперь входили губернатор, вице-губернатор, три советника, один из которых являлся страшим, и один ассессор. Вице-губернатор был освобожден от руководства отделением, он становился старшим в губернии должностным лицом после губернатора и осуществлял непосредственное руководство всей деятельностью губернского правления. Советникам по усмотрению губернатора поручалось, кроме заведывания отделениями, наблюдение за типографией, газетным столом, казначейской частью и архивом, которые рассматривались в отведенных им главах «Учреждения...» как подразделения правления. Канцелярия состояла из отделений и канцелярии присутствия, в состав которой входили старший секретарь, два его помощника (начальник ревизионного стола и переводчик), регистратор и экзекутор с помощниками (34).

«Учреждение...» 1845 г. существенно изменило порядок рассмотрения дел. Все они, в зависимости от содержания и важности, делились на три вида: распорядительные, которые решались «постановлениями Присутствия по усмотрению и с утверждения Губернатора», исполнительные, которые «исполняются без участия губернатора, смотря по важности их постановлениями Присутствия, или же самими Членами», и судные, «кои решаются в Губернском Правлении не иначе, как большинством голосов» (35). Это означало, что дела, решение которых со-

стояло в «одном только исполнении законных требований разных мест и лиц, то есть дела, коим рассуждения Присутствия были бы излишни», могли рассматриваться без участия губернатора в упрощенном порядке одним присутствием, вице-губернатором, или советниками, что должно было способствовать их более быстрому решению (36). В связи с этим несколько перестраивался канцелярский порядок прохождения бумаг, однако он не упрощался и был по-прежнему распisan подробно для каждого конкретного случая. Число обязательных делопроизводственных форм увеличилось с 20 до 31, одних только реестров составлялось 13 видов (37).

Одним из важных нововведений «Учреждения...» 1845 г. было учреждение ревизионного стола — особого подразделения, в котором сосредоточивалась вся отчетность правления и уездных учреждений и которое осуществляло надзор «за быстрым течением дел и понуждение уездных мест и самой Канцелярии Правления» (38). Ревизионный стол находился под особым наблюдением вице-губернатора. Тем самым в правлении была создана структура, которая должна была контролировать делопроизводство внутри него, отслеживать дальнейшее исполнение бумаг, переданных в другие учреждения, регулярно отправлять им напоминания и уведомления, а также наблюдать за делопроизводством подчиненных мест. В начале каждого месяца в ревизионный стол, а затем вице-губернатору представлялся отчет об исполненных и неисполненных бумагах. Кроме этого, вице-губернатор обязан был производить проверку делопроизводства в отделениях каждые шесть месяцев, а губернатор ежегодно (39).

В «Учреждении...» подчеркивалось, что «для исполнения одной из главнейших обязанностей своих, наблюдать за быстрым течением дел во всех подчиненных местах, Губернское Правление должно само служить примером скорого делопроизводства» (40). В связи с этим, в отличие от «Положения...» 1837 г., были установлены сроки прохождения бумаг: на получение пакетов от дежурного и разбор бумаг — сутки, на запись регистраторам — сутки, то есть на третьи сутки все бумаги должны были оказаться у столоначальника. На подготовку бумаг в отделениях к обсуждению в присутствии отводилось еще три дня. Регламентировался и ежедневный режим работы: канцелярия начинала работу в девять утра, присутствие — в 12 и не закрывалось до рассмотрения всех приготовленных к докладу дел, а «При делах сплошных и чрезвычайных, Присутствие может быть открыто всякий день и во всякое время» (41). Для того чтобы усилить исполнительскую дисциплину, предусматривалась также персональная ответственность чиновников за промедление в делах, утрату бумаг или другие ошибки. Уровни ответственности были разграничены: «За канцелярский порядок отвечают Столоначальники каждый по своему столу, Секретарь же за все отделение, а далее Советник и Вице-губернатор», «за верность и полноту приведенных законов, в особенности Секретарь и кроме того Советник» и т.п. (42).

«Учреждение...» 1845 г., с одной стороны, несколько упростило порядок рассмотрения дел в губернских правлениях, а с другой — еще больше регламентировало организацию его деятельности. Увеличивалось количество внутренних подразделений и должностей, в связи с чем были более узко и точно определены долж-

ностные обязанности, устанавливался строгий порядок замещения служащих в случае их отсутствия, усиливались контроль и ответственность чиновников.

Правительство понимало, что новое «Положение...» потребует и введения новых штатов, которые и были утверждены в приложении к Указу 2 января 1845 г. В Архангельской губернии полагался штат правления по 3-му разряду, содержание которого составляло 25 706 руб. серебром. Было увеличено до 40 количество чиновников, имеющих классные чины (вместо 31 в 1837 г.), число писцов теперь не указывалось, а выделялась общая сумма на их жалованье. Годовое содержание чиновников составляли оклад и столовые или квартирные деньги (43). Но государство не имело достаточных средств на содержание таких штатов, поэтому они вводились с 1845 г. только в 15 губерниях, а в остальных переход на них должен был осуществляться постепенно (44).

Введение «Учреждения...» 1845 г. привело к тому, что губернские правления пошли по пути формального соблюдения установленных требований. Сравнительный анализ итоговых ведомостей за 1845, 1846, 1847 гг. по третьему столу первого отделения Архангельского губернского правления показывает, что в отличие от 1844 г. не показано ни одной неисполненной бумаги в столе отделения. Можно предположить, что поскольку был установлен срок прохождения бумаг в отделениях не более трех суток и персональная ответственность чиновников за его нарушение, то все бумаги, поступившие в течение года, просто автоматически указывались как исполненные. В числе нерешенных дел также не показано ни одного за самим правлением, все они числятся за другими учреждениями. При этом значительно выросло количество исходящих бумаг — на каждую входящую бумагу приходилось более четырех исходящих. Очевидно, что чиновники, чтобы избежать обвинений в неисполнительности, стали просто регулярно отправлять уведомления о необходимости исполнения дел в учреждения, которым было поручено их дальнейшее производство.

**Общая ведомость входящих и исходящих бумаг по третьему столу
первого отделения Архангельского губернского правления
за 1845, 1846, 1847 гг. (45)**

Год	Оставалось на начало года	Поступило в течение года		Итого	Из них исполнено	Осталось не исполнено	Исходящих за год
		к производству	к приобретению или сведению				
1845 год	нет	1 285	318	1 603	1 603	нет	7 397
1846 год	нет	2 032	364	2 396	2 396	нет	9 509
1847 год	нет	2 003	156	2 159	2 159	нет	8 722

**Общая ведомость делопроизводства третьего стола первого отделения
Архангельского губернского правления за 1845, 1846, 1847 гг. (46)**

Год	Оставалось нерешенных дел на начало года	Вновь поступило в течение года	Решено в течение года	Осталось на 1 января 1845 г. нерешенных		
				за правлением	за другими учреждениями	итого
1845 год	175	133	221	нет	87	87
1846 год	87	269	295	нет	61	61
1847 год	57	441	446	нет	52	52

Характерным примером прохождения дел в губернском правлении в рассматриваемый период является производство по жалобе чиновника Жужукина о взыскании в его пользу штрафа с сидельца питейного дома, которое продолжалось полтора года. 20 июня 1846 г. в правление поступил Указ Сената о предоставлении объяснений по данной жалобе, которые были отправлены 13 июля 1846 г. Только через девять месяцев, 8 апреля 1847 г., было принято решение по данному делу о взыскании штрафа с купца Шилова и гербовых пошлин с него и крестьян Федосеева и Абросимова. Но поскольку Шилов уже не проживал в Архангельске, исполнение указа было передано по месту его нового жительства в Пермское губернское правление, а по крестьянам — в городскую полицию. 16 апреля 1847 г. гербовые пошлины с крестьян были взысканы, а далее в ведомостях 30 апреля, 31 мая и 20 июня 1847 г. сделаны записи об отправке повторных уведомлений в Пермь и сделаны отметки, что «уведомление еще не получено». В июле 1847 г. штраф был взыскан из представленного Шиловым обеспечения, а из Перми получен ответ, что Шилов оттуда выехал, предположительно в Казань. В ведомостях правления имеются записи 29 июля, 31 августа, 30 сентября, 29 октября 1847 г. об отправке повторных уведомлений о взыскании оставшихся гербовых пошлин уже в Казанское губернское правление. О том, как было завершено это дело, отметок в ведомостях нет, но в итоговой ведомости нерешенных дел за 1847 г. оно уже не значилось (47).

Быстрее всего осуществлялось производство по бумагам, которое не требовало от правлений каких-либо дополнительных действий, сбора сведений и т.д. Например, 15 февраля 1846 г. Архангельское губернское правление получило Указ Сената о препровождении 8 экземпляров регистров о питейных домах, ведерных и штофных лавочках, 18 апреля они были разосланы в городские и земские полиции, а Указ был внесен в список исполненных (48). Быстро исполнялись и некоторые другие предписания. Так, 29 апреля 1846 г. в первое отделение поступил Указ Сената о взыскании с онежского мещанина Кочурина двойных повинностей за неправильную торговлю, 30 апреля его исполнение было предписано онежскому городничему, затем штрафные деньги поступили в казну, и уже в ведомостях за май была сделана отметка об окончании дела (49).

Дела, для решения которых требовались какие-то реальные действия самого правления или других учреждений, затягивались надолго. Например, более шести лет, с 18 августа 1841 г., в Архангельском правлении числилось нерешенным дело по отношению Архангельского приказа общественного призрения о взыскании с разных лиц просроченных займов. Правлением была создана специальная комиссия, которой оно регулярно посылало напоминания, не предпринимая никаких других мер, — соответствующие отметки сделаны 23 января, 18 февраля, 15 марта, 15 мая, 20 июня, 17 сентября, 13 октября, 4 декабря 1847 г. (50).

Еще одно дело, о самовольно поселившихся в Мезенском уезде крестьянах из других губерний, числилось в 1847 г. нерешенным с 1833 г., то есть в течение 14 лет. Сначала по этому вопросу велась переписка с Мезенским земским судом и Вологодским губернским правлением, затем Мезенскому суду было направлено предписание выслать самовольно проживающих крестьян Вологодской губер-

нии, однако губернское правление затребовало от палаты государственных имуществ сведения, к каким именно волостям и сельским обществам переселившиеся крестьяне будут причислены, но «Палата сия в 1846 и 1847 гг. на новые повторительные по сему предмету требования постоянно уведомляет только о том, что о переселившихся из других губерний в Мезенский уезд крестьянах собирает она сведения от Пинежского окружного начальника и Вологодской и Пермской палат государственных имуществ и по получении всех таковых сведений она делает по сему делу окончательное распоряжение. Несмотря на это палате вновь доставлено уведомление 9 сентября и 31 декабря 1847 г.» (51).

Таким образом, изучение процесса делопроизводства Архангельского губернского правления дает основания сделать вывод, что основной задачей чиновников становилось не реальное продвижение дел и достижение результативности собственных действий, а правильное оформление бумаг и своевременное представление отчетности, а подтверждением эффективности деятельности правлений стали служить регулярные отметки в журналах и реестрах об отправке уведомлений, требований, напоминаний и т.п.

Губернское правление, которое изначально фактически являлось коллегиально-совещательным учреждением при губернаторе, к середине XIX в. стало органом местной исполнительной власти. Оно подчинялось непосредственно Сенату и при этом состояло в ведомстве Министерства внутренних дел. Законодательные акты первой половины XIX в. были направлены на жесткую регламентацию и унификацию деятельности правлений, установление строгой подотчетности и подконтрольности, что подтверждает вывод ряда исследователей о том, что государство шло по пути централизации и бюрократизации административной системы (52).

Утверждение единообразной структуры губернских правлений, порядка прохождения дел, унифицированной системы делопроизводства и должностных обязанностей чиновников в «Положении...» 1837 г. было направлено на повышение эффективности их деятельности. Но, несмотря на то что число чиновников выросло, штаты правлений не справлялись ни с объемом приходившейся на них работы, ни с оформлением многочисленных регистров, книг, таблиц, протоколов и т.п. Кроме этого, в губерниях не было нужного количества подготовленных чиновников для назначения на вводимые должности, и на них нередко оказывались люди, неспособные выполнять закрепленные за ними функции на требуемом уровне.

«Учреждение...» 1845 г. продолжило формирование внутренней организационной структуры губернских правлений, несколько упростило порядок рассмотрения дел, но вместе с тем еще больше усложнило канцелярское делопроизводство и отчетность, увеличив в полтора раза количество обязательных для ведения форм. Одновременно был усилен контроль и установлена ответственность чиновников за возможные нарушения, но это не привело к повышению эффективности их деятельности. Государство, принимая очередное положение о губернских правлениях, постоянно подчеркивало, что это делается с целью наведения порядка, повышения оперативности и улучшения качества их работы, но при этом не имело

достаточных средств и соответствующего кадрового потенциала для решения поставленных задач. В итоге деятельность правлений стала носить формально бюрократический характер, следствием чего становились засилье бумаготворчества и волокиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1968. — С. 180—192; *Он же.* Местные государственные учреждения дореволюционной России // *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Под ред. А.Е. Иванова, А.Д. Степанского. — М., 2008. — С. 363—371; *Зайончковский П.А.* Губернская администрация накануне Крымской войны // *Вопросы истории.* — 1975. — № 9. — С. 33; *Административно-территориальное устройство России. История и современность.* — М., 2003. — С. 119—129; *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // *Человек.* — 1995. — № 3.
- (2) ПСЗ-I. — Т. XX. — Ст. 14.392. — С. 237—238.
- (3) Там же. — С. 238, 287.
- (4) Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). — Ф. 1. — Оп. 3. — Д. 275. — Л. 27—28 об.
- (5) ГААО. — Ф. 1. — Оп. 3. — Д. 260. — Л. 12—12 об.
- (6) Там же. — Д. 995. — Л. 5.
- (7) ПСЗ-I. — Т. XXIV. — Ст. 30.116. — С. 612; Т. XLIV. — Ч. 2. — Кн. шт. — Отд. 4. — С. 198.
- (8) ГААО. — Ф. 1. — Оп. 3. — Д. 993. — Л. 3—6.
- (9) ПСЗ-I. — Т. XXII. — Ст. 16.074. — С. 221—222.
- (10) Там же. — Ст. 16.091. — С. 242.
- (11) *Ерошкин Н.П.* Местные государственные учреждения... — С. 440.
- (12) ПСЗ-II. — Т. XII. — Отд. 1. — Ст. 10.304. — С. 440—442.
- (13) Там же.
- (14) Там же. — С. 447.
- (15) ПСЗ-II. — Т. XII. — Отд. 1. — Ст. 10.304. — С. 455; ПСЗ-II. — Т. XII. — Отд. 2. — С. 89—96.
- (16) ПСЗ-II. — Т. XII. — Отд. 1. — Ст. 10.304. — С. 451.
- (17) Там же. — С. 439.
- (18) ПСЗ-II. — Т. XII. — Отд. 1. — Ст. 10.304. — С. 447—450; ПСЗ-II. — Т. XII. — Отд. 2. — С. 88.
- (19) ПСЗ-II. — Т. XII. — Отд. 2. — С. 87—88.
- (20) Там же.
- (21) ГААО. — Ф. 1. — Оп. 4. — Т. 1. — Д. 234. — Л. 1—2.
- (22) Там же. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 873. — Л. 290—296.
- (23) Там же. — Л. 49—68, 89—107, 107—118, 252—270, 270—280.
- (24) Там же. — Ф. 1. — Оп. 4. — Т. 1. — Д. 212. — Л. 170.
- (25) Там же. — Д. 234. — Л. 1—2.
- (26) Там же. — Л. 2 об.
- (27) Там же. — Л. 2 об., 3—3 об.
- (28) Там же. — Д. 518. — Л. 33—40.
- (29) Там же. — Л. 33—40.
- (30) Там же. — Л. 43б—43б об.
- (31) ПСЗ-II. — Т. XX. — Отд. 1. — Ст. 18.580. — С. 16, 21.
- (32) Там же. — С. 16.
- (33) Там же. — С. 24.

- (34) ПСЗ-II. — Т. XX. — Отд. 1. — Ст. 18.580. — С. 19, 23—25.
- (35) Там же. — С. 25.
- (36) Там же. — С. 26.
- (37) Там же. — Отд. 2. — С. 5—15.
- (38) Там же. — Отд. 1. — Ст. 18.580. — С. 45—49.
- (39) Там же. — С. 49—50.
- (40) Там же. — С. 49.
- (41) Там же. — С. 19, 22.
- (42) Там же. — С. 50.
- (43) Там же. — Отд. 2. — С. 4—5.
- (44) Там же. — Отд. 1. — Ст. 18.580. — С. 16.
- (45) ГААО. — Ф. 4. — Оп. 26. — Д. 258. — Л. 20 об, 21, 73, 121 об, 122.
- (46) Там же. — Л. 20 об, 21, 73, 121 об, 122.
- (47) Там же. — Л. 91—95.
- (48) Там же. — Л. 30
- (49) Там же. — Л. 30.
- (50) Там же. — Л. 125—126.
- (51) Там же. — Л. 125—126.
- (52) Административно-территориальное устройство России... — С. 128.

ARKHANGELSK PROVINCIAL GOVERNMENT IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

M.B. Balova

M.V. Lomonosovs Pomor State University
Tortcev Str., 6, Severodvinsk, Russia, 164500

This article discusses organization of the work of the Arkhangelsk provincial government in the first half of the 19th century, including the process for formation of the office staff and its funding, changes in the scope, main directions, contents and order of the work as compared to the respective legislative acts of the first half of the 19th century. Based on that, a conclusion is drawn, whether such typical features of bureaucratisation, as increase of the office staff and hierarchy levels in number, introduction of subspecialty functions, making regulation of the work more sophisticated, and formation of the document control system, have already developed at that time and to which extent.

Key words: Arkhangelsk, provincial government, office staff, scope, main directions, legislative acts, bureaucratisation.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЧИСТКИ СОВАППАРАТА КАК ЧАСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920—1930-Х ГГ.

Т.М. Смирнова

Центр изучения новейшей истории России и политологии
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье на основе широкого круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, анализируется влияние на повседневную жизнь советских граждан «чисток» соваппарата 1920—1930-х гг. Автор показывает противоречивость и разнообразие факторов, определявших решение комиссий по чисткам, а также отсутствие прямой зависимости между их решениями и какими-то определенными факторами характеристики личности проверяемого (будь-то социальное происхождение, профессиональная квалификация или политические убеждения).

Ключевые слова: чистки соваппарата, повседневность, социальное происхождение и социальное положение, «бывшие», социально чуждые элементы.

В ходе проверки учреждения Рабкрином служащего, систематически опаздывавшего на работу, уволили за разгильдяйство; служащего, приходившего на работу раньше других, уволили за подхалимство; служащего, всегда приходящего точно вовремя, уволили за бюрократическое отношение к делу.

Анекдот 1920-х гг.

20-е гг. прошлого столетия прошли под знаком различных обследований и «чисток»: компартии, служащих, студенчества, безработных, соваппарата и т.п. С середины 1920-х гг. сообщения о чистках аппарата с пояснением их целей, задач и политического значения стали регулярно публиковать в прессе. В июне 1928 г. ЦК ВКП(б) провозгласил лозунг развертывания критики и самокритики, «невзирая на лица», и призвал очищать госаппарат от «негодных элементов». Вслед за этим последовала серия постановлений СНК и ЦК ВКП(б) о чистках, а затем всю страну на несколько лет охватила массовая кампания всевозможных чисток (1).

Затронув все слои общества, бесконечные чистки стали неотъемлемой частью повседневной жизни 1920-х гг. (2). Их ход и результаты оказывали огромное воз-

действие на общественное сознание, на взаимоотношения между людьми на производстве и в быту, а порой и на личную жизнь граждан, которая также нередко становилась объектом пристального внимания сослуживцев, соседей, товарищей по партии и комиссий РКИ.

Материалы чисток соваппарата являются исключительно ценным по своей информационной значимости источником. В них нашли отражение многие вопросы политической и социальной истории, истории повседневности. Между тем степень их изученности все еще недостаточна, что порождает определенные стереотипы в трактовке данного явления.

В советской историографии чистки соваппарата рассматривались преимущественно с точки зрения решения проблемы «орабочивания» госаппарата и формирования советской номенклатуры (3). В конце прошлого столетия изучение чисток приняло более глубокий и многогранный характер. В частности, большое внимание было уделено изучению их влияния на процесс адаптации так называемых «бывших» к новым социально-политическим условиям (4). К концу 1990-х гг. относятся первые попытки всестороннего анализа партийных и советских чисток как социального явления эпохи (5). К настоящему моменту наиболее значимые результаты достигнуты в сфере изучения чисток соваппарата как одной из составляющих советской репрессивной политики. Однако суть данного явления значительно сложнее и далеко входит за рамки только репрессивной политики. Тем более что на практике работа комиссий по чисткам зачастую зависела не столько от соответствующих законодательно-распорядительных документов, сколько от пресловутого личного фактора. Исходя из этого, оставим в стороне политическую сторону данного явления, его декларируемые и истинные цели и задачи (об этом написано уже немало), и посмотрим, во что они вылились на практике, как повлияли на повседневную жизнь миллионов граждан различных профессий и социальных слоев.

Комиссии по чисткам: состав и механизм работы, влияние общественности

Представители партийно-государственного руководства 20-х гг. неоднократно предостерегали комиссии по чисткам от формального подхода к работе, от оценки проверяемых только по признаку личного дела и социального происхождения (6). В постановлении XVI конференции ВКП(б) (май 1929 г.), в частности, подчеркивалось, что чистка соваппарата «должна производиться, прежде всего, и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения» и что «пролетарское происхождение и принадлежность к партии ни в коем случае не должны превращаться в страховку от чистки» (7).

В идеале «вычищению» подлежали «элементы разложившиеся, извращающие советские законы, срачивающиеся с кулаком и нэпманом, мешающие бороться с волокитой и ее прикрывающие, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящиеся к насущным нуждам трудящихся», а также «растратчики, взяточники, саботажники, вредители, лентяи» (8). Если с «растратчиками» и «взя-

точниками» все более-менее ясно, то идентификация прочих перечисленных категорий была лишена какой-либо правовой основы, что предоставляло широкий простор для злоупотреблений. Очевидно, что при желании к числу «разложившихся элементов» можно было отнести практически любого человека. Таким образом, судьбы миллионов людей оказались в зависимости от степени «классовой непримиримости», а также элементарной порядочности и непредвзятости людей, непосредственно осуществлявших чистки.

Основные принципы формирования и работы комиссий по чисткам были разработаны на XVI партконференции. В соответствии с ее резолюцией состав комиссий по чисткам соваппарата должен был формироваться специальными комиссиями РКИ с привлечением профсоюзов; деятельность же их должна была находиться под постоянным контролем «широких масс рабочих, крестьян и служащих» (9). Однако единый механизм формирования комиссий и осуществления общественного контроля за их работой разработан не был. Все практические вопросы решались на местах. Как показывают источники, не было и единой общепринятой процедуры чистки. В каждом конкретном случае ее механизм зависел от личных качеств членов комиссии и администрации, от особенностей политической конъюнктуры, от близости к столице, от политических взглядов и личных качеств администрации «очищаемого» учреждения и т.п. Окончательное решение могло быть принято как на общем собрании трудового коллектива, так и единоличным распоряжением администрации или даже самой комиссией в «закрытом порядке», без учета мнения как трудового коллектива, так и руководства учреждения. Что же до общественного контроля, то он нередко превращался в пустую формальность. По усмотрению РКИ и администрации местные партийцы и общественники-активисты либо входили непосредственно в состав комиссии, либо создавали независимые «группы содействия».

Проведение плановых чисток тщательно готовили. Для «политической зарядки» партийного, профсоюзного и хозяйственного актива и рабочей общественности комиссии РКИ проводили подготовительные собрания, выпускали стенгазеты и т.д. Так, например, в Сокольническом районе Москвы в октябре 1929 г. в целях формирования соответствующего политического настроя «районного партийного профсоюзного и хозяйственного актива и рабочей общественности» перед началом работы комиссий было прочитано 20 докладов (10).

Чистка проходила как в форме индивидуальных бесед с «очищаемыми» и их коллегами, так и на общих собраниях трудового коллектива. На крупных предприятиях достаточно широко была распространена практика «чистки низового аппарата списком». Обязательному персональному обсуждению рекомендовалось подвергать лишь «номенклатурных работников» и «спецставочников». Администрация несла ответственность за предоставление комиссиям по чисткам любой затребованной документации и оказание прочей помощи. Вот, например, как описывает процедуру чистки один из сотрудников органов РКИ С.И. Лебедев:

«Как же проводилась чистка аппарата?»

Она проводилась членами РКИ при участии представителей райкомов партии, райисполкомов и местных уполномоченных КК-РКИ. Комиссия по чистке обыч-

но начинала свою работу с того, что широко объявляла о дне заседания, указывала место своего пребывания и приглашала всех граждан без исключения принять участие в ее работе. Каждый рабочий, крестьянин или служащий мог прийти в комиссию, изложить свои претензии к работе учреждения или какого-нибудь работника. Заявления принимались устные и письменные и, конечно, подвергались самой тщательной проверке... Для заседания комиссии выбиралось самое крупное помещение, но ни одно из них, обычно, не могло вместить всех желающих. Поэтому во многих случаях заседания проводились на открытом воздухе.

Гражданин, который проходил чистку, кратко излагал свою биографию, рассказывал об участии в общественной жизни, а также о том, что он лично сделал для улучшения работы аппарата... Активность жителей была исключительной, каждый стремился высказать свое отношение к тому или иному работнику, указать на его достоинства или недостатки, дать отвод негодному работнику, внести предложение о путях улучшения деятельности советских органов» (11).

Несмотря на то что участие общественности в проведении чисток считалось обязательным и комиссии РКИ неоднократно подвергались критике за недостаточное ее привлечение, тем не менее, практика рассмотрения комиссией персональных дел «в закрытом порядке» (не только без участия общественности, но и без ведома трудового коллектива, а порой и руководства учреждения) была распространена достаточно широко. Так, полной неожиданностью как для сотрудников, так и для руководства московских яслей № 39 стало увольнение их коллеги, патронажной сестры Л.Л. Карповой, бывшей «на хорошем счету» и активно занимавшейся общественной работой (председатель месткома, профуполномоченная, председатель культкомиссии и секретарь Общества Безбожников). Передавая дело Карповой на персональную чистку, члены комиссии РКИ не только не посоветовались с трудовым коллективом, но даже и не поставили его в известность. Уже после принятия решения об увольнении Карповой выяснилось, что ни руководству яслей, ни родителям, посещавших их детей, не был задан ни один вопрос о работе Карповой. Сотрудники яслей и родители их подопечных подали коллективную апелляцию с требованием восстановить Карпову на прежней должности как честного и добросовестного сотрудника. Однако заступничество коллектива не повлияло на мнение комиссии, и решение об увольнении осталось в силе (12).

Аналогичная ситуация сложилась и при рассмотрении комиссией по чистке персонального дела медсестры московского дома младенца № 8/18 Ю.И. Туркестановой. В 1931 г. член профсоюза и месткома Ю.И. Туркестанова была без ведома коллектива «вычищена» якобы за «сокрытие своего социального происхождения». Сослуживцы Туркестановой (25 человек) подали в бюро по чистке коллективное письмо с категорическим протестом против ее увольнения. По их словам, Туркестанова за многие годы работы с детьми зарекомендовала себя «как лучший работник в Учреждении»; вела активную общественную работу, неоднократно избиралась в местком. «Главным образом, мы предполагаем, — говорилось далее в письме, — что причиной снятия с работы сестры Туркестановой является ее происхождение, ввиду этого все как один заявляем, что Туркестанова никогда себя

не проявляла как чуждый элемент в нашем Учреждении, а была всеми уважаема как хороший товарищ». Несмотря на наилучшие рекомендации коллег по работе и их свидетельство о том, что Туркестанова никогда не скрывала свое социальное происхождение (кстати, «чуждое» лишь отчасти, по линии отца), решение комиссии по чистке не было пересмотрено. Более того, на тексте коллективного ходатайства была сделана резолюция, которая не может не вызывать удивление: «Когда придут получать справку, сказать им, что коллективные заявления не принимаются...» (!?) (13).

Данная резолюция является, пожалуй, лучшим ответом тем исследователям, которые убеждены, что решающим в ходе чисток было именно мнение трудового коллектива (14). В действительности роль трудового коллектива и масштабы его влияния на комиссии по чисткам в каждом конкретном случае имели свою специфику. Как свидетельствуют документы, на практике характер участия общественности в работе комиссий колебался от «исключительно активного» до «исключительно безразличного». В целом же привлечение общественности «к вопросам чистки» характеризуется как «слабое» (15). Однако обусловлено это было не только желанием комиссий по чисткам самостоятельно принимать решение. Зачастую и сами коллеги очищаемых по разным причинам уклонялись от участия в рассмотрении персональных дел.

Если в плановых чистках предприятий граждане принимали участие не всегда охотно, то внеплановые персональные чистки в значительной степени проводились именно благодаря неизменно высокой активности общественности. Комиссии по чисткам, домоуправления и прочие инстанции были буквально завалены всевозможными жалобами граждан (в большинстве своем анонимных), на основании которых специальные «летучие бригады» и «отряды легкой кавалерии» РКИ проводили внеплановые персональные чистки. Формально власть не поощряла доноительство. Напротив, и в прессе, и в выступлениях партийных и государственных лидеров тех лет подчеркивалась недопустимость превращения чисток в орудие «сведения личных счетов и выживания» (16). Однако неофициально доноительство поощрялось, как в ходе предварительной агитационно-пропагандистской работы — политической зарядки, как называли ее сотрудники одной из московских комиссий по чистке, — так и непосредственно в ходе чисток (17).

«Спешу довести до вашего сведения...»: чистки как орудие мести и способ решения личных проблем

В ответ на призыв «выявлять» замаскировавшихся и «окапавшихся в совучреждениях» врагов с конца 20-х гг. в комиссии по чисткам, редакции центральных и местных газет потоком пошли доносы на соседей, сослуживцев, случайных знакомых с сообщением о том, что тот или иной человек скрывает свое истинное «социальное лицо» или имеет «подозрительное социальное происхождение». При этом социально-чуждым объявлялся всякий, кто чем-то не угодил доносчику: был с ним невежлив, занимал лучшую комнату, был удачливее в личной жизни или профессиональной карьере или просто «не так» посмотрел. Для большей надежности на не угодивших чем-то лиц не скупясь «навешивали» всевозможные вра-

жеские ярлыки: «купец-офицер», «помещица-генеральша», «буржуй-контрреволюционер» и т.п. Сложившуюся ситуацию наглядно отражает появившийся в эти годы анекдот: женщина, узнав об измене мужа, только что успешно прошедшего партчистку, заявила на партсобрании: «Товарищи! Если он смог уйти от меня к этой жидовке, то знайте все, что он бывший белогвардейский офицер!»

Обвинение в принадлежности к «бывшим» стало расхожим и зачастую довольно действенным орудием мести, средством сведения личных счетов. Так, коммунист Харитонов решил отомстить служащему Мануфактурного отдела Центросоюза М.П. Мудрецову за то, что тот задержал с краденой мануфактурой одного из близких родственников Харитонова. С этой целью Харитонов сообщил в НКВД, что Мудрецов — бывший городской и «до сего времени остался городovým»; что он — «человек весьма религиозный», не пропускает ни одного церковного собрания, причем «в ущерб своим обязанностям»; «тихонько ругает Советскую власть», ненавидит революционные праздники и никогда не участвует в манифестациях. «В 6-й годовщине Октября, — добавил для убедительности Харитонов к характеристике Мудрецова, — работал у себя в сторожке, печку перекладывал, и это не случайно, а с определенной целью игнорирования. Вообще Мудрецов политически неблагонадежен и безнадежен. Он и сейчас не расстается с царским портретом». В результате проверки полученной информации ответственный секретарь партийной ячейки Центросоюза П.С. Фомин пришел к выводу, что донос Харитонова вызван исключительно личными счетами. Фомин также добавил, что Мудрецов является честным, исполнительным работником. Это мнение поддержали местком и администрация Центросоюза (18).

Безусловно, далеко не всем жертвам доносов везло так же, как Мудрецову. Нередко даже ничем не подтверждаемые жалобы, в том числе и анонимные, становились основанием для персональной чистки и имели весьма печальные последствия. Жертвой чьей-то «классовой сознательности» нередко становились и совершенно незнакомые люди. Так, некий не пожелавший указать свою фамилию «Партизан-Красногвардеец» отправил в Центризбирком, Главное управление милиции и Мосжилотдел сообщение об антисоветской сущности неизвестной ему семьи Садовниковых, а также всех их родственников и близких друзей. Прочитав весной 1930 г. случайно попавшее ему в руки письмо, адресованное семье Садовниковых, бдительный «Партизан-Красногвардеец» пришел к выводу, что обе семьи, участвующие в переписке, «являются противниками Советской власти». Основанием для данного утверждения послужили следующие фразы в письме, которые доносчик подчеркнул красным карандашом: «Продукты кончились — передачи не можем делать, и сами на волоске, если не вернется ни один. Моментами утешаем себя, но слишком печальна действительность — нет выхода. У соседей все продано: сидят на ящиках. Может и нам тоже?». Автор доноса настоятельно просил не восстанавливать в избирательных правах семью Садовниковых, а также «принять соответствующие меры» по отношению ко всем их знакомым, указанным в письме (19).

Для некоторых «наиболее сознательных» граждан выявление повсюду «врагов народа» стало основным занятием, почти смыслом жизни. Так, например,

рабкор В. Куликов посвятил разоблачению своих соседей более 10 лет. Вот одно из его многочисленных писем в редакцию газеты «Известия ВЦИК» от 30 января 1930 г., сумбурное изложение которого, его противоречивость и нелепое нагромождение содержащихся в нем обвинений не только чрезвычайно любопытны, но и крайне важны с точки зрения воссоздания психологической атмосферы тех лет:

«Дети священника (попа), В.П. гр-на Смирнова за время революции 7 человек, с помощью старых религиозных монархических своих друзей, ныне стоящих большинство всюду в разного рода наших советских учреждениях ответственными руководителями и пролезли в разного рода совучреждения и смело говорят, что они там всюду невиданно ведут вредительскую свою работу, как и у себя в живущем бывшем собственном отцовском доме и подтачивают общее наше, ныне социалистическое строительство, а в особенности 5-ти летку.

Вот нижеуказанные конкретные факты, сами ли, но их уличают.

Вся, ныне, эта вредительская поповская семья проживает ныне по Верхне-Красносельской улице в доме № 22, кв. 1, в своем собственном бывшем отцовском доме, отец, который и ныне служит попом в приходской церкви (быв. Лексеевск. монаст.), а его дети все служат в нижеуказанных, разного рода, советских учреждениях.

Анна В. Смирнова — педагог в 31 школе СОНО, Н. Красносельская, Любовь В. — счетовод в Правлении М. Северн. ж.д., Рязанская, 12, Лидия В. — учится в 58 школе, химические курсы, Милютинский пер., А.В. служит в лаборатории, Погодинская ул., № 10, Водоиспытательная станция, Николай В., счетовод в Правлении М. Казанской ж.д., Краснопрудная, № 20, Петр В., счетовод, Мосстрой — Ильинка, № 12, а его жена, Е.И. Хлопотина — кассирша в СРРОП, магазин № 33, Стромынка № 4, а ныне умерший сын в 1928 г. Василий В. Смирнов во время службы педагогом в Марфинском детдоме в Богородске, по судебному процессу был замешан в растлении девочек, причиной чего, будто бы и явилась неожиданная его смерть, а сын Николай, ныне счетовод в Правлении М. Каз. ж.д. сумел скрыть свое поповское социальное положение и, как сын служащего пролез в комсомольские ряды членом, но я его с помощью прессы оттуда вырвал с корнем в 1926—27 гг.

Вся эта вредительская семейка с помощью тех же, очевидно, лиц при рационализации и разного рода сокращениях не подвергалась сокращению. С момента революции и по сие время в живущем бывшем своем доме они все время ведут самую наглую и открытую вредительскую подрывную работу: склоку, травлю, подсиживание, а главное, разрушение своей квартиры, скрытие отца от правильности обложения фин. налогом и квартплаты, более 2-х лет крали 3 к.с. жилплощади у живущего с ними в то время своего отца, а самое важное, что он организовано все время старался тормозить в работе Правления Жил. Т-ва № 2626.

О чем через прессу разных редакций я и забил тревогу в набат еще с 1919 г. и стал сигнализировать во всю ширь, ввиду чего и было много разного рода исследований по заметкам, но ответов конкретных и до сего момента я не откуда не получил. По заметкам в 1929 г. по распоряжению Мосгубпрокурора, через по-

мощника прокурора Сокольнического р-она неоднократно для следствия приходила молодая интеллигентная женщина из их же, очевидно, старого класса, ныне служит вместе с Николаем В. Смирновым в Правлении Казанской ж.д., которая своим следствием и заключением, очевидно, сумела ввести в заблуждение и пом. прокурора, который, очевидно, без ответа ныне и прекратил дело и бросили его без ответа в архив, а семья Смирновых и по сие время в доме ведет свою старую подрывную, вредительскую работу, что подтверждает и само правление Жил. Т-ва в лице 3-х коммунистов... и беспартийным активом. Кроме вышесказанного эта семья активно вербовала и помогала собирать 1000 голосов и подписей ходивших по домам о незакрытии церкви, где ныне служит их отец.

А ныне по службе всюду их слепо выдающими своими разного рода справками администрация и профорганы скрывают как антивыдержанных работников.

Дорогие товарищи предупреждаю я вас, что эти люди для того, чтобы прикрыться и завоевать себе авторитет, они, конечно, могут быть активными, но помните, что это до момента, а срочно необходимо их всюду вычистить» (20).

Остается не совсем ясным, как именно семья Смирновых «подтачивала» пятiletку и зачем они разрушали свою квартиру; ясно лишь, что их и им подобных, с точки зрения Куликова, необходимо срочно отовсюду «вычистить».

Если бы письмо Куликова было единственным в своем роде — над ним, пожалуй, следовало бы посмеяться. Но тысячи таких куликовых успели испортить жизнь десяткам тысяч людей, которые на основании доносов лишились работы, жилья, а иногда и свободы (21). В то же время было бы ошибкой полагать, что каждый донос неизбежно достигал своей цели в виде негативных последствий для того или иного неугодного доносчику лица. В действительности, вопреки сложившемуся стереотипу, последствия доносов, как и решения комиссий по чисткам, не были предсказуемы. На деле судьба человека зависела от множества объективных и субъективных факторов, включая и факторы случайности.

Пролетарское происхождение или «знание дела»?

Безусловно, среди наиболее значимых факторов, влиявших на судьбы проверяемых граждан в ходе чисток соваппарата, были их социальное происхождение и профессиональная квалификация. С одной стороны, лидеры партии и правительства в те годы не раз призывали бережнее относиться к специалистам, подчеркивая, что нет и не может быть «двух мнений относительно значения проблемы специалистов» и вопроса о том, какую роль в системе управления должно играть «*знание дела*» (22). В то же время средства массовой информации, контролируемые той же партией и тем же правительством, тем не менее, продолжали разжигать классовую ненависть, призывая к «классовой непримиримости», «революционной бдительности», «идейной расчистке» и т.п. С этой точки зрения наиболее важным при решении вопроса о персональной чистке оказывался *фактор социального происхождения*. В результате для комиссий по чисткам приоритетными попеременно оказывались то степень «профпригодности», то происхождение и «идеологическое лицо» проверяемых.

Тот факт, что чистки нередко выливались в откровенную травлю людей по принципу их социального происхождения, очевиден. Можно привести тысячи примеров того, как в ходе чисток увольняли добросовестных и квалифицированных специалистов исключительно по принципу их непролетарского происхождения. «Чуждое» происхождение нередко становилось единственным основанием для увольнения: «...чтобы не оставлять „кусты“ бывших людей в аппарате», как откровенно указано в протоколе комиссии МРКИ по чистке аппарата «Молокосоюза» (23). Так, сотрудники владимирского объединенного союза профсоюзов в ходе чисток, по свидетельству современников, подвергались обсуждению не с точки зрения их работоспособности и знания своего дела, а именно с точки зрения «биографических очерков, которые, нужно сказать, начинались у всех с прабабушки» (24).

Яркий пример неумеренной пролетарской бдительности продемонстрировала, в частности, комиссия РКИ Ленинского района г. Москвы. Материалы чисток свидетельствуют о нескрываемом предубеждении членов данной комиссии ко всем, кто чем-то отличался от типичного представителя пролетариата. «Не за чем ему говорить, мы знаем, что он скажет», — грубо оборвал председатель комиссии врача профилактория им. Шумской Гурова, пытавшегося доказать необоснованность выдвинутых против него обвинений в принадлежности к социально чуждым слоям. В действительности Гуров был родом из крестьянской семьи, но, получив высшее образование, он автоматически становился «чуждым» для проводившей чистку рабочей бригады (25). При определении социальной принадлежности того или иного гражданина комиссия РКИ Ленинского района исходила из принципа «*презумпции виновности*». От доносчика не требовали никаких доказательств, напротив, именно обвиненный в принадлежности к «чуждым классам» должен был доказать несправедливость обвинения. «*Подозрительное прошлое*» фактически приравнивалось к «*враждебному прошлому*», «*чуждому происхождению*». Так, медсестры дома младенца № 39 не смогли предоставить документы, «достаточно подтверждающие прошлое», вследствие чего они были заподозрены в принадлежности к аристократической верхушке царской России (26). Врач Н.А. Голубенцев с 1914 г. служил в различных военных госпиталях. Данный факт вызвал у комиссии «подозрения», что Голубенцев «*мог*» служить в белой армии. Доказать обратное врач не смог, и этого оказалось достаточно для передачи его на персональную чистку (27).

Зав. профилакторием им. Шумской М.Е. Гальперин, сын торговца, будучи студентом медицинского факультета университета, в октябре 1917 г. принимал участие в «отряде по перевязкам раненых». У комиссии по чисткам возникло подозрение, что среди раненых, которым оказывал помощь Гальперин, «*могли*» оказаться юнкера. Не имея доказательств обратного, Гальперин был снят с работы по 3-й категории, то есть без права занимать административные должности в течение 3-х месяцев (28).

Врач-окулист М.А. Спектор (родом из мещан, после смерти отца находился на воспитании дяди-торговца) несколько лет работал в Мариупольской городской больнице. В течение этого времени власть в Мариуполе несколько раз ме-

нялась. По признанию самого Спектора, он лечил всех, кто попадал в больницу, не спрашивая их о политических убеждениях. Этого оказалось достаточно для передачи врача на персональную чистку (29).

Если Голубенцев, Гальперин, Спектор и многие другие были «вычищены» за то, что они *теоретически могли сделать в прошлом*, то медсестра социальной помощи Г.Г. Рождественская была «вычищена», за то, что она *теоретически могла бы сделать в будущем*. Комиссия РКИ выразила опасения, что, пользуясь своим положением, Рождественская может «устроить пользу для таких же бывших, как они с мужем» (30). Несмотря на всю абсурдность подобных обвинений, основанных на предположении о том, что могло быть когда-то и что может случиться в будущем, материалы «чисток» свидетельствуют о том, что подобная практика была достаточно широко распространена по отношению не только к представителям социально чуждых слоев, но и ко всем, необоснованно к ним причисляемым.

В то же время сохранилось немало свидетельств того, что *фактор профессиональной пригодности нередко оказывался более значимым, чем «чуждое» происхождение*. Так, например, в материалах проведенных в 1930 г. чисток сберкасс Сокольнического района столицы социальное происхождение служащих вообще не упоминается. Все сотрудники характеризуются исключительно по своим деловым качествам, основаниями для увольнения служат обвинения в низкой квалификации, растратах, халатном отношении к работе и т.п. (31). Заседания комиссии по чистке Мосфинотдела и комиссии по чистке аппарата Управления производственных предприятий ОСО Мособлисполкома, судя по сохранившимся протоколам, тоже были посвящены преимущественно вопросам профессиональной пригодности, служебной добросовестности и трудовой дисциплины «прочищаемых» (32).

Характеристики служащих, предоставленные комиссии по чистке дирекцией Правления Московско-Казанской железной дороги, также основаны преимущественно на вопросах профессиональной пригодности и служебного соответствия. При этом многие выходцы из рабочих и крестьян получили отрицательные характеристики: делопроизводитель А.И. Васильев, несмотря на свое пролетарское происхождение, был охарактеризован как ленивый и грубый; старший счетовод И.А. Антуфьев (из крестьян) — как «средний» работник. О дочери бывшего купца, а ныне заведующей делопроизводством Н.М. Масловой дирекция, напротив, отзывалась как о дисциплинированном, внимательном и аккуратном работнике, хорошо знающем свое дело. Бывшая дворянка М.Н. Пащенко (делопроизводитель) также была охарактеризована как добросовестный, дисциплинированный и старательный работник, хотя и «неврастеник в высшей степени». Блестящую характеристику получил старший бухгалтер Успенский, сын псаломщика, выпускник духовного училища. О его работе было сказано: «По улучшению работы то, что сейчас есть, лучше придумать нельзя». Социальное происхождение А.В. Кожевниковой, признанной дирекцией лучшей работницей Правления дороги, осталось неизвестным, как и социальное происхождение большинства служащих Москов-

ско-Казанской ж.д., так как практикуемая в ее аппарате система учета кадров вообще не предусматривала учета социального происхождения (33).

Комиссия по чистке аппарата Молокосоюза нашла необходимым оставить на работе 12 сотрудников, по своему происхождению «явно чуждых», но хорошо справляющихся с работой; и в то же время предложила уволить «целый ряд партийцев» за «склочность», пьянство, злоупотребления по службе и халатность и т.п. (34). (Любопытно, что, как следует из материалов чисток, «партийцы» нарушали трудовую дисциплину значительно чаще своих беспартийных коллег (35)).

В результате чистки аппарата Мосфинотдела комиссия пришла к следующим выводам: «Личный состав должен быть пересмотрен, и слабые в деловом отношении работники должны быть заменены более квалифицированными, а последние должны получить уверенность в твердости своего служебного положения» (36).

Наглядный пример стремления к объективности представляет собой работа комиссии по чистке учреждений народного образования Сокольнического района. После получения информации о враждебном социальном происхождении какого-либо должностного лица комиссия проводила тщательное расследование. Нередки случаи, когда в результате проведенного расследования комиссии по чисткам устанавливали ложность содержащейся в доносе информации либо оставляли без внимания анонимные обвинения, не считая нужным их проверять (37). Но даже если данные о непролетарском происхождении подтверждались полностью, это не влекло за собой автоматического решения о персональной чистке. Комиссия прежде выясняла следующие вопросы: поддерживается ли после революции «бытовая и идеологическая связь с родными»; соответствует ли квалификация человека его служебному положению и каковы его взаимоотношения с коллегами по работе. Например, полученное в 1930 г. анонимное сообщение о том, что сестры Близнецовы, преподающие в школе № 29 Сокольнического района, происходят из семьи духовенства, подтвердилось. Однако, собрав всю необходимую информацию, комиссия приняла решение сестер «на чистку не ставить», так как «особого материала нет» (38).

В ходе проверки школы № 36 Сокольнического района г. Москвы комиссия по чистке получила коллективную жалобу от учащихся VII группы на учительницу пения с 13-летним стажем, выпускницу Петербургской консерватории Малкину. Стилем и языком, в которых чувствуется влияние взрослого человека, дети требовали уволить Малкину, ссылаясь на ее идеологическое несоответствие образу пролетарского педагога:

«Мы, нижеподписавшаяся группа учащихся, считаем позорным и недопустимым присутствие в коллективе педагогов нашей школы тов. Малкиной, преподающей уроки пения. Наиболее ярким фактом недопустимости ее присутствия в школе является отсутствие у нее педагогической тактичности, которая выражается в ее мещанско-обывательской внешности: краска, серьги, кольца, ожерелье, недопустимые в школе наряды и т.д... Целый ряд фактов еще, в том числе абсолютно обывательское содержание песен, которым она обучает нас, подтолкнули

нас на то, чтобы ходатайствовать перед комиссией по чистке СОНО о том, чтобы столь вредного педагога, который в некоторых отношениях развращает учащихся, оказывает на них разлагающее действие, убрать из стен школы. Нам нужны педагоги-коммунисты, которые бы воспитали в стенах нашей школы из наших рядов стойких борцов за социализм...» (39).

Тщательно проверив все факты, комиссия РКИ приняла решение Малкину «не ставить на чистку». Руководству школы было предложено помочь Малкиной «наладить работу в VII группе» (40).

В подавляющих случаях комиссии по чисткам были крайне непоследовательны в своей работе, руководствуясь то социальным происхождением «прочищаемого», то его профпригодностью и трудовой дисциплиной. Так, комиссия по проверке служащих треста Нарпит сняла с работы (не предъявив никаких профессиональных претензий) несколько десятков сотрудников «чуждого» происхождения, а также работников, не обладающих, по мнению членов комиссии, «пролетарской психологией». В то же время бухгалтер В.Е. Ефтеева была оставлена на работе, несмотря на то, что ее отец был лишен избирательных прав как бывший домовладелец (41).

Таким образом, наряду с социальным происхождением и профессиональными навыками проверяемых, большую роль при вынесении окончательного решения имели и прочие факторы, прежде всего — личные качества как самих «прочищаемых», так и членов комиссий по чисткам.

«Как политически неподготовленного и мало себя проявившего считать проверенным...»

На рубеже 20—30-х гг. в России, как и во все времена, чрезвычайно велика была роль *личных связей*. По утверждению современников, родственные связи и полезные знакомства в эти годы не только не утратили, но даже укрепили свое значение по сравнению с дореволюционной эпохой. В частности, работник прокуратуры СССР И.С. Кондурушкин не раз сетовал на сложившуюся в послереволюционной России практику приема на службу «по запискам знакомых» или «по телефонному звонку» «людей случайных, неизвестных, сплошь и рядом совершенно не пригодных к той работе, которая им легкомысленно поручается». «До сих пор еще, — продолжает Кондурушкин, — часть наших администраторов не исчерпала до дна вкус власти, возможности назначать, увольнять, росчерком пера создавать из вчерашней кондитерской продавщицы, девицы приятной „во всех отношениях“, управдома, секретаря» (42).

Широкое распространение системы протекции нередко ставило представителей социально-чуждых слоев, обладавших, по утверждению современников, разветвленной сетью «нужных знакомств», в более выгодное положение, чем выходцев из рабоче-крестьянской среды (43). Тем более что и само определение социального статуса в те годы было весьма условным. В отличие от «лишенцев» социальная категория «бывших» или «чуждых» не была юридически оформлена и потому никогда не имела четких границ (44). К концу 1920-х гг. эти границы

стали еще более расплывчатыми и неопределенными. За прошедшее после революции исключительно динамичное, наполненное социальными преобразованиями десятилетие общество существенно изменилось, определить истинное социальное происхождение советских граждан с каждым годом становилось все труднее (45). Оставшиеся в России представители бывших привилегированных классов приложили немало усилий для того, чтобы каким-то образом интегрироваться в новое общество, приобрести новый социальный статус. Определение этого статуса зависело не только от реального социального происхождения, но и от случая, наличия нужных связей и ряда других факторов. Так, при проведении МРКИ в 1931 г. обследования аппарата прокуратуры и суда г. Москвы проверяющим был предоставлен список служащих, не содержащий практически никаких сведений об их социальном происхождении и положении до революции. В графе «социальное происхождение» встречаются три основные социальные категории: служащие, рабочие и крестьяне (46). Таким образом, «социальное происхождение» в данном случае подменяется «социальным положением», — практика довольно распространенная в середине 20—30-х гг. Однако значительно чаще при классификации служащих по социальной принадлежности встречается смешение понятий «происхождение» и «положение» (47). Так, члены Московской губернской коллегии защитников были разделены по своему социальному «происхождению» на 15 групп: служащие, рабочие, крестьяне, кустари, мещане, торговцы, купцы, казаки, провизоры, дворяне, духовенство, врачи, ремесленники, помещики, юристы (48). Столь запутанная и непоследовательная градация предоставляла проверяющим широкую свободу действий. Бывший дворянин, священник или помещик, поступивший на советскую службу, мог быть зачислен как в группу служащих (либо при наличии соответствующего образования в группу юристов или врачей), так и в группу дворян (духовенства, помещиков) и т.п. При определении социального статуса администрация учреждения или проверяющие нередко руководствовались личными мотивами, решающую роль при этом могли иметь самые различные факторы: от простой симпатии или антипатии до стремления получить какую-либо выгоду: продвижение по службе, партийная карьера, деньги и т.п.

Не меньшей силой, чем личные связи, обладали *деньги*. За «небольшое вознаграждение» фининспекторы (среди которых были как бывшие дворяне, чиновники и офицеры, так и выходцы из рабочих, в том числе коммунисты) с легкостью зачисляли крупных предпринимателей-нэпманов (в том числе и из «бывших») в число мелких кустарей. По свидетельству МРКИ, финработники «ударяли и ловили часто случайно мелкого торговца с продажей 1 пары ботинок, одной рубашки, куска мыла и т.п... даже попадали рабочие, инвалиды и мелкие кустари, а более крупные выявлялись плохо». Именно служащие районных финансовых отделов, наиболее близкие к деньгам, оказались особенно подвержены «разложению» и «срачиванию с частником» (49). В наилучшем положении были те, кто обладал и деньгами, и связями. Члены рабочих бригад по чисткам нередко жаловались в центр, что «материал на карасей и щук кладется под сукно, а мелкую рыбешку ловят, шельмуют, перебирают грязное белье» (50).

Большое внимание в ходе чисток уделяли также умению ладить с людьми. Недоброжелательное отношение к сослуживцам или неспособность наладить контакт с ними порой перевешивали и «правильное» социальное происхождение, и высокую профессиональную квалификацию. Доходило до откровенных курьезов. Так, например, сотрудник Мосфинотдела Радченко в ходе чистки был обвинен в излишней старательности и чрезмерной добросовестности. Комиссия по чистке пришла к следующему выводу: «Работать с ним трудно, работает как машина, по букве закона, необходимо снять с работы» (51). В то же время экономист Молокосоюза В.Я. Клипка, несмотря на «чуждое» происхождение и довольно «натянутые» взаимоотношения с сослуживцами, был оставлен как незаменимый сотрудник. В решении комиссии, в частности, говорилось, что Клипка «поставил работу в МСПО так, что новый сотрудник ничего в ней не поймет, а Клипка держит это в секрете» (52).

Подобные курьезные решения породили в конце 1920-х — начале 1930-х гг. массу анекдотов на тему чисток, несмотря на всю ее серьезность, а порой и трагичность. С одной стороны, «вычистить» могли кого угодно и за что угодно. «В ходе проверки учреждения Рабкрином, — говорилось в частности, в одном из анекдотов тех лет, — служащего, систематически опаздывавшего на работу, уволили за разгильдяйство; служащего, приходившего на работу раньше других, уволили за подхалимство; служащего, всегда приходившего точно вовремя, уволили за бюрократическое отношение к делу» (53). С другой стороны, наиболее ушлые из «бывших» нередко выходили «сухими из воды», что также нашло свое отражение в народном творчестве. Вот, например, еще один из анекдотов 1930-х гг.: «Три служащих из „бывших“ проходят чистку. Выходит первый: „Я им сказал, что у меня был завод, но не такой большой, как „Серп и молот“, а маленький — вот такой... Оставили“. Выходит второй: „Я им сказал, что у меня был дом, но не такой большой, как Кремль, а маленький — вот такой... Обошлось“. Выходит третий: „Я им сказал, что у меня был бардак, но не такой, как у вас — на всю страну, — а маленький. И что вы думаете? Уволили. Скажите на милость, почему?“» (54).

Реальная практика «чисток» порой мало отличалась от анекдотов. Вот, например, какие решения комиссий по партчисткам были обнаружены в ходе проверок:

«Батрак, бывший сын дворянина, дисциплинирован. Идеологически устойчив недостаточно, недостаточно партийно выдержан, энергично проводит директивы партии»;

«Т-ща Н. как политически неподготовленного и мало уделяющего внимания партии — считать проверенным»;

«Как политически неподготовленного и мало себя проявившего считать проверенным» (55).

В Калужской области комиссией по партчистке был оставлен в партии сын пристава, в характеристике которого было указано, что он «пассивен и систематически пьянствует»; а одной из кандидаток в партию, про которую было известно, что в прошлом она была близко знакома «с виднейшими руководителями контр-

революции Астраханского края», было порекомендовано «немедленно подать заявление о переводе» в члены ВКП(б) (56). Аналогичные ситуации складывались и в ходе чисток соваппарата.

Трудно сказать, что в подобных случаях играло решающую роль — личная заинтересованность членов комиссии, халатность или просто случай. Нельзя исключать также влияние плана по выявлению окопавшихся в совучреждениях (или в партии) замаскированных классовых врагов. Нередко «выявив» и «вычистив» требуемое планом количество «чуждых», члены комиссии на этом успокаивались и становились терпимее к «нехорошему» происхождению проверяемых.

Очевидно, что проводимые в атмосфере нагнетания классовой ненависти, «чистки соваппарата» должны были в наибольшей степени затронуть представителей бывших привилегированных слоев. Руководство страны не скрывало, а, напротив, подчеркивало необходимость соблюдения «классовой линии» при проведении чисток. В то же время материалы чисток содержат немало примеров стремления сохранить наиболее ценных специалистов и «очистить» аппарат от недисциплинированных и неквалифицированных сотрудников, вне зависимости от их социального происхождения. В политике советских и партийных властей боролись две тенденции, — политкорректность и прагматизм, — попеременно одерживавшие верх друг над другом. Причем первая тенденция побеждала преимущественно в ходе чисток работников наиболее идеологически значимых сфер деятельности (партийные руководители, преподаватели, воспитатели, библиотекари, юристы и т.п.), а также неквалифицированных рабочих (чернорабочие, уборщицы и т.п.). При «чистке» же квалифицированных рабочих, экономистов, специалистов производственной сферы, напротив, победу обычно одерживал разумный прагматизм.

Так или иначе, чистки соваппарата вошли в повседневную жизнь практически каждого советского гражданина тех лет. Никто не был застрахован от персональной чистки со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. В списках «вычищенных» в качестве «классово чуждых» можно найти представителей всех социальных слоев, а среди них — передовиков производства, ударников, активистов-общественников.

Неуверенность в завтрашнем дне обусловила формирование атмосферы нервозности и страха, вызывала взаимное недоверие, враждебность, склоки, доносы. Наиболее незащищенными и пострадавшими в результате нагнетания классовой ненависти оказались представители средних слоев интеллигенции, а также крестьяне и выходцы из крестьян как носители мелкобуржуазной, так называемой «собственнической» психологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1981. — Т. 4. — С. 338, 342, 388, 469—484, 493.
- (2) В данной статье рассматриваются только чистки соваппарата. Соответственно, в дальнейшем тексте под «чистками» (при отсутствии дополнительных пояснений) будут подразумеваться только чистки учреждений и организаций, а не партчистки или чистки студенчества, имеющие свою специфику.

- (3) См., например: Рабочий класс в управлении государством (1926—1937 гг.). — М., 1968; *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. — М., 2000; *Он же.* «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. — 2000. — № 5. — С. 38—46.
- (4) См.: *Иванов В.* «Бывшие люди» // Родина. — 1999. — № 4. — С. 71; *Шинкарчук С.А.* Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: новые подходы. — СПб., 1995. — С. 18—37; *Фицпатрик Ш.* Жизнь под огнем. Автобиография и связанные с ней опасности в 30-е годы // Российская повседневность... — С. 38—49; *Она же.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2001; *Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917—1941) // Нормы и ценности повседневной жизни. 1920—1930-е годы. — СПб., 2000. — С. 175—179.
- (5) См.: Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. Авторы текста и комментариев С.В. Журавлев, А.К. Соколов. — М., 1998. — С. 44—46, 74—121; *Смирнова Т.М.* «Вычистить с корнем социально чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества // Россия в XX веке. Реформы и революция. — М., 2002. — Т. 2. — С. 187—205.
- (6) См., например: *Ингулов С.* Под лозунгом большевистской принципиальности // Как проводить чистку партии. Сб. директивных статей и мат-лов. — М.—Л., 1929. — С. 60; *Коротков И.* К проверке и чистке производственных ячеек // Там же. — С. 93—94 и др.
- (7) КПСС в резолюциях и решениях... — М., 1981. — Т. 4. — С. 473.
- (8) Там же. — С. 473.
- (9) Там же. — С. 473.
- (10) ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 211. — Л. 14; См также: Там же. — Оп. 7. — Д. 63. — Л. 8; ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 23, 27, 29.
- (11) *Лебедев С.И.* Опираясь на помощь общественности // Как мы работали в Рабкрине. — Харьков, 1963. — С. 28.
- (12) См.: ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 61. — Л. 98—107.
- (13) См.: ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 61. — Л. 144—151. Подробнее о деле Ю.И. Туркестановой см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. — М., 2003. — С. 216—217.
- (14) С. Чуйкина, в частности, пишет: «Характерно, что решение о том, кого вычистить принадлежало самому трудовому коллективу. Представители рабоче-крестьянской инспекции осуществляли контроль за работой комиссий по чистке, однако решение, принятое на местах, не опротестовывалось» (*Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке... — С. 177).
- (15) См., например: ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 60. — Л. 4; ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 27.
- (16) См., например: *Ингулов С.* Под лозунгом большевистской принципиальности... — С. 60; *Межоль К.* Недочеты проверок и чисток в прошлом // Как проводить чистку партии... — С. 127; *Сольц А.А.* К чистке // Как проводить чистку партии... — С. 30.
- (17) См., например: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... — С. 164.
- (18) ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 25. — Д. 112. — Л. 10.
- (19) ГА РФ. — Ф. Р-5404. — Оп. 11. — Д. 22. — Л. 3.
- (20) ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 248.
- (21) О массовых случаях доноительства с целью устранить конкурента или из банальной зависти, а также о наиболее распространенных способах дискредитации человека в те годы см.: Общество и власть... — М., 1998. — С. 75—80; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... — С. 163—165.

- (22) *Дзержинский Ф.Э.* На борьбу с болезнями управленческого аппарата. Речь на совещании ответственных работников ВСНХ СССР 9 июля 1926 г. // *Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения*: В 2-х т. — М., 1967. — Т. 2. — С. 369; см. также: *Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи.* — М., 1939. — С. 254; и др.
- (23) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1653. — Л. 1. См. также: ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 63. — Л. 5; Там же. — Д. 93. — Л. 2, 5, 7, 14—15, 18—23.
- (24) На трудовом посту. — 1929. — № 4/5. — С. 5.
- (25) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 61. — Л. 63 об.
- (26) Там же. — Л. 86.
- (27) Там же. — Л. 49.
- (28) Там же. — Л. 33—41.
- (29) Там же. — Л. 132—134.
- (30) Там же. — Д. 227. — Л. 193 об.
- (31) Там же. — Д. 201, 220.
- (32) См. ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 39—40, 50—60, 72—86, 90—108, 110—113; ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 63. — Л. 9—19, 31, 34—41, 59—60.
- (33) См. ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 145. — Л. 43—73.
- (34) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1653. — Л. 3.
- (35) См., например: *Коротков И.* К проверке и чистке... — С. 89.
- (36) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 11.
- (37) См., например: ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 51, 190, 204 об.; Там же. — Оп. 7. — Д. 67. — Л. 57; ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 63.
- (38) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 168. — Л. 174; см. также: Там же. — Л. 39—45, 112—140, 157 об., 161 об., 174—182; Там же. — Д. 227. — Л. 4—10, 46 об., 51, 109—112.
- (39) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 47—48.
- (40) Там же. — Л. 46 об.
- (41) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 93. — Л. 2, 5, 7, 8, 11, 13—23.
- (42) *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. — М.; Л., 1927. — С. 204.
- (43) См., например: ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1567. — Л. 49—49 об.; ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 179—181, 192—194.
- (44) Мнение исследователя В. Иванова о том, что в реальности советской жизни понятие «бывшие» стало срастаться с понятием «лишенец» (см. *Иванов В.* Бывшие люди... — С. 71), верно лишь отчасти. Если в дискурсе рядовых граждан данные понятия действительно нередко были тождественны, то юридически и в политической практике они, в значительной степени «пересекаясь», не совпадали (Подробнее о «лишенцах» см.: *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. — М., 1998).
- (45) Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России... — С. 23—54.
- (46) ЦМAM. — Ф. 1289. — Оп. 1. — Д. 188. — Л. 22; см. также. ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 201. — Л. 46—63.
- (47) Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома»: «Классовая принадлежность» и «классовая справедливость» в Советской России, 1917—1936 гг. // *Вестник РУДН. Сер. «История России».* — 2005. — № 4. — С. 89—97.
- (48) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1567. — Л. 8.
- (49) См., например: ЦМAM. — Ф. 1289. — Оп. 1. — Д. 188. — Л. 54—55; Там же. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 211. — Л. 15—16.
- (50) Цит. по: *Общество и власть...* — С. 80.
- (51) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 54.
- (52) Там же. — Д. 1653. — Л. 3.

- (53) *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. — М., 1992. — С. 19.
- (54) *Соколова Н.* Краткий курс. Материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // *Огонек*. — 1991. — № 1. — С. 30.
- (55) См.: *Межоль К.* Недочеты проверок... — С. 128—129.
- (56) Там же.

PURGES OF THE SOVIET STATE APPARATUS AS FACTOR OF EVERYDAY LIFE IN THE 1920—1930S

T.M. Smirnova

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

This article, based on broad range of new historical sources, focuses on so called «purges» of the Soviet state apparatus, and their impact on everyday life of the Soviet citizens in the 1920—1930s. Author demonstrates contradictory nature and variety of factors on which special «purge commissions» made their decisions, including social origin of the people, their professional and personal characteristics, and others.

Key words: purges of the Soviet state apparatus, everyday life, social origin and status, «people of the past», «socially alien elements».

«ТРИ БУБЕНЩИКА, ДВА ТРАНЗЕЛИСТА, ДВА БУНЧУКА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ ЮГА РОССИИ В 1930-Е ГГ.

А.П. Скорик

Кафедра теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)
ул. Просвещения, 132, Новочеркасск, Ростовская область, Россия, 346428

Т.А. Самсоненко

Кафедра туризма и курортного дела
Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
ул. Советская, 26а, Сочи, Россия, 354000

В работе анализируются процессы преобразования и развития культурно-бытовой сферы казачьих станиц Юга России в условиях «колхозного строительства» на протяжении 1930-х гг. Освещено негативное влияние форсированной коллективизации на казачью повседневность. Выявлены и рассмотрены позитивные тенденции, доминировавшие в сфере культуры и быта донских, кубанских, терских казаков в результате организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, наблюдавшегося во второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: дом культуры, изба-читальня, казаки, казачий хор, кампания «за советское казачество», коллективизация, колхозный клуб, культурно-бытовая сфера, повседневность, станица.

Форсированная коллективизация не только коренным образом изменила социально-экономические отношения на селе и статус казачества, но и с неизбежностью повлияла на структуры повседневности казачьих станиц Дона, Кубани и Терека. Степень трансформации казачьей повседневности и культуры под влиянием процессов «колхозного строительства» была, без преувеличения, огромной: никогда раньше в жизни казачества не происходило столь серьезных перемен, причем всего лишь за несколько лет. Уже поэтому такая тема исследований, как многообразные культурно-бытовые изменения в казачьих станицах Юга России, происходившие на протяжении 1930-х гг., обладает заметной научно-теоретической актуальностью.

Однако, хотя указанная тема и представляет несомненный интерес для ученых, в научных исследованиях она нашла лишь фрагментарное освещение. Можно назвать весьма небольшое количество работ, в которых рассматривались отдельные аспекты трансформаций казачьей повседневности (1). Причем, что показательно, по большей мере эти работы увидели свет на протяжении 1930-х гг. и представляли собой не столько научные исследования, сколько пропагандистски мотивированные описания, имевшие целью акцентировать внимание читателей на положительных изменениях, произошедших в жизни донских, кубанских и терских казаков в период «колхозного строительства». В представленной публикации предпринята попытка частично заполнить лакуны, образовавшиеся в процессе научного осмысления проблемы культурно-бытового обустройства казачьих станиц Юга России в 1930-х гг.

В советской прессе 1930-х гг. постоянно подчеркивалось, что результатом коллективизации (и в целом политики компартии и правительства СССР) стало разительное улучшение культурно-бытовых условий деревни, в том числе казачьих станиц Юга России: создание школ, библиотек, больниц, развитие сети детских дошкольных учреждений и пр. Например, советские журналисты так описывали станицу Вешенскую в самом начале 1930-х гг.: «...теперь в ней: „Дом крестьянина и казака“, школа-девятилетка, народный дом, изба-читальня, кооперация — все это обслуживает не только население станицы, но и окрестных хуторов. Казаки и казачки, приезжая на базар, в районную, неплохо оборудованную, амбулаторию, в РИК (райисполком — А.С.), или, наконец, в магазины ЕПО (Единое потребительское общество — А.С.), часами стоят на улице, у громкоговорителя, передающего из Ростова н/Д. и Миллерова последние новости и различные концерты» (2).

Действительно, коллективизация, имевшая одной из своих задач модернизацию сельской повседневности, должна была изменить к лучшему облик казачьих станиц. В конечном счете указанная задача была реализована, хотя и далеко не полностью (причем иной раз бездумное стремление к стиранию «различий между городом и деревней» крайне негативно сказывалось на жизнедеятельности сельских сообществ). Однако следует отметить, что процессы формирования социальной инфраструктуры казачьих станиц Юга России (как и процессы улучшения бытовых условий жизни казаков-колхозников) относятся по большей мере ко второй половине 1930-х гг. и связаны с организационно-хозяйственным укреплением колхозной системы (а также, в определенной мере, — и с кампанией «за советское казачество»). В первой же половине десятилетия преобладало не созидание, но разрушение: в казачьих станицах пустели или растаскивались по бревнышку дома «раскулаченных» казаков, вырубались сады, уничтожались или осквернялись церкви и т.д. Разность двух указанных этапов развития коллективизированной казачьей станицы Юга России необходимо в полной мере учитывать при освещении структур и сфер повседневности казачества на протяжении рассматриваемого десятилетия.

В источниках содержится немало свидетельств о разрушении в период коллективизации казачьих станиц Дона, Кубани и Терека, принимавшем иногда чудовищные масштабы и самые уродливые формы. Особенно пострадали кубанские станицы в период «слома кулацкого саботажа хлебозаготовок» в 1932—1933 гг. В частности, в октябре 1933 г. директор Копанской машинно-тракторной станции Северо-Кавказского края рассказывал на совещании директоров новых МТС, что «станция [Копанская] была большая, но сейчас разрушена» (3). Сотрудники ОГПУ 7 февраля 1934 г. направили краевому руководству Азово-Черноморского края «совершенно секретную» докладную записку о состоянии станиц Красноармейской (бывшая Полтавская) и Ленинградской (бывшая Уманская). Состояние станицы Ленинградской оценивалось следующим образом: «внешне станица идет по линии разрушения — заборы[,] древонасаждения и т.д. беспощадно уничтожаются. Вид станицы за исключением центра — тяжелый» (4). Подчеркивалось

при этом, что «разрушение станицы особо усилилось, в связи с производством расчетов, так как отсутствие топлива заставляет колхозников изыскивать его на месте в станице (переселенцы печь хлеб при использовании, как топлива — соломы, не умеют, а кизяки и друг. виды топлива отсутствуют)» (5). То есть разрушение станицы являлось не только следствием «слома кулацкого саботажа хлебозаготовок», в ходе которого местные жители были депортированы и дома остались без хозяйского присмотра, но и негативных характеристик колхозной системы (колхозы не обеспечивали потребность своих членов в топливе, вследствие чего заборы и постройки разбирались на дрова).

Примерно также выглядела и станица Ново-Щербиновская Ейского района Азово-Черноморского края. В начале марта 1934 г. сотрудники ОГПУ, ссылаясь на доклад заместителя начальника политотдела Ново-Щербиновской МТС, сообщали краевому руководству о катастрофическом положении в станице. По их словам, в прошлом Ново-Щербиновская была «с большим количеством крупно-кулацких хозяйств, с большим количеством саманных и деревянных домов, крытых преимущественно железом, с различными надворными хозяйственными постройками (досчатые сараи, деревянные амбары, скотники, погреба). Все дворы в станице были обнесены досчатыми заборами, усадьбы засажены большими фруктовыми садами и акацией» (6). В общем, Ново-Щербиновская являлась богатой и процветающей кубанской станицей.

Но в настоящее время, продолжали работники ОГПУ, в станице «жилые дома, надворные постройки и заборы — в массовом количестве разрушаются и уничтожаются». Демон разрушения, вселенный коллективизацией в сердца крестьян и казаков Ново-Щербиновской, полностью восторжествовал в станице: «с домов снимаются ставни, рамы, двери, крыши, крыльцо; остаются одни стены. Сараи, навесы, погреба и др. надворные постройки, а также заборы разбираются до основания. Деревья рубятся и сжигаются». «В результате разрушения построек», — констатировали сотрудники госбезопасности, — «по всей станице образуются громадные пустыри с остатками разрушенных зданий и вырубленных деревьев» (7).

Это далеко не единичные примеры: подобное наблюдалось по всему Югу России, и масштабы разрушения были значительны. Масштабы эти указаны в одном из документов Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), члены которого отмечали в апреле 1934 г., что в крае имеется 26 тыс. пустующих домов, из них «вполне годных для жилья» — 5,1 тыс. (8). Стоит ли удивляться, что в перечне районов и станиц, где находились пустующие дома, преобладали районы Кубани, пережившие трагедию «чернодосочных станиц». По данным крайкома, в 18 районах Кубани насчитывалось около 19,4 тыс. пустующих домов, а в 8 указанных в списке районах Дона был лишь 3181 пустующий дом (9). Учитывая, что в первой половине 1930-х гг. разрушались не только Копанская, Ленинградская или Ново-Щербиновская, но и многие другие села и станицы Дона, Кубани, Ставрополя и Терька, сельская местность Юга России в период коллективизации начинала походить на территории, подвергнувшиеся вражескому нашествию.

Соответственно, в сельских населенных пунктах (в том числе и в казачьих станицах) в период насильственной коллективизации культурно-бытовая сфера

чаще всего находилась в состоянии не развития, но упадка или, — в лучшем случае, — стагнации. Новые формы быта и культуры в коллективизированной деревне Юга России утверждались медленно и с трудом. Один из очевидцев «колхозного строительства» в 1934 г. писал в редакцию азово-черноморской газеты «Колхозная правда», что «культурно-просветительной работы среди крестьянства нет. В ст. Леушковской нет клуба, нет кино, нет очага, где-бы мог крестьянин что-нибудь узнать, почитать, посмотреть и отдохнуть». Поэтому колхозники, по их словам, действовали по следующему принципу: «...работаем, а в свободное время водку пьем» (10).

Как видим, крестьяне и казаки, привычные к дефициту культурно-бытовых и просветительных учреждений, не особенно переживали по этому поводу (бегство сельской молодежи в города по причине культурно-бытовой неустроенности начнется гораздо позже, лишь в 1960—1980-х гг.). Но сторонние поселенцы (а именно горожане или красноармейцы), волею судеб очутившиеся в селах и станицах Юга России, испытывали сильный дискомфорт. Показательно в этом отношении письмо красноармейцев-переселенцев колхоза им. Балицкого (станция Красноармейская, бывшая Полтавская), направленное в штаб Северо-Кавказского военного округа 9 июня 1933 г. С гордостью докладывая, что они в основном справились с посевной, красноармейцы сетовали на ограниченность возможностей поднимать свой культурный уровень: «мало у нас книг в наших лен[инских] уголках[,] нет Радио в лен[инских] уголках[,] нет спортивных инструментов и снарядов[,]... нет совершенно учебников для парт[ийного] просвещения повышенного типа[,] нет Музыкальных инструментов» и т.д. (11). И такое же положение наблюдалось повсеместно.

Только вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась для сел и станиц Юга России последовательной работой по созданию и расширению социальной инфраструктуры, оптимизации бытовых условий и повышению культурного уровня. Причем большой вклад в развитие систем сельского образования, просвещения, здравоохранения, бытового и культурного обслуживания внесло не столько государство, сколько колхозы, которые зачастую на собственные средства строили и ремонтировали школы, библиотеки, избы-читальни, клубы, дома культуры, амбулатории и прочие подобные заведения. В результате приложения совокупных усилий государства и колхозов казачьи станицы Юга России во второй половине 1930-х гг. заметно преобразились.

В конце 1936 г. секретарь Ивановского райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. Ухов писал: «неузнаваемой становится станица Старо-Ниже-Стеблиевская — районный центр. До революции станица имела 4 трактира и 7 пивных. Сейчас имеются звуковое кино, дом культуры, радиоузел, электростанция, 4 колхозных клуба, парк культуры и отдыха. В клубе ворошиловских кавалеристов обучается 200 советских казаков, которые умеют метко стрелять в цель с коня и стремительно рубить клинком. 500 лучших отважных всадников освоивших знания ворошиловского кавалериста, обещает дать клуб к 1 мая 1937 г. В будущем году намечено в районе построить 4 школы и один межколхозный клуб на 800 чело-

век» (12). Старо-Ниже-Стеблиевская не являлась исключением: на Кубани было немало станиц, подобных ей. В частности, в станице Старая Титаровка Темрюкского района Кубани в 1939 г. имелись школа-девятилетка и 12 начальных школ, каждый колхоз станицы построил клуб (13). В целом же в Краснодарском крае к исходу 1930-х гг. насчитывалось 1739 колхозных клубов и 1112 колхозных библиотек, 598 изб-читален, свыше 150 сельских больниц и т.д. (14).

Те же тенденции господствовали на Дону и Тереке. Как писал М.А. Шолохов в 1937 г., «во что превратилось донское казачество за годы Советской власти? Не только в станицах, но и в хуторах почти в каждом доме имеются дети — учащиеся в средних школах. Казаки-колхозники уже не думают о том, чтобы вырастить сыновей, умеющих только работать в поле. Они хотят видеть своих детей инженерами, командирами Красной армии, агрономами, врачами, учителями. Растет новая, советская казачья интеллигенция» (15). Современники так описывали в конце 1930-х гг. станицу Вешенскую, где жил в это время великий донской писатель: «возле каждого домика — палисадник, молодые деревья (стволы последних аккуратно выбелены). Сколько мы ни ходили по станице, нигде не видно бесхозяйственных домовладений. Все приведено в образцовый порядок.

По вечерам улицы освещаются электричеством. Матовые плафоны (абажуры) заливают молочным светом центральную улицу, площадь, подъезд к театру казачьей молодежи. Театр, кстати сказать, оборудован исключительно хорошо... В Вешенской имеется педагогический техникум. Построен он из материалов, полученных от разбора закрытой по требованию казачества церкви. Здание чрезвычайно красиво, — лучшее в станице» (16).

О культурно-бытовых переменах в терских казачьих станицах хорошо написал корреспондент «Орджоникидзевской правды» (ранее работавший в «Молоте» и «Северо-Кавказском большевике») И. Чилим, перу которого принадлежало немало ярких публикаций в региональной прессе первой половины 1930-х гг. Описывая жизнь станицы Мекенской на Тереке, он, по коммунистической традиции, противопоставил ее дореволюционное прошлое советскому настоящему: «когда-то старорежимный публицист есаул Караулов, претендовавший на знание казачьей жизни, писал:

«...Жизнь казаков груба и неприглядна. Досуг — это все увеличивающееся пьянство, драки. Казаки не имеют склонности к культурному развлечению» (из записок есаула Караулова).

„Не имеют склонности“. Шутите, есаул Караулов!

В одной из своих заметок есаул сожалеет о том, что офицерские жены, гарнизонные дамы, не заботятся о просвещении казаков.

„А ведь можно бы сплотить людей благородного общества, организовать благотворительные спектакли“.

Сто лет собиралось „благородное общество“ просветить казаков благотворительным спектаклем. А вот как только вышибли из станицы, городов и всей страны это „благородное общество“ — дело пошло на лад» (17).

И далее И. Чилим, обосновывая идею о гигантских положительных сдвигах в культуре и быте советской казачьей станицы Терека, остановил свое внимание

на клубе станичного колхоза 12 годовщина Октября: «...клуб — это выстроенное колхозом прекрасное здание, какого не сыскать в иных городах, высится неподалеку от жалкой приплюснутой бывшей церквушки, ныне по горло напичканной зерном. В клуб вмещается все трудоспособное население станицы — около 900 человек. Свой духовой оркестр, пианино, звуковое кино, свой театр и сверх того так называемая агитбригада из семнадцати девушек-колхозниц — физкультурно-плясовое и песенное объединение... В фойе щелкает бильярд. Всюду не в меру сильный, временами чуть вздрагивающий электрический свет, обилие света» (18). А в зрительном зале клуба в это время шла кинокартина «Последний табор», посмотреть которую собралось немало колхозников. Один из сюжетов вызывает бурную иронию сельской аудитории: «Смех возникает в самом неожиданном месте.

— Ой, батюшки! Вот зашился режиссер, так зашился! Смотрите-ка, председатель колхоза ходит по загону спелой пшеницы, а в зубах папироска горит.

— Ничего, это просто актер непонимающий, а если делом говорить, так за это по шее следует.

— Ишь ты: курит на загоне!» (19).

Такие же позитивные сдвиги в культурно-бытовой сфере, вызванные «колхозным строительством», наблюдались во второй половине 1930-х гг. и в других терских казачьих станицах (20). В них проводилось электричество, создавались школы, библиотеки, клубы и т.д.

Огромное влияние на развитие самобытной казачьей культуры в советский период оказала развернутая руководством СССР с февраля 1936 г. кампания «за советское казачество», имевшая целью вовлечь казаков в дело укрепления колхозной системы и обороноспособности страны. В ходе кампании казакам было предоставлено право развивать и пропагандировать свою культуру, создавать казачьи хоры, ансамбли, театры и пр. Так, в 1936 г. в Вешенской был создан театр казачьей молодежи, для которого специально было построено здание с вертящейся сценой (21). М.А. Шолохов, выступая на двухлетней годовщине театра, справедливо назвал его «ярким огоньком искусства», хотя и посетовал, что «областное управление по делам искусств явно недооценивает значение этого театра. Частая смена художественных руководителей снижает качество работы коллектива» (22).

В том же Вешенском районе Азово-Черноморского края еще в 1935 г. был создан из казаков-колхозников районный казачий хор, члены которого осенью того же года ездили в Москву и дали там не на протяжении месяца более 60 концертов. Донцы выступали даже в Академическом Большом театре СССР на концерте, посвященном 18-й годовщине Октябрьской революции, и пели старинные казачьи и русские песни: «Взвеселитесь, донцы — храбрые казаки», «Пчелочка золотая», «Из-за леса, леса копий и мечей» и др. (23). А 13 октября 1936 г. бюро Северо-Донского окружкома ВКП(б) и президиум Окрисполкома приняли объединенное постановление «Об организации, подготовке и отправке в Москву к 19-й годовщине Октябрьской революции Северо-Донского окружного казачьего хора». Было решено командировать в Москву сводный окружной хор в составе

392 чел. (305 хористов, 63 танцора, 27 гармонистов, 3 бубенщика, 2 транзелиста, 2 бунчука), поделенных на 4 сотни и 16 групп «для лучшего и более четкого управления». Было решено направить в Москву вместе с хором и коллектив театра казачьей молодежи в составе 33 человек. Репертуар хора превосходно отражал реалии советской эпохи. Он включал в себя следующие песни: «Интернационал», «Песня о тов. Сталине», «На заре было, на зореньке», «Ковыль-травушка», «Орелик», «Веселитесь, храбрые казаки», «Конница лихая» и т.д. Коллективу казачьей молодежи было велено «подготовить к показу 2 картины из «Поднятой целины» — Прощание Майданникова с быком и [сцена] в бригаде (сцена с дедом Щукарем)» (24). Надо думать, что первая сцена должна была продемонстрировать зрителям тягу казаков в колхозы (якобы неодолимую), а вторая — повеселить и рассмешить их. Ведь талантливо описанная М.А. Шолоховым сцена, когда бедный дед Щукарь, пребывая в должности бригадного кашевара, по невниманию угостил колхозников кашей со сваренной лягушатинной, могла развеселить кого угодно!

Казачьи ансамбли, возникшие во время кампании «за советское казачество», совершали гастроли не только в Москву. Так, в декабре 1939 г. на бюро обкома ВКП(б) Ростовской области рассматривался вопрос «О поездке Ростовского ансамбля песни и пляски донских казаков в Западную Украину». Обком констатировал, что ансамбль с успехом выполнил свою культурно-просветительную миссию, дав за месяц (с 20 ноября по 20 декабря) 36 концертов и оказав большую помощь в развитии красноармейской самодеятельности. Было решено премировать членов ансамбля (для чего бюро постановило просить Управление по делам искусств при СНК СССР выделить 30 тыс. руб.), предоставить ансамблю постоянную сценическую площадку и создать условия для творческой деятельности, организовать систематическую учебу хора и балета, принять меры по сбору и использованию в репертуаре казачьего фольклора (25).

Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что количественные показатели не отражают всей полноты картины и что успехи преобразований в культурно-бытовой сфере казачьих станиц преувеличивались советской пропагандой. В частности, в конце 1935 г. представители партийных органов Северо-Донского округа Азово-Черноморского края на очередном пленуме окружного комитета ВКП(б) печально констатировали, что культурно-просветительные заведения в колхозах округа числятся лишь формально, но в реальности практически не функционируют, ибо колхозное начальство почти не обращает внимания на культуру и досуг. Например, колхоз им. Кагановича Боковского района был премирован патефоном, но эта премия поставила колхозных администраторов в тупик: «когда они его получили, они не знали, куда его девать — по рукам пустить, через 2 дня его не будет, в правлении поставить — будет мешать работать. И пришли к такому выводу, поставить его под кровать сторожихи. Приезжает уполномоченный, спрашивает, [«]у Вас ничего нет в области культуры? [»] «Патефон есть». Говорят сторожихе, чтобы принесла патефон. Она его вытащила из[-]под кровати, обмахнула тряпичей. [«]Вот Вам культура [»]. Уехал уполномоченный, опять этот же патефон поставили под кровать сторожихе» (26). Поэтому, признавали районные работники

Северо-Донского округа, настоящих клубов в округе практически нет, ибо «нельзя же считать клубом помещение не имеющее скамеек, лозунгов и даже портретов вождей», «колхозные клубы мы еще не везде имеем, а если имеем, то с выбитыми окнами неотопленные неосвещенные, керосину нигде нет» (27). Нередко клубы в колхозах использовались не по прямому назначению, а как склады, зернохранилища и т.п. По этому поводу районные работники с иронией говорили, что в колхозах давно «измерили кубатуру этих клубов и тон[н]аж зерна, а какова вместимость народонаселения в этих клубах никто не знает», что «многие секр.[етари местных партийных ячеек] говорят, что клуб считается зернохранилищем на зиму, а летом когда пустой можно вести кульмас.[совую] работу» (28) (однако летом все колхозники были на полях, так что кульмассовая работа теряла всякий смысл). В итоге, по словам представителей власти, колхозная молодежь «снимает хаты колхозника, приходит с водкой, вином, картами и проводит там вечер, при чем, платя за квартиру [заработанной в колхозе] пшеницей. Каждый завязывает в узелок пшеницу и платит за помещение ею» (29).

Такая же ситуация наблюдалась и в других районах Юга России. Так, в конце 1937 г. сотрудник Ростовского обкома ВКП(б) Клименко совершил инспекционную поездку в Чернышевский район, по итогам которой чуть ли не с ужасом рассказывал о катастрофическом положении в сфере культуры и быта местных сел и станиц: «в районе нет кино, не организованы самодеятельные кружки, клуб в негодном антисанитарном состоянии. Прекрасные рощи, окружающие станицу, остаются неиспользованными, тогда как здесь имеется возможность построить неплохой парк. Библиотека уже продолжительное время на замке, нет столовой. Многие коммунисты живут без семей, т.к. после короткого пребывания в этом районе жены бегут, забирая детей, а оставшийся отец прибегает к единственному развлечению — водке» (30).

Весьма характерный случай, свидетельствующий о том, что пропагандистские заверения далеко не всегда соответствовали действительности, произошел осенью 1937 г. на Дону. В октябре 1937 г. в областной газете Ростовской области «Молот» был помещен очерк «Хутор Лебязжий», повествующий об этом сельском населенном пункте, послужившем прототипом знаменитого Гремячего лога из «Поднятой целины». В очерке утверждалось, что шолоховский Кондрат Майданников порадовался бы за своих земляков, у которых теперь есть школа, клуб с радио, «магазин сельпо, в котором можно купить все, что надо — от иголки до добротного костюма» (31). Однако эта оптимистичная публикация «вызвала буквально ярость колхозников», так как оказалось, что радио в хуторе нет, «в клубе грязно и нет никаких кружков», нет электричества, в хуторской лавке (никакого магазина в хуторе не было) нет товаров и пр. (32). Подобные примеры несоответствия розовых иллюзий и неприглядной реальности в казачьих станицах Дона, Кубани, Ставрополя или Терека на протяжении второй половины в 1930-х гг. были вовсе не единичны.

Да и дороги на Юге России (как, впрочем, и по всей стране) являлись такой же бедой, как и раньше. Хотя еще 1 февраля 1932 г. Колхозцентр РСФСР требо-

вал от всех колхозцентров и главдортрансов республики наладить работы по совершенствованию путей сообщения в районах и округах сплошной коллективизации (33), в 1930-х гг. дороги чаще всего оставались такими же разбитыми и непроезжими, как в период нэпа или в досоветскую эпоху. Поэтому, например, по территории Новочеркасского района Азово-Черноморского края (а затем Ростовской области) почту развозили нередко на самолетах, для чего привлекался авиаотряд при Новочеркасском авиационном институте. Как отмечают исследователи, «почту сбрасывали прямо с легкого почтового самолета над крышами сельсоветов, входивших в Новочеркасский район», а «для того, чтобы авиаторы не ошибались, на крышах стансельсоветов белой краской писали крупными цифрами номер почтового отделения» (34).

Таким образом, «колхозное строительство» 1930-х гг. представляло собой не только комплекс мер по модернизации аграрного производства, но и существенно изменило структуры повседневности российской деревни, в том числе культуру и быт казачьих станиц Дона, Кубани и Терека. В первой половине 1930-х гг. эти изменения зачастую носили деструктивный характер, выражаясь в разрушении казачьих куреней и хат, запустении станиц. Уверенные декларации большевиков о культурном развитии казачества в период коллективизации разительного не соответствовали мрачной реальности. Особенно пострадали кубанские казачьи станицы, подвергшиеся в 1932—1933 гг. сокрушительным ударам сталинского режима (в частности, репрессивно-карательного аппарата) на том основании, что казаки, якобы, прислушались к «кулацкой» агитации и саботировали хлебозаготовки.

Положение изменилось лишь во второй половине 1930-х гг., которая ознаменовалась ослаблением давления сталинского режима на колхозное крестьянство СССР (в том числе и на колхозное казачество Юга России), оптимизацией функционирования колхозной системы. Это привело к тому, что трансформации в сфере культуры и быта казачьих станиц не только усилились, но и приобрели положительный, созидательный характер. В данное время широко развернулось создание в коллективизированных казачьих станицах Дона, Кубани и Терека сети учреждений просвещения, здравоохранения, бытового обслуживания и т.д. По существу, о культурно-бытовом обустройстве казачьих станиц Юга России, как о планомерном и последовательном процессе, можно говорить лишь применительно ко второй половине 1930-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Давыдов Ю. «Красный терец» (о колхозе ст. Ново-Павловской, Георгиевского района). — Ростов н/Д., 1931; Радин А.Е., Годович Е.А. Советские казаки. — Ростов н/Д., 1938; Лащилин Б. Станица Михайловская на Хопре. — Сталинград, 1939; Лукин Б.В. К истории донского казачества. — Ростов н/Д., 1939; Гайдаш Н. Калиновский колхоз «15 лет Октября». — Пятигорск, 1940; Корчин М.Н. Донское казачество (Из прошлого). — Ростов н/Д., 1949; Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андропова. — Ростов н/Д., 1970.
- (2) Кофанов П. Земля в походе // Наши достижения. — 1930. — № 4. — С. 32.
- (3) Государственный архив Ростовской области (ГАРО). — Ф. Р-2573. — Оп. 1. — Д. 127. — Л. 14.

- (4) Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). — Ф. 166. — Оп. 1. — Д. 114. — Л. 90.
- (5) Там же.
- (6) Там же. — Л. 41.
- (7) Там же. — Л. 41—42, 43.
- (8) Там же. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 39 об.
- (9) Подсчитано по: ЦДНИ РО. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 50 об — 52.
- (10) ЦДНИ РО. — Ф. 166. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 56.
- (11) ГАРО. — Ф. Р-1390. — Оп. 7. — Д. 442. — Л. 34 об.
- (12) Из статьи секретаря Ивановского райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. Ухова в газете «Молот» о победе социалистического уклада жизни в кубанской станице // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.). Документы и материалы / Под ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. — Ростов н/Д., 1972. — С. 681.
- (13) *Котов Г., Струков М., Горбатенко Г., Френкель Я.* Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. — 1939. — № 5. — С. 149.
- (14) Статистические данные о состоянии просвещения, культуры, здравоохранения [Краснодарского] края в 1937—1939 годах // Краснодарский край в 1937—1941 гг. Документы и материалы / Гл. ред. А.А. Алексеева. — Краснодар, 1997. — С. 525; Справка о состоянии культпросветы работы в крае. 1940 г. // Там же. — С. 534.
- (15) *Шолохов М.А.* Из речи перед избирателями Новочеркасского избирательного округа // Шолохов М.А. Собрание сочинений в восьми томах. — М., 1975. — Т. 8. — С. 65.
- (16) *Лучина С.Ф.* Мои впечатления о поезде в Вешенскую // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников: в 2 кн. / Сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина. — М., 2005. — Кн. 1: 1905—1941 гг. — С. 572.
- (17) *Чилим И.* Станица // Орджоникидзевская правда. — 1937. — 24 октября.
- (18) Там же.
- (19) Там же.
- (20) В казачьих колхозах // Северо-Кавказский большевик. — 1936. — 27 октября; *Чилим И.* Станица на Тереке. Колхозная Калиновка // Северо-Кавказский большевик. — 1936. — 22 декабря.
- (21) Театр казачьей молодежи // Михаил Шолохов в воспоминаниях... — С. 536.
- (22) *Шолохов М.А.* Речь по поводу двухлетия Вешенского казачьего театра // Шолохов М.А. Собр. соч. в 8 т. — М., 1975. — Т. 8. — С. 73.
- (23) *Ерохин А.* Вешенские казаки в Москве // Михаил Шолохов в воспоминаниях... — С. 521—522.
- (24) ЦДНИ РО. — Ф. 76. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 42 об, 43.
- (25) Там же. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 178. — Л. 14, 14 об.
- (26) Там же. — Ф. 76. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 104.
- (27) Там же. — Д. 29. — Л. 24, 78.
- (28) Там же. — Д. 30. — Л. 131, 141; Д. 56. — Л. 61, 62.
- (29) Там же. — Л. 104.
- (30) Там же. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 206.
- (31) *Мар Н., Бусыгин А.* Хутор Лебяжий // Молот. — 1937. — 9 октября.
- (32) ЦДНИ РО. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 245.
- (33) ГАРО. — Ф. Р-2443. — Оп. 2. — Д. 647. — Л. 41.
- (34) *Кирсанов Е.И., Пониделко А.В.* Новочеркасск — столица мирового казачества: История и современность. — М., 2008. — С. 501.

**«THREE BUBENSHIKS, TWO TRANSELISTS,
TWO BUNCHUK»: TRANSFORMATION OF CULTURE
EVERYDAY LIFE OF SOUTH RUSSIA
COSSACK VILLAGE IN 1930S**

A.P. Skorik

Department of Theory of State and Law and Russian History
South-Russia State Technical University
(Novocherkassk Polytechnical Institute)
Prosvesheniya Str., 132, Novocherkassk, Russia, 346428

T.A. Samsonenko

Chair of Tourism and Health Resort Business
Sochi State University of Tourism and Health Resort Business
Sovetskaya Str., 26a, Sochi, Russia, 354000

The cultural and everyday life transformation and development of Cossack villages in the south of Russia in conditions of collective farm building over 1930s are analyzed. The negative impact of forced collectivization on Cossack daily routine is revealed. The positive trends dominating in the sphere of cultural and everyday life of Don, Kuban and Terek Cossacks are elicited and considered as a result of organizational and economic strengthening of the collective farm system taking place in late 1930s.

Key words: recreation centre, village reading room, Cossacks, Cossack chorus, «For Soviet Cossacks» campaign, collectivization, collective farm recreation centre, the sphere of cultural and everyday life, daily routine, Cossack village.

«МЫ БЫЛИ В ШОКЕ»: СОВЕТСКИЙ ПЛЕН И ИНТЕРНИРОВАНИЕ КАК СТРЕСС АККУЛЬТУРАЦИИ (1)

Н.В. Суржикова

Институт истории, археологии и этнологии
Уральское отделение РАН
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, Россия, 620026

Данная статья основана на таком виде источников, как воспоминания, посвящена социокультурным аспектам проблемы советского плена и интернирования. Автором анализируются проявления культурного шока или стресса аккультурации, ставшего следствием непосредственного контакта военнопленных и интернированных с инокультурной средой, а также механизмы и пределы их адаптации.

Ключевые слова: воспоминания, военнопленные, интернированные, культурный шок, стресс аккультурации, психологический дискомфорт, адаптация.

Вплоть до конца XX в. продиктованная политико-идеологическими императивами установка на стерилизацию прошлого страны надолго превратила советский плен и интернирование в маргинальные темы, имевшие негативную маркировку в общественном сознании и исключенные из поля зрения профессиональных историков. Активная проблематизация данной тематики, произошедшая за последние десятилетия, породила внушительную историографическую традицию и вместе с ней — дезориентирующую иллюзию того, что научный поиск в этом направлении близок к завершению. Однако даже поверхностное знакомство с трудами отечественных авторов показывает, что специальные исследования, сфокусированные в основном на изучении политической истории советского плена и интернирования, практически обошли стороной их составляющие культурного свойства.

Плен и интернирование, в основе которых лежит принуждение и подавление, что априори предполагает объектность военнопленных и интернированных и ограниченность их социальных возможностей, безусловно, трудно воспринимать как открытый креативный диалог различных культур. Вместе с тем и плен, и интернирование — не просто изнанка войны, это еще и опыт открывания и познания чужого, сохранившийся в непосредственной — «оперативной» — памяти ее участников. Такая постановка вопроса позволяет аттестовать советский плен и интернирование как новую для обезоруженных солдат противника и гражданских немцев социокультурную реальность, погружение в которую было неизбежным. Легко предположить, что резкая смена обстановки дезориентировала людей, превращая окружающий их мир в мутный и расплывчатый. Стрессогенное воздействие инокультурной среды на пленных и интернированных обретало, в конечном итоге, все те характеристики, которые в 1960 г. были агрегированы американским ученым К. Обергом в понятии «культурный шок» (culture shock) (2). Пренебрегая теоретико-методологическими интерпретациями культурного шока, выработанными западной культурной антропологией и значительно концептуализированными

впоследствии кросс-культурной психологией (3), отметим, что в случае с военнопленными и интернированными это состояние обнаруживало себя практически сразу, и даже в написанных спустя десятилетия воспоминаниях бывших узников системы УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР (4) его приметы хорошо различимы. Симптомы культурного шока, или стресса аккультурации, воспроизведены, в частности, в мемуарах бывших австрийских военнопленных Йозефа Пехмана и Армина Шейдербауера, немецкого солдата Вили Биркемайера и личного пилота А. Гитлера генерала Ганса Баура, интернированных Хорста Герлаха и Хильды Раушенбах, вынужденное путешествие которых в СССР сопровождалось остановками в различных лагерях и рабочих батальонах (5).

Первым проявлением культурного шока у пленных и интернированных стало потрясение от столкновения с чужим языком, а также незнакомыми мимическими и пантомимическими кодами, которые использовались носителями русскоязычной лингвокультурной общности. Так, И. Пехман и его товарищи по несчастью, впервые услышав в день своего пленения, 2 мая 1945 г., русское «давай, давай!», ставшее по признанию всех героев нашего повествования главным символом неволи (6), не сразу поняли суть адресованных им слов, приняв их за прозвучавший на австрийском диалекте приказ «вайтер, вайтер!» (7). Но непонимание чужого наречия, как выяснилось позже, было лишь верхушечным признаком лингвистического шока. Он также выражался через состояние удивления и смущения, которое возникало, когда военнопленные и интернированные улавливали в русской речи то, что на их родном языке звучало странно или неприлично. Неожиданные «трудности перевода» И. Пехман описывал таким образом: «Смех у русских вызывало мое имя, когда один из моих товарищей называл меня вместо Йозеф — Лурр. Для немцев это звучало обычно. Сначала мы не знали, что обозначает этот смех и ухмылки, пока одному из нас не пришло в голову, что у русских с такого же слова начинается ругательство «...твою мать». Оказывается, в этом-то и было все дело» (8).

Обценная лексика, присутствовавшая в разговорной речи русских, поражала воображение пленных и интернированных не только своим обилием. «...Непостижимо, как только люди вообще могли придумать такое! — восклицала Х. Раушенбах. — Вот только одно из ругательств, которое я припоминаю: в нем требуется в самых вульгарных выражениях заниматься развратом с Божьей Матерью!» (9).

Очевидно, что концентрические круги привычных языковых — и не только языковых — ассоциаций здесь не срабатывали, поскольку другой язык изначально предполагал другие ассоциации. Вместе с тем при всей очевидности этнодифференцирующей функции языка открытием для военнопленных и интернированных стало то, что бытовавшая в немецкоговорящей среде традиция называть всех русских Иванами имела русский аналог. Выяснилось, что русские считали всех немцев и австрийцев Фрицами (10), тем самым облачая стереотипы национального сознания в особые вербальные знаки, используемые в сфере реальной коммуникации и сейчас.

Другим источником культурного шока у военнопленных и интернированных очень скоро стали новые для них климатические условия, и прежде всего суровая

русская зима, которая представлялась тем суровее, чем хуже оказывалось питание и непосильней работа. Поэтому Россия в представлении многих так и осталась заснеженной безлюдной равниной или в лучшем случае дремучим лесом, населенным медведями и комарами. По мнению Х. Герлаха, русские сами чем-то напоминали медведей, а что касается комаров, то они стали для него и его «солагерников» настоящим испытанием: «Чудовищно кусаясь, они атаковали нас волна за волной, пытаясь выпить последнюю каплю крови из наших заморенных тел». И далее Х. Герлах рассказывал о «повадках» неведомого «зверя» так, как будто говорил о чем-то действительно редком и диковинном: «В основном они нападали на руки, ноги и головы, высасывая кровь. Единственной отрадой было то, что комары не различали, кто какой национальности, и набрасывались на всех без разбору» (11).

Удивление у гражданских пленных, то есть интернированных, доселе не бывавших на территории СССР, помимо всего прочего, вызывало гражданское платье, в которое были облачены советские женщины и мужчины. Картина русского вокзала, увиденная из окна вагона, поразила Х. Раушенбах именно «нарядами» публики: «Все женщины носили большие платки, закрывающие головы и плечи; у мужчин на головах были меховые шапки с опущенными ушами... Мы смеемся над этим, позже для нас становится привычным такой вид» (12). Шляпы, галстуки и другие западные аксессуары были редкостью даже в Москве, через которую проследовал эшелон с Х. Герлахом, а русские женщины, по его мнению, одевались слишком скромно, не стригли волосы и не пользовались косметикой (13). Сын среднестатистического фермера не уставал удивляться всей этой экзотике, заметив мимоходом и то, что, в отличие от «цивилизованной» Германии, в России «по закону запрещалось загорать в голом виде, без купального костюма» (14).

В числе шокировавших пленных и интернированных факторов далеко не последнее место заняла русская кухня, точнее, кухня советская, а если уж совсем точно — лагерная. В дороге на Восток, голодной и долгой, состоялось первое знакомство пленных и интернированных с сухарями, которые зачастую были их единственной пищей в течение нескольких дней. «Это такие твердые, как камни, остатки хлеба, — объяснял в своих мемуарах И. Пехман. — В них было одно преимущество: их можно было долго держать во рту, и от этого возникало чувство, что желудок наполняется» (15). Судя по емкому и с точки зрения русского человека избыточному описанию, немецких или австрийских сухарей в природе не существовало, а, возможно, где-то не существует и по сей день, учитывая, что во многих странах Европы нормой считается подача к столу свежеспеченного горячего хлеба.

Русский хлеб и в самом деле оказался совсем иным, нежели продукт с тем же названием на родине. Если Х. Раушенбах коротко характеризовала его, русский хлеб, как сырой и тяжелый, то А. Шейдербауер вообще отказал ему в каких-либо достоинствах: «Существовала огромная разница, даже в то время, когда еще шла война, между тем, что мы считали хлебом, и хлебом, который выдавали нам русские. Его выпекали в формах, в жестяных ящиках, потому что из-за невероятно высокого содержания воды тесто обязательно бы растекалось. Но формы надо бы-

ло смазывать, и мы так никогда и не разрешили основной вопрос, делалось ли это с помощью керосина или моторного масла. Поверхностный слой, единственная пропеченная часть, имел зачастую отвратительный вкус и неприятный запах» (16).

Однако тот самый хлеб, чьи качества военнопленные и интернированные оценили столь невысоко, заставил себя уважать: И. Пехман, получивший в день своего 18-летия дополнительную порцию хлеба, признал, что это был самый дорогой подарок, а Х. Раушенбах констатировала, что хлеб в годы неволи стал их единственным утешением. Традиционно трепетное отношение к хлебу в России не могло не передаться иностранцам, поскольку он составлял основу их рациона, а вот культура потребления хлеба «аборигенами» продолжала оставаться чуждой: «Хлеб в России — главный продукт питания, который едят с каждым кушаньем. Здесь даже не знают, что хлеб можно нарезать тонкими ломтиками и чем-нибудь намазывать. Хлеб всегда нарезается толстыми кусками, которые потом отламывают маленькими дольками» (17).

Так или иначе, но и пленные, и интернированные быстро поняли, что значила расхожая фраза «Хлеб — всему голова». Лагерные будни многократно подтвердили, что хлеб в Стране Советов являлся мерилom всего, будучи самой твердой «валютой» и даже основой формирования внутрилагерной иерархии. «Добившимся положения в обществе» у военнопленных и интернированных считался тот, кто получал или «зарабатывал» больше хлеба, процедура, при которой клейкий «сталинский кирпичик» делился на части, превратилась в ритуал, а работа в лагерной «хлеборезке» стала пределом мечтаний для тысяч постоянно недоедавших людей.

При этом характерно, что даже в условиях постоянного недоедания пленные и интернированные сохранили способность изумляться лагерной «стряпне». Новый приступ культурного шока у И. Пехмана вызвала, к примеру, затянувшаяся на полтора месяца кукурузная диета (18), у Г. Баура — уха без малейшего намека на рыбу, которой заключенных Бутырки кормили 365 дней в году (19), у А. Шейдербауера — суп из брюквенных очисток. «Брюквенные очистки использовались на конном заводе в качестве корма для лошадей, — комментировал он предложенные военнопленным кулинарные «изыски», — и я не могу поверить, чтобы русские не знали об этом» (20).

Еще одним поводом для стресса стала повседневная и повсеместная антисанитария, преследовавшая пленных и интернированных с первых дней заключения. Неизменным его атрибутом были вши и клопы, расстаться с которыми, несмотря на регулярно проводившиеся дезинфекции, не было никакой возможности (21). Неудивительно, ведь по свидетельствам В. Биркемайера и И. Пехмана, даже умывание за недостатком, а то и отсутствием воды нередко оказывалось проблемой (22). Попытки добиться каких-то подвижек к лучшему заканчивались ничем, в чем, в частности, воочию убедился Г. Баур сотоварищи, которым однажды было заявлено, что они вполне могут обойтись и десятью зубными щетками на пятьдесят человек (23). В конце концов военнопленным и интернированным пришлось смириться с тем, что кое-как сооруженные из веток, коры и листвы укрытия служили для них палатками, доски, проложенные из одного конца барака в другой в не-

сколько этажей, — кроватями, старые консервные банки с проволокой вместо ручки — посудой, большая яма, кадка в углу помещения или дыра в полу с воронкообразной приставкой — туалетом, сено или солома — постельными принадлежностями. На этом фоне, однако, были и приятные неожиданности, к которым принадлежала русская баня. «Просто удивительно: в этой отдаленной деревне есть баня! — радовалась Х. Раушенбах неожиданному открытию, — Снаружи она выглядит как обыкновенная изба. Но внутри стоят большие, наполненные горячей водой корыта...» (24).

Унитарно-бедным и предельно аскетичным советский быт, к удивлению пленных и интернированных, оказался и вне лагерных бараков, особенно на селе: «Люди здесь очень бедные, это можно видеть по одежде и жилью. Но, тем не менее, у многих есть коровы, которые, как правило, живут вместе с людьми в их бедных жилищах, за перегородкой... На другом конце деревни мы впервые в жизни увидели, как люди живут в землянках... В помещении почти темно, окон нет, керосиновая лампа дает немного света...» (25).

Предметная сфера советского шокировала пленных и интернированных своим минимализмом с первого и до последнего дня их вынужденного соприкосновения с ней. Глядя на русских солдат, катавшихся по двору фермы на велосипедах, Х. Герлах с изумлением осознал, что, похоже, большинство из них никогда не сидело на велосипеде, и это занятие настолько поглотило их, что стало чуть ли не их новым национальным видом спорта (26). Другой казус с анекдотическим оттенком зафиксировал в своих воспоминаниях Г. Баур: «Однажды одному из заключенных в посылке прислали кокосовый орех. Ни один из трех присутствовавших при досмотре советских офицеров ни разу в своей жизни не видел кокосового ореха. Они трясли его и прислушивались к бульканью жидкости, которая находилась внутри него. Ага! Они пригласили лагерного плотника, чтобы он с помощью дрели просверлил в орехе дырочку. Жидкость вытекла. Что было делать? „Это просто консервы!“ Один из русских офицеров поспешил уверить в этом других и сказал: „Да, у нас тоже есть такие консервы. Их делают в Ленинграде!“ Все трое не могли понять, почему немцы так смеются...» (27).

Условия труда в Стране Советов также таили в себе массу неожиданностей. Больше всего военнопленных и интернированных поразила примитивность использовавшихся орудий труда и низкая механизация производства. На работах по возведению деревянных срубов не оказалось «знакового еще с детства станка и плотничьего топорика», на прокладке железнодорожного полотна набивание основания путей галькой и укладывание шпал производились вручную, на погрузке и разгрузке леса вагоны передвигались посредством человеческой силы. Не случайно бесконечно тяжелый физический труд стал символом неволи, и после возвращения домой, глядя на транспорт, груженный лесом, И. Пехман, к примеру, почти автоматически крестился, памятуя о пережитом в плену. Поразительно, но даже нехитрая работа военнопленного-санитара в советском лагере превращалась в долгую и выматывающую процедуру из-за наличия в госпитале единственного градусника на всех (28).

Поскольку труд являлся неременной обязанностью пленных, физическая усталость вскоре стала постоянной, что закономерно порождало невеселые мысли, страхи и опасения. Перспектива серьезно заболеть была одной из самых пугающих; заболев же, оставалось только молиться, чтобы болезнь сопровождалась повышенной температурой, ведь у русских, как выяснилось, больным считался только тот, у кого она была (29). В любых других условиях это открытие вызвало бы снисходительную улыбку, но здесь и сейчас оно неприятно шокировало. Еще больше шокировала перспектива быть зарытым на лагерном погосте, и дело было не только в пугающей перспективе своей безвременной гибели. Смерть на войне была обыденностью и по инерции оставалась таковой и в плену, который для оказавшихся в советских лагерях людей воспринимался как продолжение войны. Ужасало другое. «Я до сих пор не могу забыть того кошмарного состояния, которое у меня было, когда я увидел своего умершего друга раздетым на санях», — писал И. Пехман о своем участии в захоронении пленного Ф. Бирбаумера (30). Вид безжизненного тела, незащитного своей наготой, страшил гораздо больше, чем вид убитых на поле брани солдат. Шок от увиденного усиливался с мыслью о том, что снятые с покойного вещи как казенное имущество сдавались «экономными» русскими на склад или продавались предприимчивой лагерной обслугой на рынке (31).

Вместе с тем следует отметить, что, если вещная сторона советской повседневности еще поддавалась пониманию, исходя из реалий послевоенного времени, то транскрибирование семантики социально-политических отношений являлось для военнопленных и интернированных проблемой. Соционормативная сфера советской культуры, предельно догматизированная и ритуализированная, была настолько богата загадками, что декодировать ее особым образом категоризованные и объективированные элементы было не просто. Наблюдателю в таком положении раскрывалось лишь то, что можно квалифицировать как церемониальное пространство культуры. В воспоминаниях пленных и интернированных назван целый ансамбль факторов, характеризовавших тупики политизированного советского мышления в их процессуальных проявлениях. Так, шок у иностранцев вызвали образы, которыми оперировала советская пропаганда, среди которых были и образы вчерашних «вождей» Третьего рейха: «...Портреты ведущих деятелей Германии, прежде всего изображение Гитлера... можно было узнать по прическе и усам, с дьявольской рожей, похожей на волчью, оскаливших зубы и пожирающих детей. Геринг был похож на свинью, украшенную орденами, у Геббельса были козластые ноги, он бежал из Москвы на Запад по горящим русским деревням» (32).

Эскалация ненависти к врагу как инструмент мобилизации воющего общества была понятна вчерашним солдатам, но она, к их удивлению, продолжалась и в послевоенное время. Мобилизационные мотивы и модели поведения, видимо, глубоко укоренившиеся в общественном сознании, на бытовом уровне обретали свою конкретность в милитаризации повседневной жизни. Не без сарказма практически каждый бывший узник системы УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР подметил, что бесконечные построения и переклички составляли «культовое занятие

русских», своеобразный «пунктик» (33). Прикосновение к неожиданному проявлению чужой ментальности провоцировало новый приступ культурного шока: «...Мы думали о том, что с победой Красной Армии будет побежден и немецкий милитаризм. Мы не предполагали, что именно здесь столкнемся с настоящим ужасом» (34).

Необъяснимым курьезом казалось пленным и интернированным и то, что при любви русских к военной дисциплине, нормированию и регламентации порядка вокруг больше не становилось, скорее, наоборот. Плановое хозяйство и производственные нормы, по наблюдению Х. Герлаха, выглядели практически лишь на первый взгляд: тот, кто работал за двоих, получал двойную оплату, но, с другой стороны, поскольку главная задача состояла в том, чтобы выполнить работу в рекордные сроки, ее качество неизбежно страдало. Кроме того, система в целом была «обюрокрачена» настолько, что «начальник сидел на начальнике», почти не работая, а лишь преумножая всевозможную «бухгалтерию» (35). Разрыв между пропагандируемыми идеалами и действительностью очень быстро обнаружился и в стахановском движении. В его откровенно условном характере не понаслышке убедился И. Пехман, побывавший и в роли саботажника, и в роли передовика производства, ничем при этом не «отличившись» среди других ни в том, ни в другом случае (36).

В опытах по превращению пленных и интернированных в антифашистов или, по крайней мере, сочувствующих советскому режиму приоритет формы над содержанием был не менее очевиден. Однажды в преддверии 1 Мая, вспоминал И. Пехман, военнопленные «приобщились» к официальной советской «обрядовости», простояв на улице, на пронизывающем ветру, в течение нескольких часов: «При этом от всех присутствующих наций говорилось на всех языках. Сначала выступил русский офицер, затем венгерский, немецкий, румынский, а также выступали союзники этих наций, чаще всего это были офицеры. На все языки переводилось только русское обращение. В конце праздничного дня каждая группа должна была спеть кроме своего «интернационала» еще и политическую боевую песню. Около полудня этот праздник, наконец-то, закончился. После этого была еда получше прежней и после обеда мы были свободны» (37).

Донести до иностранцев сакральное значение действия никто не потрудился, равно как и в ситуации прибытия в лагерь комиссии. Само это слово вызывало у русских волнение и трепет: «Комиссия была поводом для того, что все должны раздеться догола, прежде всего убирались к приходу комиссии следы уничтожения клопов. Для этого нары пропитывались керосином, ужасная вонь! Жилища заново белили, и под страхом наказания была запрещена расправа с клопами, пока не кончится комиссия... Даже пол необходимо было циклевать, пускай и осколками стекол, — дурацкая работа! В такой день давали даже особую еду. А потом проходила комиссия, в большинстве случаев с генералом во главе, по баракам, не говоря пленным ни слова и не интересуясь их пожеланиями и жалобами, одна показуха!» (38). Подобные вещи шокировали тотальным безразличием, которое выказывалось заключенным, что усиливало у них чувства бесправия и беспо-

мощности, социальной некомпетентности и одиночества. Это, однако, не мешало пленным и интернированным вникнуть в существо советского социально-политического строя, наиболее четко обозначенное в мемуарах В. Биркемайера: «Ну и система в этом государстве рабочих и крестьян! В малейшей личной инициативе обязательно подозревают какой-то тайный умысел, которому во что бы то ни стало надо воспрепятствовать» (39).

Пытаясь преодолеть психологический дискомфорт, вызванный культурным шоком как необходимостью на время отказаться от «своего» и принять «иное», военнопленные и интернированные были вынуждены мобилизовать все имевшиеся в запасе духовные и физические потенции. Защитная реакция на агрессивное воздействие незнакомой социокультурной среды вызвала такой вполне симметричный ответ, как негативная адаптация, главным проявлением которой стала убежденность пленных и интернированных в их культурном превосходстве над русскими. В ход при этом были пущены как старые стереотипы, так и актуальные наблюдения. Реплики типа «у Бога и русских все возможно», «смотрите, чтобы русские ничего не стащили», «русские работают плохо», «русские — чемпионы мира по импровизациям», «у русских все процессы носят хаотичный характер», «в этом безбожном обществе о чувстве стыда совсем позабыли», «контраст между Россией и западными нациями очевиден» и т.д. и т.п. наглядно демонстрируют, как постепенно формировался негативный образ чужого для вынужденных мигрантов мира (40).

Шутки, анекдоты и едкие замечания про «аборигенов» на самом деле были лекарством, имевшим побочный эффект. С одной стороны, они были прививкой, необходимой для иммунизации пленных от кризиса идентичности, но с другой — способствовали дезинтеграции лагерного сообщества по этнокультурному принципу. Немецкоязычные пленные оценивали свою культуру как лучшую не только по отношению к местной. По их мнению, совершенно «бескультурными» были и румыны, и поляки, и венгры, и молдаване, и японцы, к тому же все они «страдали» от врожденной лени (41).

В плену родная страна казалась поистине раем земным, и тоска по ней заставляла искать среди «солагерников» земляков, с которыми можно было поговорить о доме. «...Уже это, — пишет И. Пехман, — давало почувствовать, что мы больше не одиноки» (42). Более того, в бесконечных разговорах о родине можно было на время забыть, мысленно отгородившись окружением «своих» от враждебной реальности. Реализация стратегии изоляции проявлялась еще и в том, что в пределах лагерных зон пленные, которым, как и прочим советским зекам, было дозволено самоуправление, воссоздавали, где это было возможно, островки немецкого порядка и благоустройства: разбивали газоны, устраивали спортивные площадки, отмечали праздники и памятные даты и пр.

Однако действие культуры носит принудительный характер, и без конца находиться с ней в конфликте еще никому не удавалось. Не удалось это и узникам УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР, вынужденным, осознанно или нет, постигать особенности советского социокультурного ландшафта. Адаптация пленных и ин-

тернированных в той ее части, которую позволительно квалифицировать как позитивную, началась с усвоения ими — в основном «попугайным способом» (термин А. Шейдербауера) — определенного набора лексических единиц. Язык пленных и интернированных превратился в поле активного словотворчества, где возникли словообразования, которые можно квалифицировать как окказионализмы и приближающиеся к ним слова, способные исчезать и снова появляться как новые в любом языке. При этом «инкрустации» русизмов в разговорной речи военнопленных и интернированных в силу закона экономии речевых усилий ограничивались в основном несложными конструкциями. «Мы выучили только те русские слова и выражения, — констатировал И. Пехман, — которые мы слышали и которые для нас были важными» (43). В результате сложилась весьма специфическая социоречевая практика, анализ которой позволяет сегодня безошибочно выявить те точки, где контакт иностранцев с инокультурной средой оказался наиболее тесным (44).

Помимо смягчения языкового барьера, адаптация военнопленных и интернированных предполагала включение механизмов повышенного самоограничения и саморегуляции. Не вникая в суть культурных различий, люди пытались контролировать собственные слова и действия, дабы они не были истолкованы «неправильно». Чаще всего процедура «вписывания» в пространство чужого сводилась к воспроизводству тех поведенческих схем, которые оно навязывало, заставляя пленных и интернированных либо откровенно «обезьянничать», либо попросту молчать, ничем не выдавая их истинного отношения к происходящему. Так, во время представления в лагерном клубе самодеятельных номеров, поставленных с участием антифашистов, остальные вынуждены были аплодировать высмеиванию своего бывшего вождя и притворяться, будто они никогда о нем по-другому и не думали. На митинге, приуроченном к отправке пленных на родину, они предпочли «хором» промолчать, когда один из советских офицеров взывал к их чувству благодарности Советскому Союзу, которому они «задолжали в день по 50 копеек» (45).

Источники свидетельствуют, что арсенал методов борьбы пленных и интернированных с культурным шоком оставался достаточно скромным, как и их успехи на поприще адаптации. Институциональный дизайн советского плена и интернирования, определявшийся логикой геттоизации, предохранял от столкновения с чужим и иностранцев, и «аборигенов». Даже при условии более или менее успешного овладения русским языком и достижении приемлемого уровня повседневной компетентности среда не принимала чужаков и «выталкивала» назад, в ту среду, которую можно назвать «невидимым гетто» — в круг соплеменников и «сокультурников». Именно это, однако, застраховало военнопленных и интернированных от проблем самоидентификации, которые в других условиях могли иметь продолжение в процессах маргинализации и аномии (психическое состояние, когда для человека ничто не свято и не обязательно).

В заключение хочется сказать, что культурный шок или стресс аккультурации, безусловно, не относится к приятным ощущениям, но худа без добра, как известно,

не бывает. Выводя из душевного равновесия, нарушая привычный и удобный ход вещей, стрессогенное воздействие чужого побуждало пленных и интернированных принимать меры либо направленные на возвращение утраченного баланса, либо ведущие к новой ступеньке самоактуализации личности, к новому этапу в циклах обновления, которым подвержен человек при смене эпох, обстоятельств и окружения. Обретенный в годы неволи опыт не только закалял тело и укреплял дух, но и расширял горизонты человеческого восприятия. Сами того не замечая, пленные и интернированные начинали лучше понимать источники собственного этноцентризма и приобретали новые взгляды на природу культурного многообразия. Привитая не самым гуманным образом терпимость к иному учила жить в постоянно меняющемся мире, где этнополитические границы имеют все меньшее значение и все большую роль играют непосредственные контакты между людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В названии использована цитата из книги: *Герлах Х. В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного. 1945—1946 гг.* — М., 2007. — С. 114. Требуется пояснить, что на самом деле Х. Герлах был не пленным, а интернированным.
- (2) *Oberg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology.* — 1960. — № 7. — P. 177—182.
- (3) *Adler P. The Transitional Experience: An Alternative View of Cultural Shock // Journal of Humanistic Psychology.* — 1975. — № 15. — P. 13—23; *Berry J.W. Psychology of Acculturation // J. Berman (Ed.). Cross-Cultural Perspectives: Nebraska Symposium on Motivation.* — Lincoln, 1990. — P. 457—488; *Berry J.W., Annis R.C. Acculturative Stress: The Role of Ecology, Culture and Differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology.* — 1974. — № 5. — P. 382—406; *Berry J.W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative Studies of Acculturative Stress // International Migration Review.* — 1987. — № 21. — P. 491—511; *Bochner S. (Ed.). Cultures in Contact.* — Oxford, 1982; *Bock Ph.K. (Ed.). Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology.* — N.Y., 1970; *Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments.* — L., 1986; *Preston J. Cultural Shock and Invisible Walls // SUNY International Programs Quarterly.* — 1985. — № 1 (3/4). — P. 28—34; *Redden W. Culture Shock Inventory Manual.* — New Brunswick, 1975.
- (4) УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР — Управление (с января 1945 г. — Главное управление) по делам военнопленных и интернированных, созданное в структуре НКВД СССР в сентябре 1939 г. и ликвидированное в 1953 г. с передачей его функций и контингентов Тюремному управлению МВД СССР.
- (5) *Баур Г. Русский плен // Герлах Х. В сибирских лагерях...* — С. 183—238; *Биркемайер В. Оазис человечности № 7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного.* — М., 2005; *Герлах Х. В сибирских лагерях...; Раушенбах Х. Ссылка в Сибирь: Ich war verchleppt nach Sibirien.* — Шадринск, 2000; *Шейдербауер А. Жизнь и смерть на Восточном фронте. Взгляд со стороны противника.* — М., 2007; *Пехман И. «Давай, давай!». Мой плен на Урале 2 мая 1945 — 17 декабря 1947 // Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1945—1956).* — Екатеринбург, 2006. — С. 346—402.
- (6) См.: *Биркемайер В. Оазис человечности...* — С. 24—25; *Раушенбах Х. Ссылка в Сибирь...* — С. 21—23; *Шейдербауер А. Жизнь и смерть...* — С. 300; и т.д.
- (7) *Пехман И. «Давай, давай!»...* — С. 349.
- (8) Там же. С. 384—385.
- (9) *Раушенбах Х. Ссылка в Сибирь...* — С. 76.
- (10) *Пехман И. «Давай, давай!»...* — С. 353. См. также: *Биркемайер В. Оазис человечности...*

- (11) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 22, 95.
- (12) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 7.
- (13) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 145.
- (14) Там же.
- (15) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 357, 360. См. также: *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 66.
- (16) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 20, 58; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 298.
- (17) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 58, 89; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 363.
- (18) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 364.
- (19) *Баур Г.* Русский плен... — С. 191.
- (20) *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 294.
- (21) *Баур Г.* Русский плен... — С. 188—189; *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 39; *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 23, 29; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 325; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 354, 357.
- (22) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 93; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 371—372.
- (23) *Баур Г.* Русский плен... — С. 190.
- (24) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 34.
- (25) Там же. — С. 35.
- (26) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 28.
- (27) *Баур Г.* Русский плен... — С. 225.
- (28) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 77, 78; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 362, 367, 370, 379, 390, 394.
- (29) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 34; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 379.
- (30) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 374—375. См. также: *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 28, 66—67; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 305.
- (31) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 72, 74.
- (32) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 352.
- (33) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 30; *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 63; *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 26; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 324.
- (34) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 371.
- (35) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 230; *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 78, 116, 136.
- (36) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 376, 380, 396.
- (37) Там же. С. 377.
- (38) Там же. С. 393. См. также: *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 60.
- (39) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 100.
- (40) *Баур Г.* Русский плен... — С. 229, 234; *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 121, 125; *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 123, 134; *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 42, 93; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 369, 380, 384.
- (41) *Герлах Х.* В сибирских... — С. 74, 1014; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 369—370, 372, 374, 376.
- (42) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 358. См. также: *Баур Г.* Русский плен... — С. 202, 203.
- (43) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 389.
- (44) См. об этом: *Суржикова Н.В.* Русские языковые вкрапления в речи немецко-говорящих военнопленных Второй мировой войны // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. — Тюмень, 2005. — С. 119—121.
- (45) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 381, 399.

**«WE WERE SHOCKED»:
SOVIET CAPTIVITY AND INTERNMENT
AS ACCULTURATION STRESS**

N.V. Surzhikova

Institute of History, Archeology and Ethnology
Ural Department of Russian Academy of Sciences
Rosa Luxemburg Str., 56, Ekaterinburg, Russia, 620026

N.V. Surzhikova's article based at the specific source type — memories — covers social and cultural issues of the Soviet captivity and internment. The author analyses manifestation of cultural shock or a stress of acculturation that proceeded from the direct contact of the prisoners and interned persons with another cultural conditions as well as mechanisms and limits of their adaptation.

Key words: memories, war prisoners, interned persons, cultural shock, acculturation stress, psychological discomfort, adaptation.

ОБРАЗ ВРАГА ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В ДЕТЕКТИВНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ ФИЛЬМАХ 1950—1980-Х ГГ.: ЗРИТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

А.Г. Колесникова

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, Москва, Россия, 125993

В статье приводятся и анализируются статистические данные и письма с отзывами советских зрителей, адресованные съездам Союза кинематографистов СССР, доказывающие наличие широкой зрительской аудитории у детективно-приключенческих фильмов 1950—1980-х гг. Рассматривается проблема воздействия «образа врага» на советского зрителя.

Ключевые слова: «холодная война», детективно-приключенческий жанр, образ врага, историческая память.

В период «холодной войны» созданный средствами советской пропаганды образ врага, выполнив свою основную функцию по консолидации и мобилизации общества, надолго остался в визуально-информационном пространстве и, как следствие, в исторической памяти.

Историческая память в контексте данного исследования понимается «как ценностная опора национального самосознания, источник самооценки народа, а во многом — ценностей и идеалов, определяющих силу нации, ее способность к развитию, к преодолению трудностей и препятствий, способность выдерживать исторические испытания» (1). Особое значение имеет память о военной истории, поскольку войны (в том числе и идеологические, такие как «холодная война», исключая прямые военные столкновения непосредственных противников) являются апогеем напряжения сил, проверкой «на прочность» государств и их исторической состоятельности.

В статье приводятся и анализируются некоторые статистические данные (главным образом, исследования бывшего НИИ теории и истории кино при Госкино СССР, ныне НИИ киноискусства, и данные анкетирования журналов «Советский экран» за разные годы) и письма с отзывами советских зрителей (адресованные Съездам Союза кинематографистов СССР), доказывающие наличие широкой зрительской аудитории у детективно-приключенческих фильмов 1950—1980-х гг. Кроме того, рассматривается проблема воздействия персонажей образа врага на советского зрителя.

Прежде всего, необходимо раскрыть содержание некоторых писем читателей разных лет в советские периодические издания. Так, в 1958 г. в связи с нашумевшим случаем — скандалом между двумя известными изданиями — «Ли-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

тературной газетой» и «Советским экраном» — в первое издание было направлено множество писем читателей журнала («Литературная газета» опубликовала статью «Ради рекламы» за подписью некоего «Литератора» от 9 января 1958 г. с жесткой критикой журнала «Советский экран» за неинформативную рекламную деятельность).

Среди этих посланий было письмо некой Ф.Я. Гершгорн, читательницы журнала «Советский экран» из Москвы. Она была возмущена тем, что «Литератор» назвал в своей статье фильм «Тайна двух океанов» (Грузия-фильм, 1955 г.) откровенно слабым и пропагандистским произведением: «Я и моя дочь, например, не раз посмотрели этот фильм с большим удовольствием. А знаете ли Вы, что этот фильм посмотрели десятки миллионов советских зрителей?» (2).

Читательница «Советского экрана» права: этот фильм стал одним из лидеров проката 1957 г. (6 место в прокате). С ней согласны еще несколько читателей журнала, которых возмутила низкая оценка, данная «Литератором» фильму «Тайна двух океанов» (3). Можно сделать вывод, что подобный отклик читателей не мог возникнуть просто так: эти люди посмотрели фильм (некоторые — не по одному разу!), он им понравился, причем настолько, что, увидев статью с его критикой, тут же ответили возмущенными письмами в адрес редакции.

Можно привести еще несколько ярких примеров за другие годы. В № 14 журнала «Советский экран» за 1978 г. развернулась полемика в рубрике «Отклики, отклики»: происходило обсуждение таких фильмов в жанре «детектив», как «Транссибирский экспресс», «Мертвый сезон» (4).

В целом, отклики на эти картины самые положительные: «до этого фильма не было такого понимания человеческой психологии, таких сильных, запоминающихся характеров» (5) (читатель А. Курганов из Коломны про «Транссибирский экспресс»); «когда-то смотрел фильм на одном дыхании» (6) (читатель С. Хохлов из Калуги).

В № 21 за этот же год также приводится несколько писем читателей в защиту жанра «детектив» под названием «Очень трудный легкий жанр» (7). Читательница Ирина Н. (19 лет) пишет: «Такие фильмы, как „Мертвый сезон“... действительно найдут отклик в душе. Это фильмы приключенческие, но в то же время глубоко жизненные, в них выдвигаются проблемы, волнующие людей» (8).

Весьма показательными с точки зрения влияния кинематографических версий образа врага являются письма советских зрителей к I и II Съездам кинематографистов СССР с отзывами на некоторые игровые фильмы. Так, в письме юных зрителей детского кинотеатра «Пионер» (г. Львов) в Президиум I Учредительного съезда Союза кинематографистов СССР (ноябрь 1965 г.) ребята просят работников кинематографии не только о создании экранизаций их любимых книг. «Нам хочется увидеть фильмы о героизме советских людей, о борьбе наших чекистов со всякими *врагами* нашей Родины; мы убедительно просим вас создать фильмы о детях — помощниках *пограничников*» (9), — говорится в письме. Даже относясь к этому источнику с известной долей критики, можно говорить о том, что «просьба» детей была услышана и после 1965 г. на большой экран выходит се-

рия фильмов о борьбе советской разведки с западногерманскими и американскими шпионами и диверсантами; были сняты также фильмы и о приключениях детей в приграничных районах, об их помощи пограничникам в поимке диверсантов и нарушителей советской границы.

В письме инженера Г.И. Рогова (г. Ульяновск) работникам кинематографии, собравшимся на I Учредительный съезд Союза кинематографистов СССР (декабрь 1965 г.) поставлена проблема обличения новых «классовых врагов»: «По моему мнению, надо начать с привлечения к ответу наших противников *в прошлой и новой войне* — носителей идей войны. И конечно необходимо обрушить всю силу видов искусства, в первую очередь, кино на поджигателей войны в настоящее время, начиная с американских и английских... А всякие Аденауэры — только люди на побегушках у этих военных воротил» (10). Если не принимать во внимание имеющийся идеологический «налет», это письмо — типичное письмо советского человека эпохи «холодной войны». Вполне отчетливо звучат призывы к критике идейных противников с помощью средств игрового кино; причем критика эта должна быть направлена не только на побежденный немецкий фашизм (противники в прошлой войне), но и на *нынешних поджигателей войны* — американцев, англичан и западногерманское правительство («Аденауэры на побегушках»). Встречаются письма с призывами снимать больше *психологических детективов*, отходить от сложившихся штампов в изображении врагов и положительных героев (11). В целом, снятые до 1965 г. детективно-приключенческие ленты оцениваются зрителями положительно: «Разве не победа нашего киноискусства создание таких фильмов, как „Летят журавли“, „Над Тиссой“, „Как Вас теперь называть?“», — пишет учитель школы № 49 С.В. Блохин из г. Ростова.

Оценивая в целом письма зрителей, присланные до и во время работы II Съезда кинематографистов СССР (10 мая — 8 июня 1971 г.), можно отметить, что в большинстве своем зрители *позитивно* оценивают снятые за последние годы кинофильмы, однако по-прежнему просят снимать побольше *психологических детективов* (просят экранизировать детективные произведения советских и зарубежных авторов, например, О. Пинто «Охотник за шпионами» и А. Адамова «Черная моль» и «Дело пестрых» (12)), комедий и военно-исторических картин о событиях Второй мировой войны.

Можно заключить, что, во-первых, советский зритель находился под огромным влиянием тех версий образа врага, которые были созданы до начала 1960-х гг. (шпионы, диверсанты, бывшие нацисты и др.), во-вторых, остро реагировал на политическую конъюнктуру (конечно, в русле идейных установок КПСС), в-третьих, *действительно смотрел* советские детективы, находя в них как положительные, так и отрицательные стороны, с нетерпением дожидаясь следующей «шпионской» киноленты (13). Таким образом, детективный жанр (каким он был в СССР), по праву считающийся развлекательным, «легким», пришелся по душе советским гражданам; об этом свидетельствуют и впечатляющие данные о прокате фильмов, и отзывы потенциальных зрителей, и, кроме того, данные статистических исследований.

Статистические исследования в области кинематографии начинаются с 1960-х гг. Киноведа Г.М. Лившиц, А.Л. Богданов и Л.А. Васильева исследуют социологические аспекты кинопосещаемости в конце 1960-х — 1970-х гг. (14). Согласно выстроенному ими соотношению жанрово-тематических групп, в 1969 г. было выпущено 45 фильмов, из них 4 — детективно-приключенческих, в 1972 г. всего в прокат вышло 60 фильмов, 7 из которых — в жанре «детектив» (15). На этом примере можно убедиться, что количество фильмов в данном жанре росло пропорционально числу снимаемых кинокартин; их не становилось меньше, они всегда находили своего зрителя, о чем свидетельствуют данные анкетирований, проведенных НИИ теории и истории кино при Госкино СССР и журналом «Советский экран».

Например, в результате проведения НИИ киноискусства анкетирования в 1966 г. был выявлен список из 12-ти лучших отечественных фильмов, и 8-е место в нем занимает детективно-приключенческая лента «Как Вас теперь называть?» (Мосфильм, 1965 г.) (16). Сопоставим эти данные с результатами опроса журнала «Советский экран» за этот же год: этот фильм входит в 10-ку лучших по итогам опроса, занимая 7-е место (17). Исходя из данных, представленных НИИ киноискусства, фильмы детективно-приключенческого жанра пользуются популярностью у служащих, студентов, работников сферы быта и услуг, учащихся школ, т.е. обширной категории советских граждан. Кроме того, «шпионское» кино по достоинству оценивается зрителями с высоким уровнем образования (например, фильмы «Игра без правил», «След в океане» только 7% зрителей с высшим образованием оценили отрицательно) (18); эти оценки в основном подтверждаются данными «Советского экрана» за 1966 год (№ 10) (19). В анкете 1966 г. также исследуется проблематика любимого героя: в возрастной группе с 16 до 25 лет довольно много персонажей советских воинов-чекистов (тех образов, которые противопоставлены образам врага).

Интересны также опубликованные данные анкеты журнала «Советский экран» за 1969 г. (№ 10 за май 1970 г.): в списке из 10-ти фильмов, получивших наибольшее одобрение участников опроса, кинолента «Мертвый сезон» (Ленфильм, 1968 г.) на 7-м месте; кроме того, 14% участников опроса считают его лучшим фильмом 1969 г. Актер Донатас Банионис, сыгравший в этом фильме главную роль (разведчик Ладейников), был признан 2-м в категории «лучший актер» (он «уступил» 1-е место только Олегу Стриженову) (20). Некоторые статистические данные за более поздние годы имеются в исследованиях сотрудников НИИ киноискусства; проблемы социологии кино стали активно исследоваться только в 1970-е гг.: например, Ю.А. Востриков, занимаясь вопросами посещаемости, отмечает, что наибольший успех имели фильмы о Великой Отечественной войне — у 46,6% зрителей, комедии — у 51,9% зрителей, мелодрамы — у 41% зрителей и детективы — у 32,1% зрителей соответственно (21).

Таким образом, невозможно поставить под вопрос популярность детективно-приключенческого кино в СССР — об этом свидетельствуют многие источники, в том числе киностатистика. К сожалению, анкетирование журнала «Советский экран» проводилось, во-первых, нерегулярно, во-вторых, оно не могло охватить

всю зрительскую аудиторию СССР, а в-третьих, справедливости ради надо отметить, что не все детективные ленты периода «холодной войны» входят в списки лучших фильмов. Итак, потенциальные зрители у фильмов детективного жанра в период «холодной войны» имелись в достаточном количестве: судя по данным опросов, это были многочисленные категории граждан (школьники, студенты, рабочая молодежь, служащие и др.) (22). В этих фильмах зрителей привлекал не только сюжет, но и психологизм характеров, моральные приоритеты героев, проблемы противостояния врагам всех категорий.

Если учесть, что за 1950—1980-е гг. было снято *более 50-ти кинокартин детективного жанра*, в которых так или иначе был использован «образ врага, то можно представить себе аудиторию тех, кто принял на себя *эффект воздействия кинематографических образов*. Под таким эффектом в данном исследовании понимаются все те изменения, количественные и качественные, происходящие в сознании и поведении человека в *предкоммуникативной* (до просмотра картины), *коммуникативной* (во время просмотра) и *посткоммуникативной* (после просмотра) фазах его контакта с продуктами кинопроизводства (23). Посткоммуникативная фаза связана еще и с возникающим в дальнейшем *эффектом исторической памяти* — долговременной ретрансляции последствий тех изменений, которые произошли в зрителе под воздействием фильма.

Действительно, как показали данные социологических опросов, поведение зрителя избирательно: из потока текущего кинорепертуара он выбирает определенный фильм для просмотра, таким образом, зрительский выбор является условием воздействия фильма, т.е. степени его привлекательности. Но решение посмотреть фильм, кроме того, зависит и от аттрагирующих его свойств, т.е. степени его привлекательности. Что касается коммуникативной фазы, то, по мнению социолога кино М. Жабского, на ней происходит информационно-заражающее воздействие: «то есть фильм сообщает зрителю определенную информацию и заражает определенными чувствами» (24). Далее, в посткоммуникативной фазе человек обдумывает фильм, обсуждает его с друзьями и знакомыми, т.е. фильм по-прежнему оказывает на него влияние. Наконец, получив определенную информацию и, возможно, в какой-то степени преобразившись под влиянием фильма, человек иначе чувствует, думает, ведет себя.

Теперь вставим эти теоретические выкладки в исторический контекст. Детективно-приключенческое кино периода «холодной войны» — это тип развлекательного и, одновременно, пропагандистского кино, в котором посредством различных художественных приемов визуализируется система образа врага. Она носит *официальный* характер, на ее формирование и эволюцию направлены усилия ряда государственных органов, вследствие чего «шпионское» кино находится в период «холодной войны» под многоступенчатым контролем власти. То есть советским зрителям изначально представляется продукт киноискусства, обладающий как ярко выраженными аттрагирующими свойствами (увлекательный сюжет, погони, драки, тайны, приключения, игра знаменитых актеров), так и официально сконструированной системой идеологических символов.

Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что образы и характеристики, дающиеся в этих фильмах западному обществу (политической системе, гражданам, продуктам его духовной и материальной культуры), усваивались советским зрителем по той причине, что, согласно Постановлению ЦК КПСС от 8 августа 1963 г. «О порядке показа кинофильмов», показ кинофильмов производства студий капиталистических стран запрещался (делалось лишь послабление по согласованию с Госкино СССР) (25). Таким образом, реалии западного образа жизни возникали перед среднестатистическим советским зрителем в основном из *отечественных* игровых фильмов, т.е. из фильмов, изначально идеологизированных, «нагруженных» необходимыми образами, в том числе и элементами образа противника в «холодной войне» (внешнего «западного» врага и его пособников из числа советских граждан).

Можно привести цитату из выступления на заседании Президиума Оргкомитета союза работников кинематографии СССР (еще 14 сентября 1957 г.) одного из известных в свое время кинематографистов Б.А. Метальникова — режиссера и сценариста фильмов на производственные и сельские темы: «Говорили и совершенно справедливо, сейчас идет самая ожесточенная идеологическая борьба. Буржуазная критика ведет нападки на киноискусство, на принципы социалистического реализма. Нам нельзя об этом забывать, нельзя забывать об окружении. Но мне кажется, что все-таки нельзя забывать и о том, что происходит у себя в тылу... мы должны бороться с отрицательными явлениями *у себя внутри*. Мы должны делать картину, условно говоря, *для внутреннего потребления*. Давайте не будем давать их на внешний рынок. Почему у искусства, которое всегда было острым оружием, хотят затупить острие этого оружия?» (26).

Следовательно, можно предположить, насколько значительную роль в распространении образа врага в массовом сознании советского общества играл художественный кинематограф: постепенно система негативных характеристик создавала в сознании устойчивые стереотипы, обладающие еще и *кумулятивным свойством*. Под этим термином следует понимать последствия восприятия советским зрителем на протяжении всей его жизни повторяющихся схем историй, образов, идеологических посланий, содержащихся в продуктах киноискусства.

В результате проведенного анализа совокупности игровых фильмов 1950 — первой половины 1980-х гг., так или иначе представляющих на экране образ врага, были выявлены следующие явления.

Можно констатировать постепенные изменения в трактовке образа врага, представленного в художественных фильмах, а также отметить его заметную трансформацию в периоды усиления конфронтации между СССР и странами Запада. Это было связано во многом с культурной политикой советской власти, включающей многосторонний контроль над сферой искусства, и кинематографом в частности.

Образ врага периода «холодной войны» как явление устойчивое, если иметь в виду его присутствие в игровом кино, как совокупность негативных характеристик потенциального противника не мог не отложиться в исторической памяти

общества, влияя на массовое сознание, помогая власти выстраивать в нем определенные представления.

Это подтверждается присутствием «вражеского» элемента в советском детективном игровом кино весьма *длительный период времени* — вплоть до конца 1980-х гг. Период «холодной войны» определяется воздействием так называемого кумулятивного эффекта на сознание советских граждан, что подразумевает распространение стабильных, прочных и повторяющихся образов и представлений, выражающих институциональные характеристики, данные советским государством своим «идеологическим противникам».

Значимость исторической памяти для коллективного сознания велика и необычайно важна в деле налаживания международных отношений. Так, память об идеологическом противнике имеет две стороны (27).

С одной стороны, эта память в сознании людей носит стихийный характер, так как принадлежит области массовой социальной психологии; с другой стороны, историческая память и ее отдельные элементы формируются под воздействием института государства посредством пропаганды, через массовые произведения искусства (литература, кинематограф).

Можно с уверенностью утверждать, что несколько поколений людей, родившихся и выросших во время «холодной войны», воспитаны на произведениях массового искусства, в которых элементы образа врага присутствовали в полном объеме и, безусловно, повлияли в дальнейшем на позицию этих людей по отношению к «враждебной» нации.

Проблема исторической памяти, тесно связанная с особенностями восприятия медиатекстов (таких, например, как художественные фильмы), содержащих элементы образа врага, может и должна исследоваться в каждом конкретном случае в комплексе с продуктами средств массовой информации и пропаганды.

Внимание власти к проблемам насыщения произведений киноискусства определенными образами и идеями связано, главным образом, с тесным влиянием продуктов идеологии на национальное самосознание, «которое, в свою очередь, имеет решающее влияние на развитие страны, жизнеспособность народа и государства в условиях нестабильности» (28). Значимыми являются представления о противнике, с которым велась война (пусть и «холодная»), как составляющая исторической памяти. Эти представления имеют свойство не исчезать, а вновь и вновь актуализироваться в периоды обострения внешнеполитических отношений с бывшим противником, как это было на протяжении десятилетий «холодной войны», когда элементы образа врага в игровом кино то проявлялись отчетливо, выстраиваясь в иерархичную систему негативных персонажей (1950-е — начало 1970-х гг., первая половина 1980-х гг.), то практически полностью исчезали либо смягчали свое негативное содержание (как это было в период разрядки международных отношений с 1972 по 1979 гг.).

Последствия воздействия идеологически окрашенной фигуры врага в советском киноискусстве можно оценить как факторы, во многом детерминировавшие современное отношение россиян к западному и американскому социумам, их представителям, культуре, искусству и политике.

«Холодная война», как полагают многие историки, закончилась с распадом СССР в 1991 г., однако отдельные ее отголоски и рецидивы имеют место по сей день. На современном этапе можно говорить о том, что интенсивная многолетняя пропаганда дала свои результаты.

Тенденции нарастания, например, антиамериканизма в российском обществе на данный момент прослеживаются достаточно отчетливо. Этому способствовали и бомбардировки Югославии в 1999 г. (Официальным поводом начала военных действий было объявлено присутствие сербских войск на территории Косово и Метохии; с марта по июнь 1999 г. войска НАТО проводили военные действия на территории Сербии. Основная часть военной операции состояла в применении авиации для бомбардировки военных и гражданских объектов: погибло, по-видимому, не менее 2000 гражданских лиц, около 6000 были ранены в ходе бомбардировок.) (29), и недавний грузино-юго-осетинский вооруженный конфликт августа 2008 г. (8 августа 2008 г. к конфликту на стороне Южной Осетии официально присоединилась Россия в рамках операции по принуждению Грузии к миру; 9 августа 2008 г. — Абхазия в рамках соглашения о военной помощи между членами содружества непризнанных государств; 12 августа Россия официально объявила об успешном окончании операции по принуждению грузинских властей к миру).

США и ряд прибалтийских стран активно поддержали нападение Грузии на Южную Осетию для «наведения конституционного порядка» на ее территории. Россия защитила независимость самопровозглашенной республики вооруженным путем, давая «втянуть» себя в новую конфронтацию с западным сообществом и, прежде всего, с США. После этого конфликта в начавшейся *информационной войне* (это социальное явление проявилось как социально опасная форма информационного противоборства, осуществляемого различными средствами и способами воздействия на информационно-психологическую сферу противника с целью решения стратегических задач) вновь стал конструироваться образ врага. Сферой его бытования становится Интернет, телевизионные программы, авторские ток-шоу и др. Причем его основные элементы отчасти повторяют образ врага «холодной войны», воплощаются в подобных образах: диверсанта, шпиона, а также их пособников, «милитаристскую» элиту США.

Апогеем проявления черт вновь созданного образа врага явился фильм «Олимпиус Инферно» (30) (Производство Первого канала, премьера 29 марта 2009 г.), где помимо негативных персонажей грузинских военных есть и американский «вражеский» элемент.

Таким образом, проблема образа врага тесно связана с тем кумулятивным эффектом, который порождается в процессе его бытования в информационно-визуальном поле и детерминирует феномен исторической памяти, характеризуя ее значимость для массового сознания. С одной стороны, образ врага носил черты идеологии (т.е. продукта идеологии), сконструированной институтами власти, с помощью которой правящая элита, не затрачивая значительных ресурсов, решала сразу несколько стратегических задач (сохранение и увеличение власти, мобилизация человеческих ресурсов советского государства, подавления внутренней оппозиции и др.).

С другой стороны, можно говорить о взаимной обусловленности как идеологической, так и стихийно-массовой составляющей образа врага периода «холодной войны». Образ врага в период «холодной войны» — это не только комплекс представлений, сформированный средствами массовой информации и долговременной пропаганды в ходе самого процесса глобального политико-идеологического противостояния СССР и стран Запада, это еще и историко-культурное наследие, «эхо войны», которое (конечно, с отдельными структурными изменениями) стимулирует *феномен исторической памяти*. «Важнейшим субъектом, формирующим историческую память, является государство, а фактором — политическая конъюнктура (политический режим, взаимоотношения с государством — бывшим противником и др.)» (31). В контексте данного исследования историческая память подтверждает свое значение сложного феномена сознания постольку, поскольку через нее из поколения в поколение будет передаваться и претерпевать конъюнктурные изменения та система образа врага в «холодной войне», которая была визуализирована в том числе и в игровом кинематографе данного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // *Отечественная история*. — 2007. — № 2. — С. 139.
- (2) Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). — Ф. 5. — Оп. 36. — Д. 78. — Л. 65.
- (3) РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 36. — Д. 78. — Л. 67—68.
- (4) Отклики, отклики. Письма читателей // *Советский экран*. — 1978. — № 14. — С. 17.
- (5) Там же.
- (6) Там же.
- (7) Очень трудный легкий жанр. Письма читателей // *Советский экран*. — 1978. — № 21. — С. 14.
- (8) Там же.
- (9) Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). — Ф. 2936. — Оп. 4. — Д. 12. — Л. 15.
- (10) РГАЛИ. — Ф. 2936. — Оп. 4. — Д. 13. — Л. 54.
- (11) См.: РГАЛИ. — Ф. 2936. — Оп. 4. — Д. 316. — Л. 79—80.
- (12) Там же. — Л. 81.
- (13) Там же.
- (14) См.: *Лившиц Г.М., Богданов А.Л. и др.* О динамике кинопосещаемости // *Кино и зритель: проблемы социологии кино*. Сб. науч. тр. — М., 1978. — С. 39—58.
- (15) См.: Там же. — С. 42.
- (16) См.: *Кочан Л.Н., Томилов Г.А. и др.* Кино и зритель: опыт социологического исследования. — М., 1968. — С. 168—169.
- (17) См.: Там же. — С. 194.
- (18) См.: Там же. — С. 215.
- (19) *Советский экран*. — 1966. — № 10. — С. 18—19.
- (20) Там же. — 1970. — № 10. — С. 1.
- (21) См.: *Востриков Ю.А.* Проблема посещаемости как практическая проблема // *Проблемы социологии кино: Материалы заседания Совета по координации научно-исследовательских работ в области киноведения*. — М., 1978. — С. 127.
- (22) См.: *Мухин П.Я., Орлова В.Я.* Кино и зритель: статистика общественного мнения. — М., 1987. — С. 71.

- (23) См.: *Жабский М., Тарасов К. и др.* Кино в современном обществе: функции — воздействие — востребованность. — М., 2000. — С. 106—107.
- (24) Там же. — С. 106.
- (25) РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 55. — Д. 51. — Л. 144.
- (26) Там же. — Ф. 2936. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 104.
- (27) См.: *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. — М., 2006. — С. 250.
- (28) См.: Там же.
- (29) Война НАТО против Югославии // <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- (30) Олимпиус Инферно. (Производство Первого канала, 2008 г.) // http://www.youtube.com/view_play_list?p=E03BEAB0054F18B3
- (31) *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. — М., 2006. — С. 250.

IMAGE OF THE ENEMY OF THE PERIOD OF «COLD WAR» IN DETECTIVE AND ADVENTURE FILMS 1950—1980S: THE SPECTATOR'S AUDIENCE AND THE PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY

A.G. Kolesnikova

Russian State University for the Humanities
Miusskaya Sqr., 6, Moscow, Russia, 125993

Some statistical data and letters with responses of the Soviet spectators are analyzed in this article. These materials prove presence of a wide spectator audience at detective films 1950—1980s. Some generations of the people who born and have grown during «cold war», are brought up on products of soviet art cinema in which elements of an image of the enemy were present in full and, certainly, have affected a position of these people in relation to the «hostile» nation in the further.

Key words: «cold war», detective and adventure films, image of the enemy, historical memory.

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПИШПЕК: ОТ КАЗАЧЬЕГО ПИКЕТА ЦАРСКОЙ РОССИИ ДО ГОРОДСКОГО СТАТУСА

И.Ю. Бартенева

Кыргызско-российский славянский университет
ул. Киевская, 44, Бишкек, Кыргызстан, 720000

Статья о дискуссионной проблеме установления времени основания столицы современного Кыргызстана городе Пишпек — Фрунзе — Бишкек.

Ключевые слова: время основания, столица, Кыргызстан, Пишпек, Фрунзе, Бишкек.

В последнее время на страницах СМИ в научных кругах разгорелась дискуссия о времени основания города и определении празднования его возможного юбилея.

30 лет назад, в 1978 г., был торжественно отмечен столетний юбилей города, затем 125-летний юбилей, в 2008 г. намечалось проведение 130-летнего юбилея. Но тут появилась серия околонучных статей об удревлении времени основания города. В научный оборот были введены эпические и фольклорные источники; со своими более древними датировками выступили археологи и нумизматы, писатели и журналисты.

Попытаемся рассмотреть вопрос на основе исторических первоисточников и восстановить дату основания Пишпека именно как города, с официальным статусом города.

Дискуссия вызвала множество вопросов, одним из которых стал — действительно ли ему 130 лет? В результате новых проведенных исследований ученые (археолог В.Д. Горячева, историк-нумизмат А.М. Камышев, кыргызстанский археолог Валерий Кольченко и германский археолог Филипп Ротт), опираясь на исследования В.В. Бартольда, А.Н. Бернштама, П.Н. Кожемяко, С. Табышалиева, С. Аттокурова, высказались за то, что городская культура в Чуйской долине возникла еще в средневековье и что, соответственно, первые городские поселения, в том числе на месте Бишкека, возникли 1500 лет назад. И исторически сохранившимися именами нашего города за всю его историю были Джуль — Пишпек — Фрунзе — Бишкек (1).

Говоря об историко-культурном прошлом городской территории и ее ближайших окрестностей, следует отметить, что их хозяйственно-культурное освоение началось здесь задолго до кокандской колонизации XVIII в. Археологические находки и частичные раскопочные работы подтверждают смену здесь одних насельников другими на протяжении столетий — от обитателей древнейших стоянок до жителей раннесредневековых торгово-земледельческих селений и городов, жизнь которых постепенно замирает после монгольского завоевания Средней Азии и Казахстана в начале XIII в. Джуль был крупным для раннего средневековья городом. Активная городская жизнь отмечается здесь на протяжении многих столетий до монгольского завоевания в XIII в. Кочевой образ жизни и господство родоплеменных отношений у коренных жителей края в последующие века, в условиях частых межродовых междоусобиц, подрывавших развитие производительных сил края, борьба против иноземных поработителей (могольских, калмакских, кокандских феодалов) делали невозможными возрождение городской жизни и появление новых городов в Чуйской долине. В XVIII в. жизнь здесь постепенно возобновилась при полумифическом герое Бишкек-баатыре, которому, как правителю племени солто, принадлежали все эти земли. А в 1825 г. кокандцы использовали для сооружения своей крепости частично сохранившиеся стены средневековой цитадели (2).

При разностороннем рассмотрении проблемы нами были использованы археологические, архивные и статистические материалы досоветского и советского периодов (3).

Кокандская крепость Пишпек (1825—1862 гг.), возведенная в Чуйской долине завоевателями — кокандскими ханами — была типичным военно-опорным пунктом Коканда в Чуйском крае. Под прикрытием кокандских укреплений ханские сборщики выколачивали подати и творили насилие над окрестным населением.

Источники не отмечают какого-либо заметного положительного воздействия подобного рода форпостов кокандской колонизации на хозяйственно-культурное развитие края (преемственность земледельческих традиций восходит здесь к более ранним временам).

В 50—60-е гг. XIX в. ханский Пишпек являлся постоянной угрозой для русскоподданных казахов Семиречья и киргизов Восточного Прииссыккулья. Его коменданты активно противодействовали проникновению царской России в Чу-Илийское междуречье, в Зачуйский край. Во время антикокандских восстаний киргизов и казахов Южного Семиречья в середине XIX в. пишпекский гарнизон укрывался за толстыми крепостными стенами, а затем, с прибытием подкрепления из ханства, активно участвовал в подавлении и повальном грабеже кочевого местного населения. Крепость в силу ее охранительно-карательных и фискальных задач не переросла в город (4).

Взятие Пишпека русскими отрядами и изгнание кокандских войск из других их укреплений в Чуйской долине в начале 60-х гг. XIX в. стало значительной вехой в ликвидации господства кокандских ханов над Киргизией. Это явилось также важнейшей исторической предпосылкой возникновения на местах бывших кокандских укреплений новых оседлых поселений и городов.

До экспедиций 1860—1863 гг. Пишпеку в планах штаба Отдельного Сибирского корпуса отводилась роль мощного форпоста (типа Верненской крепости) с казачьим поселением вблизи. Выяснив общую слабость ханства, в Пишпеке предполагалось организовать один из промежуточных военных постов на пути от Верного к Аулие-Ате. Уже тогда все эти пункты намечалось превратить в поселения заилийских казаков; в Пишпеке поселить 50 семейств, в Токмаке и Мерке — по 25, в Аулие-Ате — 100.

Из документов 1864 г. о движении полковника М.Г. Черняева из Верного к Аулие-Ате видно, что во время этого похода было заложено русское укрепление Токмак вблизи развалин одноименной кокандской крепости, а в Меркенской крепости после ее взятия разместился русский гарнизон. Трехкратное разрушение Пишпека (в 1860, 1862 и 1863 гг.) и кратковременность стоянки у него перед выступлением к Мерке и Аулие-Ате не позволили экспедиционному отряду быстро приспособить пишпекские развалины под укрепление и возвести новое. «...Сначала мы из нее сделали было укрепление, но потом оставили его, вследствие совершенной ненадобности, по замирении края» (5), — писал врач И. Зарубин в своих заметках.

Под защитой Пишпекского пикета, около него и у Ташкентской дороги вскоре поселилось несколько семейств, занимавшихся хлебопашеством (6). К ним стали присоединяться узбеки (из живших ранее в крепости торговцев, огородников и ремесленников), а затем татары.

С открытием регулярного почтового сообщения в 1867 г. между Ташкентом и Верным на Пишпекской и других конно-почтовых станциях служили «вольнонаемные почтари» из киргизов, казахов и др. Рядом с почтовыми станциями Семиречья возникли крестьянские поселения, жители которых называли станции «пикетами», в том числе и Пишпек.

Образование русских крестьянских селений в Семиречье вдоль трактовых дорог соответствовало новым целям семиреченской администрации, просившей в январе и сентябре 1868 г. разрешения у краевых властей поселить семейства, желавшие осесть на жительство в Токмакском уезде (7). Ими и были основаны на линии почтового тракта два крестьянских поселения: большое село Аламедин (1868) и неподалеку от него село Пишпек.

Пионерами русской крестьянской колонизации в Чуйской долине были выходцы из Пензенской, Самарской, Воронежской и Тамбовской губерний. Среди первых русских поселенцев Пишпека в источниках упоминаются братья Рыбьяновы, Дугины, Журавлевы и другие (8). На первых порах они сооружали землянки и шалаши, «временки», а затем — и постоянное жилье в пределах будущей городской черты. Благодаря распространявшимся слухам о том, что новый населенный пункт должен стать уездным городом (9), к первопоселенцам Пишпека присоединились торговцы — узбеки из Ташкента, Намангана и других местностей Узбекистана.

Первые пять-шесть лет население Пишпека, уступая по численности населению села Аламедин, росло медленно. Так, летом 1876 г. в Пишпеке проживало все-

го 58 семейств — 182 чел. обоего пола, в том числе женщин — 94. Пишпекские жители делились по национальностям: русских семей было 9, узбекских — 48 и татарская — 1.

Большинство русских новоселов в Пишпекке составляли мещане, солдаты, казаки, торговцы. Из 49 нерусских семей сельским хозяйством занимались больше половины — 26 (узбекские и одна татарская), 20 узбекских семей промышляли торговлей и 3 — ремеслом.

В последующие годы население Пишпека постепенно увеличивались за счет русских крестьян-переселенцев и обещаний администрации образовать здесь город. Новый приток жителей был отмечен во второй половине 70-х гг.; они размещались невдалеке от бывшей крепости, вдоль дорожных полотен, на линии будущих улиц Ташкентской (ныне ул. Жибек Жолу) и Верненской (Курманджан-датки).

Пишпек занимал выгодное положение. Здесь сходились почтовые дороги из Верного (Алма-Аты), Каракола (Пржевальска), Нарына и Ташкента, пересекались караванные пути из Кашгара, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей, располагались почтовое отделение и телеграфная станция (1878 г.).

До 1878 г. центром Токмакского (впоследствии Пишпекского) уезда был Токмак (1864—1867 гг. — русское укрепление). Но уже с 1869 г. по настоянию начальника Токмакского уезда, убедившегося в неблагоприятном расположении пункта уездного управления, семиреченские власти проектировали перенести его в более удобное место — к бывшей Пишпекской крепости, в Кочкорку или Кутемалды (район современного г. Балыкчи). Но все эти проекты не были тогда одобрены в Ташкенте.

В 1870 г. туркестанский генерал-губернатор во время поездки по Семиречью, ознакомившись с Токмаком и Пишпекском, остановил свой выбор на Пишпекке. Но до 1878 г. сдвигов в осуществлении проекта переноса уездного центра не было. И только сильный зимний разлив р. Чу в 1877 г. и полузатопление Токмака разрешило проблему переноса уездного центра в 1878 г. в Пишпек.

29 апреля 1878 г. уездное управление было перенесено в Пишпек, а в мае сюда были переведены уездно-городские учреждения: уездный суд, касса и почтовая контора. Одновременно с чиновниками переехали уездный врач, акушерка и часть Токмакской местной воинской команды (10).

Постепенно, с возрастанием производственного населения города, особенно торгово-промыслового слоя, с расширением его торгово-экономических связей, к середине 90-х гг. прошлого столетия Пишпек вырастает в заметный рынок в Чуйской долине. В конце XIX — начале XX в. он, будучи административно-политическим центром, становится и одним из средоточий торгово-промышленной жизни Пишпекского уезда. Так Пишпек превращается в город и в социально-экономическом смысле, заметно влияя на расширение внутрирыночных отношений в крае.

Характерной особенностью управления городом являлось то, что оно находилось в руках эксплуататорских элементов. Это относится как к периоду 1878—1895 гг., когда городскими делами заведовала уездная администрация (городской

хозяйственный комитет из состоятельных домовладельцев и горожан был простым придатком к ней), так и к последующему времени. В 1895 г. в Пишпеке было введено так называемое упрощенное общественное «самоуправление» в лице буржуазных элементов, подконтрольных уездным и областным властям. В предреволюционный период у власти в городе по-прежнему стояли представители интересов торгово-промышленной и чиновной эксплуататорской верхушки пишпекцев, среди которых шла непрерывная борьба за более доходные должности в городском управлении, за получение выгодных хозяйственных подрядов, аренду городского имущества и т.п. Однако правящая верхушка должна была изыскивать средства для статей городского дохода и частных мер по благоустройству города.

В 1878—1895 гг. Пишпек по внешнему облику, характеру застройки, степени общественного благоустройства, состоянию коммунального хозяйства фактически представлял собой большую «деревню, которой приказано называться городом». На рубеже XIX и XX вв. Пишпек, заметно выделяясь среди населенных пунктов уезда, все еще был более похож на хорошо распланированное, сильно озелененное селение или станицу, чем на город. В предвоенные годы, как справедливо отмечалось современниками, Пишпек постепенно менял свой деревенский облик, хотя и к 1917 г. не имел вполне городского вида.

Планировка и начало застройки Пишпека велись по «плану проектного расположения вновь предполагаемого города Пишпека», утвержденного 31 августа 1878 г. военным губернатором Семиреченской области генерал-лейтенантом Г.А. Колпаковским.

В плане были выделены объекты общегородского значения (базарная, гостиная и церковная площади, парадный плац и городской сад, госпиталь, кладбище и места для кузниц), а также площадь для городской тюрьмы и казарм местной военной команды. Простая в своей основе планировка Пишпека удачно «вписывалась» в окружающую местность, на которой располагалась заселенная часть города. Его уличная сетка, разбитая в шахматном порядке, благоприятствовала устройству арычной сети и естественной вентиляции улиц. Пишпек стал первым городом европейского типа в киргизском крае.

Разбивка первых улиц и городских кварталов началась летом 1878 г. в противоположном направлении от Ташкентского тракта. Уже через три года город с отведенным ему выгоном занимал 3326 дес. 1110 кв. саж. земли. В 1881 г. в Пишпекке насчитывалось уже 98 домов, из них 89 принадлежало «городским обывателям» (48 русским и 41 местным «мусульманским» жителям), а также 7 общественных и 2 казенных здания.

В начале 80-х гг. в городе осуществлялись планировочно-благоустроительные работы — выравнивались улицы и площади, строилась арычная сеть, озеленялась Бульварная аллея (ныне бульвар Эркиндик), в которых участвовали киргизы-рабочие из окрестных волостей.

В 1882—1883 гг. была создана Дунганская слобода.

В те годы внешне Пишпек выделялся среди переселенческих деревень в Таласской и Чуйской долинах большим размером и многолюдностью, а также построенной в 1884 г. соборной Николаевской церковью.

На разных этапах истории Пишпека удельный вес отдельных отраслей его экономики менялся. Но в хозяйстве города всегда имели немаловажное значение сельскохозяйственные занятия горожан, а также торговля и ремесло. В этом отношении Пишпек — город периода капитализма — по своей социально-экономической структуре походил на феодальные, позднесредневековые города Средней Азии и Казахстана. Вызревание элементов капитализма в экономическом базисе города и села в Киргизии конца XIX — начала XX в. стимулировалось активным подключением ее к орбите общероссийской экономики, разложением патриархально-феодальных отношений, растущей товарностью переселенческого хозяйства. И хотя промышленность Пишпека была развита еще слабо, все же возникновение здесь наряду с мелкотоварными промысловыми заведениями частнокапиталистических предприятий (преимущественно мелких и связанных с торговым капиталом, а в предвоенные годы и немногих крупных, созданных отчасти акционерным капиталом) свидетельствует о том, что Пишпек уже начал играть определенную роль в становлении капиталистического уклада в общей системе многоукладной экономики дореволюционного Киргизстана (11). Колонизаторская политика российского империализма и вторжение в сложный комплекс социально-экономических отношений в крае предопределили характер развития промышленности Пишпека, перерабатывавшей преимущественно сельскохозяйственную продукцию и сырье, ограничили степень ее развития и обусловили узость отраслевого состава (12). Такое состояние пишпекской промышленности, так и не вытеснившей из производственно-экономической базы города ремесло (13), определило малочисленность, профессиональный состав и положение городских рабочих, среди которых было немало сезонных.

Динамика населения дореволюционного Пишпека характеризуется в целом сравнительно высокими темпами роста. Так, с 1882 по 1913 г. численность жителей города выросла в 9 раз, хотя в абсолютных цифрах составила всего 18 468 чел. Объяснялось это не столько естественным движением городского населения (т.е. приростом в результате превалирования рождаемости над смертностью), сколько урбанизацией. Усиленный приток в город крестьян-переселенцев наблюдался в конце XIX — начале XX в. и был вызван развитием капитализма в сельском хозяйстве и социальным расслоением крестьянства в русской и переселенческой деревне. Этому способствовала и притягательная сила города на колониальной окраине вследствие оживления его торгово-промышленной жизни с конца столетия. Но только отчасти. Ведь такой небольшой, даже в масштабах Туркестанского края, город, как Пишпек, с его сравнительно слаборазвитой промышленностью, конечно, не поглощал всех пришельцев из центральных губерний страны и сопредельных районов края, а также выходцев из переселенческих деревень и киргизских айлов, желавших найти в городе работу.

В этническом отношении население Пишпека с самого начала было многонациональным. В период империализма пестрота его национального состава увеличилась. Еще в дореволюционный период подобное обстоятельство создавало предпосылки для хозяйственно-культурного сближения и установления дружественных связей между горожанами русско-украинского и восточного происхождения.

Нельзя не отметить того, что город рос не за счет кочевников-киргизов. Правда, с конца XIX в. в силу ряда социально-экономических процессов, действовавших как в городе, так и в киргизском аиле, количество киргизов среди пишпекцев стало более заметным.

Профессиональный состав населения города в начальный период его истории, а особенно в конце 70—80-х гг. XIX в., определялся во многом тем, что основу хозяйственной деятельности пишпекцев составляло сельское хозяйство. Но уже к 1897 г. численность горожан-земледельцев уступала торгово-промышленному контингенту пишпекцев. Правда, в конце XIX — начале XX в. прилив в город крестьян-переселенцев несколько изменил соотношение между городским и крестьянским сословиями в Пишпеке.

Социальная структура населения Пишпека, в котором проживали представители разных сословий, отражала черты как феодального города, так и новые явления, свойственные капиталистическому городу. Наиболее многочисленные пишпекские сословия — «городские обыватели», в первую очередь мещане и сельские крестьяне, в имущественном и социальном отношениях не были однородны, хотя в правовом отношении они оставались едиными сословиями. Внутри мещанского и крестьянского сословий в городе шел процесс дифференциации и разложения на составные части вновь образующихся классов капиталистического общества. Подобно экономическому и социальному расслоению крестьянства в среде пишпекского мещанского общества происходил процесс его распада на полярные в социальном отношении элементы. Немногие оборотистые дельцы из «домовитых» мещан выбивались в круг торгово-промышленной верхушки Пишпека, использовавшей наемную рабочую силу. Большинство мещан, постепенно беднея, разорялось. Потеряв хозяйственную самостоятельность, они пополняли ряды городских поденщиков, разно- и чернорабочих, сезонников в хозяйстве богатых мещан и богатых крестьян в городе и уезде, а их жены и дочери нанимались кухарками, прачками, прислугой. С конца XIX в. численность городской бедноты постоянно возрастала.

Социально-экономические условия жизни, развитие товарно-денежных отношений в городе расшатывали сословные перегородки и замкнутость. Процесс распада городских сословий, в первую очередь мещанства, ускорялся по мере развития товарно-денежных отношений в хозяйственно-производственной базе Пишпека. К 1917 г. в городе нарастали социальные противоречия, с одной стороны, между господствующей русской и инонациональной верхушкой в лице купечества, промышленников, дельцов, кулаков из горожан, богатых домовладельцев, чиновничье-дворянской бюрократии, духовенства и, с другой — разнонациональной трудящейся частью горожан: наемными промышленными и сельскохозяйственными рабочими, бедными ремесленниками, мелкими торговцами и всеми социальными низами города.

Таким образом, в первый период существования Пишпека главной причиной роста городского населения являлись его механическое движение или урбанизация.

Процесс формирования населения Пишпека характеризует его сословный состав (купцы, почетные граждане, мещане), составлявший основную массу жителей города. Заметной прослойкой среди горожан являлись также военные и близкие к ним сословия (отставные и запасные солдаты, казаки) и, наконец, крестьяне, не приписанные к мещанскому обществу города.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в своем социально-экономическом развитии Пишпек эволюционировал от города феодального типа к капиталистическому.

Культурно-просветительная деятельность передовой пишпекской интеллигенции способствовала установлению ее дружественных контактов с киргизским и дунганским населением в городе и уезде. В этом отношении примечательно наличие такого «островка» в общественно-культурной жизни в старом Пишпеке, как «поярковский кружок» в 80-х — начале 90-х гг. XIX столетия. Уже с конца XIX в. возникали немногие очаги культуры и просвещения — школы и библиотеки при них, медицинские учреждения, кружки и общества хорового пения и драматического искусства и т.д. В небольшом городе, изобиловавшем культовыми учреждениями и разными значными местами — всякого рода питейными заведениями, официально разрешенными и скрытыми местами разврата и азартных карточных игр, на фоне однообразной и бедной событиями духовной жизни пишпекских обывателей открытие частной аптеки или приезд ученого путешественника, музыкально-литературный вечер, устроенный педагогами и учащимися, очередная постановка спектаклей по произведениям Гоголя, Пушкина, Островского становились настоящими событиями и так или иначе сказывались на культурно-общественной атмосфере уезда. В сфере культуры и быта, в духовной жизни в дореволюционном Пишпеке вообще изобиловали проявления социальных контрастов, характерных для всей дореволюционной Киргизии в целом.

Политические, экономические и социальные изменения, происходившие в России в связи с переходом ее к империализму, сопровождались новыми явлениями в культурной и общественно-политической жизни страны, городов и селений, ее национальных окраин.

В конце XIX — начале XX в. в городе имелось 4 официальных низших учебных заведения: мужское двухклассное городское училище (по Положению 1872 г.), женское начальное народное училище (по Положению 1874 г.), церковная школа грамоты (открыта в 1899 г. в Дунгановке) (14) и сельскохозяйственная школа. При мечетях существовало несколько мусульманских школ — мектебов для детей коренного населения; сведения о них весьма скудны. По некоторым данным, в 1901—1902 гг. в Пишпеке были открыты две новометодные школы (15).

Все городские школы, особенно их младшие классы, были переполнены учащимися, численность которых возрастала год от года. Например, в мужском городском училище в 1896 г. числилось 102 ученика, через год там обучалось уже 147, в 1899 г. — 172, а в 1903 г. — 216 чел. Отсев учащихся старших классов городских школ был столь же велик, как и наплыв желающих попасть в начальные. Закончить училище могли лишь дети привилегированных сословий, ученики же из бедных и малосостоятельных семей города и села вынуждены были думать о заработке хлеба насущного (16).

Об успехах практического обучения в школе свидетельствуют ее участие на различных выставках и полученные награды. Например, в 1896 г. Пишпекская сельскохозяйственная школа была отмечена дипломом II степени за экспонированную на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде продукцию в сыром и консервированном виде, в 1902 г. она с успехом участвовала на 1-й областной Семиреченской выставке в Верном.

Остановимся также на положении здравоохранения в Пишпекке в рассматриваемый период. Для приемного покоя и аптеки было снято семикомнатное помещение. Одна из комнат была приспособлена для лечения тяжелобольных (3 койки), которых прежде отправляли в местный лазарет (при наличии там свободных мест), другая — для амбулаторного приема посетителей, третья — отведена под аптеку, а в остальных жили уездный и городской фельдшеры. За лечение горожан и заведование аптекой уездному врачу выплачивалось скромное вознаграждение; кроме того, городское управление стало содержать за счет городского бюджета и фельдшера. В связи с реорганизацией в 1897—1898 гг. врачебно-сельской части в Пишпекском уезде были созданы 3 врачебных участка. Пишпек стал местом пребывания первого из них — Пишпекского, к нему помимо города относились еще 3 селения (Лебединское, Дмитриевское и Георгиевское), а также 12 киргизских волостей.

В конце XIX и начале XX в. Чуйская долина и Пишпек, являясь наиболее значительным в ней пунктом, продолжали привлекать внимание отечественных и зарубежных ученых-путешественников.

В это время началось разностороннее естественно-историческое исследование края видными отечественными путешественниками и передовыми учеными.

В 70-х — первой половине 90-х гг. XIX в. в Пишпекке и Пишпекском уезде побывали, в частности, Г.Д. Романовский, И.В. Мушкетов, А.Э. Регель, Н.Л. Зеланд и др., занимаясь изучением природы и населения Киргизстана, а также сопредельных районов и стран Центральной Азии. Посетили Пишпек и участники зарубежных научных экспедиций, а также путешественники-иностранцы Дельмар Морган, Капю, Бонало, Бланк и др. (17).

Знаменательными событиями для жителей Пишпека явились пребывание здесь Н.М. Пржевальского, Свена Гедина, В.В. Бартольда, Ф.В. Пояркова.

Наиболее памятной для горожан стала комплексная научная экспедиция (Белинского), покровительствуемая РГО. Экспедиционный художник Б.В. Смирнов составил альбом зарисовок Пишпека и его окрестностей, типов местных жителей. Им также записан на фонографе отрывок из киргизского сказания «Семетей» в исполнении известного среди чуйских киргизов сказителя Кенже-Кара.

В Пишпекке заметно выделялись яркие личности — В.М. Фрунзе, А.М. Фетисов, Ф.В. Поярков, К.Ф. Свирчевский, Р.И. Метелицын. Связывали их не только знакомство — личное или служебное, случайная привязанность или мужская дружба. Объединяли их и разносторонние научно-краеведческие устремления, уважение к самобытной культуре народов Востока, в том числе киргизов, и истинная интеллигентность (18).

Одним из неутомимых тружеников русской медицины в крае, оставившим памятный след в культурной жизни старого Пишпека, был В.М. Фрунзе (1856—1897) — отец советского полководца М.В. Фрунзе.

Незаярдадной личностью в среде малочисленной пишпекской интеллигенции являлся Ф.В. Поярков (1851—1910), чья научно-практическая и культурно-просветительная деятельность была многие годы связана с Киргизией и ее населением.

В «поярковском кружке» в Пишпекке был и А.М. Фетисов (1842—1894) — один из пионеров геоботанического и археолого-этнографического изучения Киргизии (19). Светлую память о себе А.М. Фетисов оставил посадкой Карагачевой рощи, расширением городского сада и другой полезной для киргизского края и населения деятельностью.

Памятными событиями для горожан явились первая всеобщая перепись населения (1897 г.) и празднование в Пишпекке 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, которое вылилось в одно из наиболее значительных общественно-культурных событий в городе на рубеже двух веков.

4 сентября 1900 г. было создано Общество вспомоществования нуждающимся учащимся им. А.С. Пушкина в русских учебных заведениях г. Пишпека. Вслед за пушкинским юбилеем в 1902 г. в городе отмечалась годовщина со дня рождения Н.В. Гоголя.

Сегодня город Бишкек неузнаваемо преобразился. Разительны перемены, произошедшие в облике и во всем строе его жизни. Являясь политическим, экономическим и культурным центром республики, город стал одним из крупнейших городов страны. Эти удивительные изменения кажутся еще более разительными при знании истории города, при сравнении его вчерашнего и сегодняшнего дня, в котором явственно вырисовываются контуры «большого Бишкека».

Рассматриваемая тема представляет интерес не только для исторического краеведения, но имеет и немаловажное самостоятельное значение, поскольку в истории старого Пишпека своеобразно преломились судьбы Киргизии и народов, его населявших.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Тузов А.Л.* Когда Бишкек народился? // Вечерний Бишкек. — 2008. — № 201 (9621). — 23 октября; *Смирнов Б.В.* В степях Туркестана: Очерки. — М., 1914.
- (2) *Такырбашев А.* Столица Советского Киргизстана. — Фрунзе, 1971.
- (3) *Галицкий В.Я.* Вклад отечественных исследователей и путешественников в изучение прошлого киргизского народа // Русские путешественники и исследователи о киргизах. — Фрунзе, 1973.
- (4) Там же.
- (5) *Зарубин И.* По горам и степям Средней Азии // Русский вестник. — 1879. — № 11.
- (6) Центральный государственный архив Республики Кыргызстан (далее — ЦГАРК). — Ф. И-7. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 11.
- (7) Там же.
- (8) Там же. — Ф. И-13. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1, 2, 4.
- (9) Там же. — Ф. 1283. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 4.
- (10) Там же.

- (11) *Галицкий В.Я.* Промышленное развитие Киргизии в свете многоукладности экономики // Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. — Свердловск, 1969. — С. 63—67; *Он же.* Торгово-промышленное развитие Киргизии в конце XIX — начале XX вв. в свете многоукладности экономики // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. — Фрунзе.
- (12) *Галицкий В.Я.* От домашнего производства к промышленности дореволюционного Киргизстана // Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии. — Фрунзе, 1969. — С. 63—67.
- (13) *Плоских В.М., Галицкий В.Я.* К истории ремесленного производства в Киргизии // Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — С. 39—42.
- (14) ЦГАРК. — Ф. И.-7. — Оп. 1. — Д. 52. — Л. 5.
- (15) *Айтмамбетов Д.* Дореволюционные школы в Киргизии. — Фрунзе, 1961. — С. 39.
- (16) ЦГАРК. — Ф. И.-7. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 41.
- (17) *Вайнштейн О. Л.* Иностранцы путешественники о Киргизии 60—70 гг. XIX в. // Учен. зап. ист. ф-та КГУ. — Фрунзе, 1976. — Вып. 5. — С. 68—69.
- (18) *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX вв. — Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1962. — С. 33—71.
- (19) *Галицкий В., Умурзаков С.* Научно-исследовательская деятельность А.М. Фетисова в Киргизии // Тр. геогр. фак-та КГУ. — Фрунзе, 1964. — Вып. 4. — С. 21—34.

SETTLER'S PISHPEK: FROM THE COSSACK PICKET OF IMPERIAL RUSSIA TO THE CITY STATUS

I.U. Barteneva

Kyrgyz-Russian Slavic University
Kievskaya Str., 44, Bishkek, Kyrgyzstan, 720000

Article about a debatable problem about an establishment of time of the basis capital of modern Kyrgyzstan the city of Pishpek — Frunze — Bishkek.

Key words: time of the basis, capital, Kyrgyzstan, Pishpek, Frunze, Bishkek.

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

К 50-ЛЕТИЮ РУДН: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ИНЖЕНЕРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

В.А. Борисов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 10-1, Москва, Россия, 117198

Следует сказать о том, что период 90-х гг. XX столетия был особенным не только для всей страны, но и в полной мере коснулся нашего университета. И в первую очередь очень сильно повлиял на общее настроение студентов, особенно иностранцев. В тот период иностранцев на инженерном факультете было абсолютное большинство. И им особенно тяжело было адаптироваться к переменам в жизни и государственном устройстве бывшего СССР.

Гласность, перестройка, развал страны, обвал рубля, — все это сразу привело к практическому обнищанию большинства иностранных студентов, до этого сносно живших на студенческую стипендию.

В эти непростые времена я связал свою жизнь с Университетом.

Тогда деканом инженерного факультета был ученый с мировым именем М.И. Ерхов. Он производил впечатление необычного человека: по-простому усадил меня за свой рабочий стол и первым же вопросом огорошил: «А какие театры в Москве Вы больше всего любите и посещаете? И что из современной литературы Вам больше всего нравится?».

Моему удивлению не было предела. Декан инженерного факультета, виднейший ученый с мировым именем в области сопротивления материалов, казалось бы, «сухарь из сухарей», начинает разговор именно на культурную тему, а не о моем ценном историческом прошлом и моих профессиональных воспитательных качествах...

С 15 сентября 1991 г. я приступил к исполнению обязанностей старшего преподавателя отдела по работе со студентами, сменив окончательно любимую военную форму на гражданскую... И начал уже по настоящему знакомиться с моими новыми коллегами по факультету.

И надо отдать должное — на факультете было очень много талантливых профессоров и преподавателей, многие из которых заканчивали УДН и оставались на кафедрах по своим профилям. Они очень много сделали для основания инженерного факультета в 1961 г. Мне удалось довольно близко познакомиться с первым деканом факультета М.С. Шпаликовым, выпускником МВТУ им. Баумана, к тому времени уже работавшем на кафедре. Удивительно внимательный человек, долго и помногу беседовавший со мной о делах на факультете и дававший много полезных советов для фактически новой и незнакомой для меня работы.

Первым проректором УДН — затем РУДН в то время был Н.Н. Трофимов, в период с 1981 по 1989 гг. возглавлявший факультет и знавший его жизнь от и до. Знал он очень хорошо и всех старших преподавателей, и частенько довольно резко и прямо критиковал меня, как заместителя декана впоследствии, за слишком лояльное отношение к некоторым из них.

Застал я и других бывших деканов — М.П. Бочая и Д.В. Несмеянова. Мне удалось привлечь М.П. Бочая и видного работника факультета И.М. Панина как участников Великой Отечественной войны на фронте и в тылу к встречам со студентами.

Когда я пришел на факультет, заместителями декана были удивительные педагоги — А.Г. Горелов, Л.В. Фролов, М.В. Егоров и Н.К. Пономарев, который с 1994 г. и по настоящее время возглавляет факультет. О каждом из них тоже можно писать целые главы — настолько они уникальны по своим достоинствам, и человеческим, и профессиональным.

Следует особо сказать, что в то время студентами инженерного факультета являлись в основном иностранцы из дальнего зарубежья. На факультете было всего около одной тысячи студентов. Группа же старших преподавателей была представлена 13 опытнейшими педагогами, половину которых составляли участники Великой Отечественной войны.

Об их вкладе в воспитание студентов инженерного факультета мне и хотелось рассказать накануне таких великих событий, как 65-летие Великой Победы и 50-я годовщина со дня образования Российского университета дружбы народов.

Конечно, не скрою, было немного страшновато поначалу оттого, что все мои коллеги были практически «зубрами» своего дела: или специалистами-инженерами, или моими коллегами по армии и академии, но уже десятилетиями работающими в Университете.

В то время старшие преподаватели большую часть своего рабочего времени проводили в общежитии: расселяя и переселяя студентов, мира поссорившихся, устраняя проблемы с жалобами на бытовую неустроенность, помогая советами, как лучше обустроиться. Ведь многие ребята и девочки из других стран по-русски говорили с трудом и не все понимали.

Отдавая должное всему коллективу старших преподавателей, мне особо хотелось бы рассказать о ветеранах по службе в Вооруженных Силах СССР, участниках Великой Отечественной войны, уволенных из армии после работы в академии. Герой Советского Союза полковник Л.И. Петров очень часто рассказывал студен-

там о прошедших войнах, своем участии в боевых действиях. И, конечно, о том бое, когда он (в звании лейтенанта) с группой разведчиков в Финскую кампанию сумел обезвредить крупный опорный пункт противника, так мешавший продвижению наших войск вперед и уже приведший к большим потерям в живой силе и боевой технике. За что был представлен к награде и стал Героем Советского Союза.

Студенты с большим вниманием и уважением относились к А.И. Петрову.

Следует сказать, что и после увольнения из университета А.И. Петров с большим желанием приходит на встречи со студентами, щедро делится своим богатым боевым и жизненным опытом.

Очень спокойным по характеру и очень деликатным в работе со студентами был полковник Б.Ф. Слезин. Он участвовал в боевых действиях в составе дивизии «Нормандия-Неман», бывал неоднократно уже после войны по приглашению во Франции на встречах ветеранов этой знаменитой дивизии. И охотно делился со студентами своими впечатлениями от этих посещений. Б.Ф. Слезин также никогда не отказывался от встреч со студентами и после увольнения из университета.

Исключительно интересным человеком был генерал-майор А.И. Бутенко, который пришел в университет из академии Жуковского, где долгое время курировал инженерную подготовку всех космонавтов. А.И. Бутенко ничуть не кичился своим высоким воинским званием, был очень доступен, предельно со всеми внимателен. Он занимался работой с аспирантами, прекрасно зная их нужды и потребности, заботы и проблемы. Его не забывали прежние подопечные космонавты.

Заместитель декана Н.Я. Печников, полковник, боевой летчик, участник Великой Отечественной войны, без бумаг и учетных листов мог держать в памяти всех вверенных его попечительству студентов по местам их проживания в общезжитии.

Очень много интересного можно рассказать о полковнике Д.С. Кобзеве, оригинальном и специфическом человеке. Он имел способность «рубить» правду-матку в глаза и вне зависимости от положения собеседника. Конечно, он не со всеми так разговаривал. Ну а уж за кого надо было постоять, так он мог дойти до кого угодно! И доходил! И отстаивал!

Студенты его любили и уважали. И вспоминают до сего дня.

Многое делали для организации внеаудиторной работы со студентами и ветераны службы в Вооруженных Силах СССР.

И среди них прежде всего хочется назвать полковника Е.П. Назаренкова.

Он всегда со вниманием и неподдельной заинтересованностью выслушивал рассказы о проблемах студентов, стараясь понять и обязательно помочь по возможности.

Не могу не сказать еще об одном из наших коллег — В.В. Ярмоленко. В плане методики, аккуратности и фундаментальности в работе со студентами В.В. Ярмоленко утирал всем нам нос. Он так старательно, тщательно и со знанием психологии человека подбирал старост учебных групп, что лучшего контакта с ними, а че-

рез них — и лучшего знания положения дел в учебных группах ни у кого из нас и в помине не было.

Не могу не рассказать об уникальном случае, мы на собрании обсуждали предложение о приеме к нам на факультет на работу в должности старшего преподавателя ЖЕНЩИНЫ — Г.Н. Колосовой, кандидата наук, выпускницы МГУ, геолога.

Надо было видеть лица фронтовиков, боевых ветеранов, услышавших впервые это сообщение... Однако, как ни странно, Колосова единогласно была рекомендована! Просто, по всей видимости, подействовало чисто по-женски высказанное желание работать с детьми и на профессионально близком по предыдущей профессии геолога факультете. Сдались ветераны без боя!

И надо отдать должное — она работала с полной отдачей и до сих пор вполне любима и уважаема студентами даже после ухода на другую кафедру!

Мне хотелось поделиться своими воспоминаниями о таких прекрасных людях, много сделавших для создания нормальной человеческой обстановки для ребят, почти еще детей, волею судьбы оторванных от привычной обстановки, уехавших далеко от своей Родины и своих родных, и все лишь с одной целью: чтобы они хорошо учились и получали высококвалифицированное образование, которое им и давал наш родной инженерный факультет.

**THE 50TH ANNIVERSARY
OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA:
EXPERIENCE OF WORK WITH STUDENTS
IN THE ENGINEERING FACULTY**

V.A. Borisov

Department of Russian History
Russian University of Peoples' Friendship
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.203.03 В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2009 Г.

Диссертационный совет Д.212.203.03 утвержден при ГОУ ВПО Российский университет дружбы народов (г. Москва) приказом ВАК Минобразования России от 29 декабря 2000 г. № 1328-В. После переаттестации Совет начал работать с 30 мая 2008 г. (Приказ Рособрнадзора № 937-823).

Председателем диссертационного совета является д.и.н., проф., зав. кафедрой истории России РУДН В.М. Козьменко. Ученый секретарь диссертационного совета — к.и.н., доц. Е.В. Кряжева-Карцева.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям:

- 07.00.02 — Отечественная история (по историческим наукам);
- 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (по историческим наукам);
- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (по историческим наукам).

В Совете работают не только ученые-историки из Российского университета дружбы народов, но и из Института российской истории РАН, Академии управления при Президенте Российской Федерации, Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации и др.

За первую половину 2009 г. в диссертационном совете защищено 12 диссертаций:

- 9 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история, подготовленные диссертантами — гражданами России;
- 1 диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики, подготовленная диссертантом — гражданином России;
- 1 диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история, подготовленная диссертан-

том из Казахстана; 1 диссертация по специальности 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики и 07.00.02 — Отечественная история, подготовленная диссертантом — гражданином Палестины.

Большинство диссертаций подготовлено на кафедре истории России и кафедре теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

Тематика рассмотренных диссертационных работ посвящена актуальным проблемам, которые связаны с основными направлениями исторической науки. Результаты этих работ имеют большое теоретическое и практическое значение, могут использоваться в учебном процессе.

**ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
07.00.02 — «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»**

Диссертация *Акбергенова Искандера Абылкеримовича «Развитие экономических отношений Российской Федерации и Республики Казахстан в 1990-е годы»* (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Гребениченко Сергей Федорович, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО Российского университета дружбы народов. В работе установлено, что согласованная активная внешнеэкономическая политика России и Казахстана в отношении стран ближнего зарубежья являлась рычагом оздоровления собственно российской и казахстанской национальных экономик и создания условий для их прорыва в XXI в. Обобщен опыт России и Казахстана, которые вместе с Беларусью первыми на пространстве СНГ взяли на себя обязательства способствовать реализации поэтапного устранения барьеров во взаимной торговле и инвестиционной деятельности, в обеспечении правовых, экономических и организационных условий многостороннего валютно-финансового сотрудничества. Доказано, что успех межгосударственных соглашений, совместных проектов и программ был обусловлен технико-экономическими обоснованиями размеров спроса и предложения в Казахстане и России и мониторингом взаимовыгодности соглашений для национальных бюджетов. Установлено, что экономическое сотрудничество между Россией и Казахстаном к началу XXI века действительно вышло на качественно новый уровень, который характеризуется практической реализацией высокого интеграционного потенциала, накопленного за 1990-е гг. Доказано, что тесные российско-казахстанские экономические связи являют собой пример плодотворного синтеза внешнеэкономических подходов и толкования современных норм международного экономического права и существенный вклад в глобализируемую копилку мирового опыта хозяйствования стран и народов. Сделан итоговый вывод, что Россия и Казахстан — главные стратегические партнеры на пространстве СНГ, особые отношения которых позволяют успешно решать важнейшие текущие и перспективные задачи развития их национальных экономик; экономическое направление

внешней политики является ключевым для формирования нового инновационно-технологического облика обоих государств, которое нацелено на их глубокую интеграцию и является приоритетным в XXI в.

Диссертация *Ахметовой Алимь Бахитжановны* «Гуманитарное сотрудничество стран Содружества Независимых Государств в 1991—2005 гг. (исторический аспект)» (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Керов Валерий Всеволодович, профессор кафедры истории России ГОУ ВПО Российского университета дружбы народов. В проведенном исследовании выявлены и исследованы основные принципы гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве в целом, и в частности между Российской Федерацией и новыми государствами. Доказано, что Содружество Независимых Государств представляет собой новую форму межнациональной интеграции, где гуманитарное сотрудничество является одним из приоритетных направлений. Определены и комплексно исследованы приоритетные направления гуманитарного сотрудничества стран СНГ в 1991—2005 гг. Доказана историческая роль Российской Федерации в гуманитарном сотрудничестве стран Содружества Независимых Государств в эти годы. Исследованы основные направления демократизации стран СНГ. Проанализирован опыт гуманитарного сотрудничества стран СНГ в сфере интеллектуальной собственности. Намечены перспективы дальнейшего гуманитарного сотрудничества с учетом современных отношений между государствами Содружества.

Диссертация *Богатыровой Лианны Абдулгамидовны* «Культурное развитие Дагестана в 20-е годы XX в.» (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич, заслуженный деятель науки РД, ведущий научный сотрудник Центра по изучению истории Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН) выполнена на кафедре истории стран Востока Дагестанского государственного педагогического университета. В проведенном исследовании доказано, что с победой советской власти партийные, государственные и советские органы Дагестана активно включились в работу по становлению и развитию культурных преобразований в республике. Выявлены причины непонимания большей частью населения Дагестана принципа равноправия участия женщин-горянок в общественно-политической жизни, получении образования, укрепления их прав в семейной жизни и т.д. Показана необходимость перехода населения республики на новый алфавит, составленный на основе латинской графики, создания письменности для народов, в частности, лезгин и табасаранцев, которые ее никогда не имели. Исследованы объективные предпосылки восстановления на новых принципах общеобразовательной школы Дагестана, переход ее на государственный бюджет, обеспечения учебниками и учебно-методическими пособиями на родных языках. Проанализирована многогранная работа государственных и советских органов по подготовке педагогических кадров в новых учебных заведениях Дагестана — учительских институтах, педагогических училищах, краткосрочных педагогических курсах и т.д. Выявлены особенности

создания и деятельности первых в Дагестане культурно-просветительских учреждений-клубов, изб-читален, библиотек, красных уголков и т.д. Определены роль и место периодической печати, кино и радио в распространении основных направлений национальной культуры, политических и информационных знаний. Доказано, что властные структуры Дагестана приняли эффективные меры по ликвидации неграмотности среди взрослого населения республики, проанализированы позитивные и негативные результаты этой работы. Исследована деятельность партийных, государственных и советских органов Дагестана по изучению истории, археологии, языков, фольклора дагестанских народов, развитию научных учреждений республики, которые являлись действенной формой культурного развития народов Дагестана и т.д.

Диссертация ***Высоцкого Ивана Александровича «История становления и деятельности синдикатской системы управления госпромышленностью в условиях НЭПа»*** (научный руководитель — кандидат исторических наук, профессор Новиков Михаил Никитович, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО Российского университета дружбы народов. В работе выявлено, что уже в начальный период экономической реформы создавались материальные и организационные предпосылки для планирования хозяйственных процессов в масштабе всей страны. Показано непонимание и неприятие новой экономической политики большинством руководителей партии и государства, что сказалось на непоследовательности нэповского курса. Сделан вывод о том, что возникновение синдикатской системы связано со стремлением руководства страны сохранить свое монопольное влияние на всю промышленность и ее продукцию. Исследование деятельности синдикатов подтвердило объективную необходимость существования специализированных коммерческих организаций сбыта и снабжения, т.е. их двойственную природу. Доказано, что на смену новой экономической политике пришла административно-командная система управления, а аппарат синдикатов был положен в основу зарождающейся системы. Выявлено, что адаптировать нэповскую реальность к идеям и планам строительства социализма советский режим не планировал и последующая государственная экспансия в экономике приобрела всеобъемлющий характер, последствия которой до сих пор не изжиты.

Диссертация ***Горлова Алексея Викторовича «Формирование и развитие системы начальной и средней профессиональной подготовки кадров для предприятий химической промышленности СССР в 1928 — первой половине 1941 годов»*** (научный руководитель — кандидат исторических наук Текутьева Ирина Ивановна, профессор кафедры права и социально-культурной деятельности Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства) выполнена на кафедре истории, философии и социологии гуманитарного факультета Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства. В проведенном исследовании комплексный анализ деятельности госу-

дарственных органов и общественных организаций показал, что в годы довоенных пятилеток активно велись поиски наиболее эффективных путей и форм подготовки рабочих и технических кадров для химической промышленности СССР. Этот процесс шел параллельно с созданием этой новой отрасли народного хозяйства страны. Установлено, что реорганизация начального и среднего профессионального образования, начатая в конце 1920-х гг., была обусловлена началом крупных преобразований в народном хозяйстве страны, в том числе и в химической отрасли. Особое внимание в этот период уделялось повышению численности квалифицированных кадров. Доказано, что в период с 1928 по 1941 гг. был заложен фундамент дальнейшего развития всей системы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена в стране в виде разветвленной сети средних профессиональных учебных заведений, а также системы фабрично-заводского ученичества и созданных в предвоенные годы государственных трудовых резервов. Установлено, что политика подготовки рабочих и специалистов среднего звена для химической промышленности в рассматриваемый период сочетала интересы как профессионального образования, так и государственных структур, была связана с социальным регулированием студенческого состава учебных заведений, что негативно сказывалось на профессиональной подготовке выпускников. Выявлено, что, несмотря на внутренние противоречия, государственная политика в сфере профессиональной подготовки кадров для химической промышленности СССР оказалась достаточно гибкой, способной выполнять поставленные задачи качественного профессионального образования.

Диссертация *Дудича Ивана Степановича «Деятельность государственных органов и общественно-политических организаций по подготовке молодежи к защите Родины во второй половине 1930-х — июне 1941 годов (на примере Смоленской, Калининской и Орловской областей)»* (научный руководитель — кандидат исторических наук Текутьева Ирина Ивановна, профессор кафедры права и социально-культурной деятельности Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства) выполнена на кафедре истории, философии и социологии гуманитарного факультета Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства. В работе проведен комплексный анализ деятельности государственных органов и общественно-политических организаций Смоленской, Калининской и Орловской областей, нацеленной на претворение в жизнь задач по мобилизационной готовности молодежи к защите Родины. На основе изучения источников доказано, что период середины 1930-х — начала 1940-х гг. стал временем активного поиска наиболее эффективных путей и форм оборонно-массовой и военно-патриотической работы, что имеет особую значимость в современных условиях, поскольку принятие и реализация в последние годы ряда государственных программ по военно-патриотическому воспитанию молодежи позволяет говорить о начальном этапе разработки государственной политики по формированию у молодого поколения патриотизма и готовности к защите Родины. Отмечены конкретные направления по подготовке

молодого поколения к защите Родины, основные формы и методы государственных органов и общественно-политических организаций по решению этой проблемы накануне Великой Отечественной войны. Показано, что в данной работе допущались и явные просчеты. Прежде всего они связаны с тем, что сложившиеся в рассматриваемый период командно-административные методы управления оказали пагубное воздействие, в том числе и на данное направление деятельности государственных органов и общественно-политических организаций. Выработана концепция: военно-патриотическое воспитание и другие формы оборонно-массовой работы в предвоенный период представляли собой активный процесс систематического и комплексного воздействия государственных органов и общественных организаций на граждан страны в целях формирования у них готовности к защите Отечества и выработки качеств личности, необходимых для выполнения этих задач.

Диссертация *Куйшбаева Азамата Раиповича «Исторические и идейно-политические аспекты евразийства (на примере РФ и стран СНГ)»* (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Краснова Гульнара Амангельдиновна, проректор по международной и инновационной деятельности Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России Российского университета дружбы народов. В работе выявлено, что российское евразийство сложилось как идейно-политическое течение в 20-е гг. XX в. и своим названием обязано двум частям Старого Света: «Европе» и «Азии», между которых находится третий, срединный материк — «Евразия», основное пространство которого занимает Российское государство. Доказано, что евразийское мировоззрение было направлено на возрождение национальной идеи российского общества, на укрепление высокого государственного статуса России в европейских и азиатских государствах. Установлено, что создание и деятельность партии «Евразия» имеет исключительно важную роль для дальнейшего развития евразийства как в Российской Федерации, так и в странах СНГ. Партия способна объединить в единый Евразийский Союз не только страны СНГ, но и такие страны, как Сербия, Монголия и многие другие. Проанализировано историко-политическое содержание современного евразийства как особого мировоззрения. Определены историческая значимость и сущность Евразийского Союза, созданного Н.А. Назарбаевым, который сделал евразийство главной точкой приложения исторических, политических, образовательных и мировоззренческих усилий, прежде всего в Казахстане, а затем эту политическую практику подхватили главы государств России, Белоруссии, других стран СНГ. Показан статус Евразии в современной геополитике, где наибольшую активность проявляют Франция, Германия, Россия, Китай и Индия, в контексте усиления влияния Азиатского континента на все цивилизационные процессы в мировом сообществе. В частности, доказано, что сохранение национальных культур, адекватно отвечающих особенностям и реалиям XXI века, способствует росту влияния Азии на мировое сообщество.

Диссертация *Черниковой Анастасии Владимировны «Российская монархия конца XIX века — 1917 года: эволюция монархической доктрины и по-*

литических институтов» (научный руководитель — доктор исторических наук, доцент Земцов Борис Николаевич, заведующий кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана) выполнена на кафедре истории, философии и социологии гуманитарного факультета Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства. В диссертации проанализированы причины консерватизма придворных и правительственных кругов. Сделан вывод, что в начале XX в. идеологи монархизма, члены императорской фамилии, представители придворных кругов и правительства демонстрировали чрезвычайную бедность аргументов в обосновании необходимости сохранения привычных методов государственного управления. Они стремились сохранить прежние традиции и обычаи управления государством, не отдавая себе отчета в том, насколько изменились общественно-экономические условия. Основной причиной этого консерватизма являлось слабое политическое давление на эти круги гражданского общества. Историографический анализ разных научных школ позволил сделать вывод об их определенном мировоззренческом единстве. В течение XIX в. и в начале XX в. политическая критика и научное осмысление монархической доктрины и монархических государственных институтов фактически велись вне анализа степени применимости к России, сформировавшихся в Европе, альтернативных доктрин — либерализма и социализма. В начале XX в. национальная — монархическая — форма государственного устройства оказалась неспособной предотвратить социальные конфликты и сохранить на международной арене статус России как мировой державы. Но научная оценка монархизма в большой степени зависит от степени разрешения этих конфликтов, степени мирового влияния России, эффективности функционирования иных форм устройства центральных органов власти и политических режимов — советской и современной системой РФ.

Диссертация **Яковлева Антона Валерьевича «Политическая и социально-экономическая деятельность Белого движения в период Гражданской войны в России (1918—1920)»** (научный руководитель — кандидат исторических наук, профессор Новиков Михаил Никитович, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО Российского университета дружбы народов. В проведенном исследовании комплексно раскрыты сущность и значение провозглашенного курса Белого движения на «великую и единую Россию», а также поисков моделей государственного устройства и управления. Творчески проанализированы проблемы идеологического обеспечения, условия функционирования, формы и методы агитационно-пропагандистской деятельности Белых правительств. Разносторонне исследована весьма сложная и противоречивая деятельность Белого движения в области промышленности, социальной и аграрной сферах. Дается оценка социально-экономической политики руководителей антибольшевистских правительств. Доказано, что социально-экономическая попытка белых режимов представляла собой набор зачастую внутренне противоречивых мероприятий, нацеленных на завоевание социального большинства.

Диссертация *Ярошенко Ирины Викторовны* «История традиционного бытового костюма кубанских казаков XIX — начала XX века» (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Чуприна Василий Иванович, профессор кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусства) выполнена на кафедре «Философских и исторических наук» Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского. В проведенном исследовании выявлены основные предпосылки и этапы создания традиционного бытового костюма кубанских казаков XIX — начала XX в. Определены особенности, функции и уникальная специфика традиционного бытового костюма кубанских казаков, связанные с историей, природной средой, климатическими условиями и т.д. Исследованы этнокультурные традиции, ценности, территориальная принадлежность многих поколений казачества, сыгравших особую роль в создании современного традиционного костюма кубанских казаков. Выявлены функциональные особенности мужского, женского и детского традиционного бытового костюма кубанского казачества в исследуемые годы. Доказано, что основная специфическая значимость бытовой одежды кубанских казаков вырабатывалась коллективно в ходе исторических событий и была связана во многом с освоением и заселением земель Северного Кавказа в XIX — начале XX в. Показана социально-практическая значимость традиционного бытового костюма кубанского казачества в современный период истории Кубани. Намечены перспективы дальнейшего исследования комплексов костюмов кубанского казачества с учетом современных научных требований, исторических условий и новой источниковой базы.

**ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
07.00.15 — «ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ»**

Диссертация *Швыченковой Маргариты Станиславовны* «Международные аспекты российско-казахстанского сотрудничества в сфере коллективной безопасности (1991—2005 гг.)» (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Краснова Гульнара Амангельдиновна, проректор по международной и инновационной деятельности Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре теории и истории международных отношений ГОУ ВПО Российского университета дружбы народов. В работе выявлены исторические предпосылки и основные принципы создания международной системы коллективной безопасности стран — участниц Содружества Независимых Государств, среди которых важнейшими являются: запрещение угрозы силой и ее применения в отношениях между государствами, разоружение, использование региональных организаций безопасности и другие. Доказано, что Договор о коллективной безопасности (ДКБ) и создание Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) имели исключительно важное значение в области коллективной безопасности стран СНГ, так как их принятие явилось логическим оформлением военно-

политического союза на постсоветском пространстве. Определены и исследованы приоритетные направления, формы и методы участия Российской Федерации и Республики Казахстан в общей системе коллективной безопасности стран СНГ в 1991—2005 гг. В частности, два государства совместно определяют статус ядерных сил, размещенных на территории Российской Федерации и Республики Казахстан; порядок сообладания собственностью в отношении военного имущества; использование испытательного полигона Сары-Шаган; основные положения правового статуса военнослужащих в ВС РФ, проходящих службу в российских воинских частях, дислоцирующихся в Казахстане, и другие вопросы. Доказано, что Россия и Казахстан заложили фундаментальную правовую базу межгосударственных отношений, составной частью которых стало сотрудничество в военно-технической сфере на равноправной и стабильной основе, которая является элементом общей системы коллективной безопасности стран СНГ. Намечены перспективы дальнейшего интеграционного российско-казахстанского сотрудничества в сфере коллективной безопасности своих государств с учетом современных международных отношений.

**ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
07.00.02 — «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И 07.00.15 — «ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ»**

Диссертация *Махмуда Юниса Саммоуди «Отношение СССР/России к палестино-израильскому конфликту в конце 1940-х — начале 2000-х годов»* (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Гребениченко Сергей Федорович, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО Российского университета дружбы народов. В работе доказано, что палестино-израильский конфликт, имея свою внутреннюю конфронтационную природу, в 1940—1980-е гг. развивался под опосредованным воздействием радикально изменявшихся мировых и региональных международных условий, в свою очередь, конфликт оказывал самое непосредственное влияние на развитие внутривосточной обстановки как в Израиле, так и в Ближневосточном регионе в целом. Сделан вывод, что в СССР к концу 1980-х гг. палестино-израильский конфликт рассматривался как сложный международно-политический процесс, который, возникнув как локальное противостояние между евреями-иммигрантами и арабами в Палестине, в своем развитии прошел ряд этапов и превратился в международный ближневосточный конфликт, в который оказались вовлеченными США, СССР и другие державы. Установлено, что процесс урегулирования крайне обострившегося к концу 1980-х гг. конфликта, начатый СССР, США, Египтом и Норвегией, претерпевал несколько успешных и неудачных стадий, в ходе которых заключались и срывались мирные договоры между сторонами, завершил первую палестинскую интифаду (национальное восстание) подписанием мирных соглашений в Осло в 1993 г. Сделан вывод о том, что кардинальные перемены в расстановке сил в мире и в международных отно-

шениях после развала СССР и лагеря социализма стали важным фактором мимикрии конфликта и поиска Россией новых путей его урегулирования. Установлено, что промежуточные соглашения о введении временного самоуправления Палестинской национальной администрации, достигнутые благодаря мировому сообществу и, прежде всего, позиции России, стали в 1990-е гг. важным шагом на пути мирного решения конфликта и создания независимого Палестинского государства. Доказано, что главным достижением всесторонних миротворческих усилий международного сообщества и, прежде всего, России в 1990-е гг. явилось глубинное осознание противоборствующими Израилем и Организацией Освобождения Палестины неизбежности взаимного признания и окончательного урегулирования конфликта на основе достигнутых в сложном переговорном процессе соглашений и резолюций ООН. Установлено, что многочисленные инициативы России и попытки мирового сообщества по политическому урегулированию конфликта натолкнулись в 2000-е гг. на труднопреодолимые препятствия, главным из которых стала позиция правительства Израиля, продолжавшего делать ставку на сохранение оккупации палестинской территории. Подавляя любые попытки сопротивления палестинцев, Израиль неминуемо сталкивался с акциями возмездия, этот круг насилия лишал обозримой перспективы ответ на вопрос о сроках установления твердого и окончательного мира. Сделан итоговый вывод о неоспоримой исторической роли СССР и его правопреемницы — многонациональной России в урегулировании палестино-израильского конфликта на основе приверженности основополагающим резолюциям ООН и общепризнанным нормам международного права, относящимся к палестинской проблеме.

Председатель диссертационного Совета,
д.и.н., проф. **В.М. Козьменко**
Ученый секретарь диссертационного
совета, к.и.н., доц. **Е.В. Кряжева-Карцева**

**DISSERTATIONAL COUNCIL D 212.203.03
IN PEOPLES` FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
AT THE FIRST HALF OF THE 2009**

V.M. Kozmenko, E.V. Kryajeva-Kartseva

НАША БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ, ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ НА НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ РУДН ЗА 2008 Г.

УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

- Арсланов Р.А.* История России. Программа и варианты тестов // Справочник для поступающих на гуманитарные специальности и направления в Российский университет дружбы народов: Учебное пособие. — М.: Изд-во РУДН. — С. 209—302. — 6,0 п.л.
- Арсланов Р.А., Керов В.В., Мосейкина М.Н., Смирнова Т.М.* Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века: Учебное пособие по истории России / Под ред. В.В. Керова / 4-е изд. — М.: АСТ; Астрель; ВЗОИ, 2008. — 846 с. — 53,0 п.л.
- Георгиева Н.Г. и др.* История России в схемах: Учебное пособие. — М.: ТК Велби, изд-во Проспект. — 304 с. — 19,0 п.л.
- Георгиева Н.Г. и др.* История России: Учебник. — М.: ТК Велби, изд-во Проспект. — 304 с. — 42,0 п.л.
- Керов В.В.* История России. 6—9 классы История России. Справочник-шпаргалка. — М.: АСТ, Астрель. — С. 89—135. 2,0 п.л.
- Керов В.В., Слепцова Т.В.* История России, IX—XX века. 6—11 классы: Учебное пособие. — М.: Изд-во АСТ. — 64 с. — 2,0 п.л.
- Козьменко В.М., Чистохвалов В.Н.* Глоссарий терминов по проблемам компетенций и системам зачетных единиц (кредитов). — М.: Изд-во РУДН. — 52 с. — 3,25 п.л.
- Котеленец Е.А. и др.* Образы исторической и современной России: проблемы конструирования и восприятия в мире: Учебное пособие. — М.: Изд-во РУДН. — 216 с. — 13,5 п.л.
- Кряжева-Карцева Е.В.* История России: методическое пособие для студентов-иностранцев экологического факультета: Методическое пособие. — М.: Изд-во РУДН. — 160 с. — 10,0 п.л.
- Понька Т.И.* Отечественная история (XX век): Учебное пособие. — М.: Изд-во РУДН. — 304 с. — 19,0 п.л.

- Понька Т.И.* Отечественная история (с древнейших времен до конца XIX века): Учебное пособие. — М.: Изд-во РУДН. — 308 с. — 19,25 п.л.
- Якеменко Б.Г.* Основы православной культуры: Конспект лекций. — М.: Высшая школа управления, 2008. — Ч. 1. — 187 с. — 11,7 п.л.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

- Арсланов Р.А.* Эволюция взглядов К.Д. Кавелина на русскую бюрократию // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Мат-лы XII Всеросс. научно-теоретич. конф. — М.: Изд-во РУДН. — С. 25—35. — 0,7 п.л.
- Белановская Ю.Е.* Специфика формирования и трансформация государственной бюрократии России в 90-е гг. XX в. // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Мат-лы XII Всеросс. научно-теоретич. конф. — М.: Изд-во РУДН. — С. 50—56. — 0,45 п.л.
- Гребениченко С.Ф., Давыдов В.П.* Эволюция демократии и бюрократии при Путине // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Мат-лы XII Всеросс. научно-теоретич. конф. — М.: Изд-во РУДН. — С. 115—122. — 0,55 п.л.
- Керов В.В.* Воздействие российского законодательства и практики его применения на старообрядческое предпринимательство в XVIII — начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Мат-лы Всеросс. научн. конф., посвящ. 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. — С. 422—426. — 0,3 п.л.
- Керов В.В.* Старообрядцы и высшая бюрократия Российской империи // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX в.: Общее и особенное. Мат-лы XII Всеросс. научно-теоретич. конф. Москва, РУДН, 29—30 мая 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 186—193. — 0,5 п.л.
- Козьменко В.М.* Слово к товарищу // Модернизация высшего образования и науки: пути и перспективы инновационного развития: Сборник мат-лов междунар. научн. конф. Алматы, 18 октября 2008 г. — Алматы: Изд-во КазНПУ им. Абая. — С. 36—42. — 0,4 п.л.
- Козьменко В.М.* Российское образование в сфере Болонского процесса // Модернизация высшего образования и науки: пути и перспективы инновационного развития: Сб. мат-лов междунар. научн. конф. Алматы, 18 октября 2008 г. — Алматы: Изд-во КазНПУ им. Абая. — С. 16—31. — 1,1 п.л.
- Козьменко В.М.* Проблемы образования в современном мире // Казахстан и СНГ: исторический опыт и перспективы дальнейшей интеграции. Мат-лы междунар. научно-практ. конф., посв. 80-летию КазНПУ им. Абая. — Алматы: Изд-во КазНПУ им. Абая. — С. 72—86. — 0,8 п.л.
- Кряжева-Карцева Е.В.* Молодежные объединения в лоне Российского Антропологического Общества (1913—1923) // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ.

- конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 124—129. — 0,41 п.л.
- Kryazheva-Kartsieva E.V.* Overconfessional Syncretic Mystical Currents in Russia and Germany at the Beginning of the 20th Century: about the Problem of Influence of Religious Purposes on the Spiritual Choice among Intellectuals // 22nd World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy Today. Abstracts. — Seoul: Seoul National University Press. — P. 36. — 0,1 п.л.
- Лавриненко А.В. и др.* К вопросу о становлении и деятельности проправительственных молодежных организаций России начала XXI века // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 133—143. — 0,6 п.л.
- Мосейкина М.Н.* Аргентина и аргентинцы в восприятии российских эмигрантов конца XIX — первой трети XX в. // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Мат-лы Всеросс. науч. конф. — М.: ИРИ РАН. — С. 95—99. — 0,4 п.л.
- Мосейкина М.Н.* Русская православная церковь в Латинской Америке в 1920—1940-е гг.: проблемы межконфессионального диалога // Нансеновские чтения. — СПб., 2007. — С. 237—247. — 0,7 п.л.
- Савин В.М.* Антифашистская солидарность молодежи СССР и стран Латинской Америки в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 197—212. — 0,4 п.л.
- Савин В.М.* Некоторые аспекты исторического образования студентов в РУДН в новых исторических условиях // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 212—219. — 0,5 п.л.
- Савин В.М.* Основные направления, формы, особенности и перспективы организации работы по патриотическому воспитанию студенческой молодежи во внеучебное время в Российском университете дружбы народов // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 219—229. — 0,6 п.л.
- Синютин С.С.* Подвиг Сталинграда — основа патриотического сознания и воспитания современной молодежи // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 254—261. — 0,5 п.л.
- Сорокина Т.С., Савин В.М.* Воспоминания о X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине // Молодежь в истории России: духовные, нравствен-

ные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 249—254. — 0,4 п.л.

Сорокина Т.С., Савин В.М. Всемирное фестивальное движение и Университет дружбы народов // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X Всеросс. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 241—249. — 0,5 п.л.

Хорунжий А.А. Логика формирования проекта идеального строя К.Э. Циолковского // К.Э. Циолковский: Исследование научного наследия. Мат-лы XLIII научных чтений памяти К.Э. Циолковского / РАН. Комиссия по разработке научного наследия К.Э. Циолковского; ГМИК им. К.Э. Циолковского. Калуга: Эйдос. — С. 26—30. — 0,3 п.л.

Хорунжий А.А. Оценка К.Э. Циолковским социально-утопических проектов своих предшественников // К.Э. Циолковский: Исследование научного наследия. Мат-лы XLIII научных чтений памяти К.Э. Циолковского / РАН. Комиссия по разработке научного наследия К.Э. Циолковского; ГМИК им. К.Э. Циолковского. — Калуга: Эйдос. — С. 30—34. — 0,3 п.л.

Якеменко Б.Г. Молодежь и молодежная политика в наши дни // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры. Мат-лы X научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию РУДН. Москва, 18—19 апреля 2008 г. — М.: Изд-во РУДН. — С. 295—298. — 0,3 п.л.

**PRINCIPAL TEACHING AIDS, ABSTRACTS
AND PAPERS FOR SCIENTIFIC CONFERENCES
OF THE DEPARTMENT OF RUSSIAN HISTORY
OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
IN 2008**

НАШИ АВТОРЫ

Балова Мария Борисовна — кандидат исторических наук, директор Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Бартенева Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-российского славянского университета (Кыргызстан, г. Бишкек)

Богатырев Эдуард Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

Борисов Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, зам. декана инженерного факультета Российского университета дружбы народов

Гаврилов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, директор, заведующий кафедрой образовательного и гуманитарного сервиса филиала «Институт сервиса» Российского государственного университета туризма и сервиса

Зверев Василий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ

Колесникова Александра Геннадьевна — соискатель Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Лавринов Валерий Вениаминович — протоиерей, соискатель кафедры документоведения исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького; председатель церковно-археологического общества Екатеринбургской епархии Русской православной церкви

Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Российского государственного гуманитарного университета

Савосичев Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Орловского государственного университета

Самсоненко Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и курортного дела, Сочинский государственный университет туризма и курортного дела

Сапон Владимир Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории политических партий и общественных движений Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Скорик Александр Павлович — доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)

Смирнова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН

Суржикова Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Юркевич Александр Геннадиевич — кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов

**ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ,
представляемым в редакционную коллегия
периодического издания (научного журнала)
«ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ. Серия „ИСТОРИЯ РОССИИ“»**

Рукописи принимаются

— в электронной форме на дискете, диске, в виде послания по электронной почте;

— в формате MS Word 1997–2000 или XP, 14-м кеглем через 1,5 интервала;

— тип файла — RTF.

Объем — от 20 000 до 35 000 (для аспирантов — 16 000) знаков, **включая сноски и межсловные интервалы** (пробелы).

Сноски автоматические концевые:

— в верхней строчке окна MS Word 1997–2000 — <Вставка> — <Сноска> — <Концевую> — <Автоматическая> — <Параметры> — <Концевые сноски> — <Формат номера — 1, 2, 3...>

— или в Word XP — <Вставка> — <Ссылки> — <Сноска> — <Концевые сноски> — <Формат номера — 1, 2, 3>.

Сноски оформляются по ГОСТ 7.1-84 (см. образец)

Таблицы — в файлах MS Word 1997–2000 или XP в составе основного текста.

Название — на русском и английском языках.

Аннотация — на русском и английском языках **от 300** до 500 знаков на каждом языке.

Ключевые слова — до 10 слов и словосочетаний на русском и английском языках.

Об авторе — фамилия, имя, отчество автора полностью; ученая степень, ученое звание, должность.

Место работы — официальное название, название подразделения (кафедры, отдела, центра), где работает автор, почтовый адрес с индексом — на русском и английском языках (в одном файле с текстом статьи).

Все данные — в одном файле с текстом статьи.

Оформление дат: 1917 г., 1920-е гг., 1930—1940-е гг., XIX в., XVIII—XX вв., 19th century.

Сокращения: 1500 чел., 2 млн. руб., 3000 тыс. долл.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ХРИСТИАНСТВО В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВЗГЛЯДОВ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА XIX в.

Р.А. Арсланов

Маклая, 10, корп. 1, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется влияние православия на становление и развитие взглядов одного из крупнейших мыслителей России XIX в., основателя национальной формы либерализма К.Д. Кавелина. Автор показал противоречивый процесс «изживания веры» либеральным интеллигентом, обратив особое внимание на факторы, ведущие к переходу от православия к рациональному типу мышления. В статье исследуется также обращение Кавелина к этической стороне христианского учения, которую он надеялся использовать в целях адаптации либеральных ценностей к условиям России.

Ключевые слова: российский либерализм, интеллигенция, православие, секуляризация сознания, К.Д. Кавелин

Мировоззрение Кавелина складывалось под влиянием семейной обстановки, глубинных ментальных основ дворянского сознания и духовных веяний эпохи 40—50-х гг. XIX в. Его личность формировалась в семье, принадлежавшей к старинному, но незнатному и небогатому дворянскому роду, по семейным преданиям — татарского происхождения. Отец Кавелина — Дмитрий Александрович (1778—1851 гг.) делал на первый взгляд достаточно успешную карьеру министерского чиновника. Однако, будучи от природы слабовольным человеком, склонным к тому же к мистицизму, он так и не смог реализовать себя ни в службе, ни в творчестве. Выйдя в отставку, он «начал впадать в апатию», пытаясь «найти убежище в религии». Но его религиозные устремления вылились, по словам биографа, «...во внешнее благочестие, доходившее до ханжества»¹.

<...> Позднее, описывая впечатления о новой встрече с Кавелиным, поэт констатировал: «Мы не поймем один другого: социальное страдание останется вечною фразой для меня, как для него искания Бога»².

<...> В начале 1840-х гг. Кавелин выступил и с критикой «западной науки» за ее формализм и пренебрежение подлинной, т.е. христианской истиной³.

<...>⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы для биографии из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. — 1886. — № 5. — С. 14.

² Григорьев А.А. Воспоминания. — М., 1988. — С. 90.

³ См.: Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы для биографии... — С. 481.

⁴ ОР РГБ. — Ф. 180. — Оп. 1. — Д. 567. — Л. 3—56.

THE INFLUENCE OF THE CHRISTIANITY ON THE DEVELOPMENT OF SIGHTS OF RUSSIAN LIBERAL OF 19TH CENTURY

R.A. Arslanov

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

In his article R.A. Arslanov analyzes the influence of Orthodoxy on development of sights of K.D. Kavelin (1818—1885), one of the largest thinkers of Russia 19th century, the founder of the national form of liberalism. The author has shown the complex and rather inconsistent process of getting rid of his beliefs. R.A. Arslanov paid attention on the factors leading to transition from Orthodoxy to rational type of thinking. In the article the author also shows Kavelin's reference to the ethical side of the Christian doctrine. Kavelin hoped to make it adequate to liberal values in Russia

Key words: Russian liberalism, intellectuals, Orthodox Christianity, secularization of conscience, Constantine Kavelin

Арсланов Рафаэль Амирович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов
Научный журнал

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2009, № 3

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «История России»:
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, к. 506, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-23-12
E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Подписано в печать 30.10.2009. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз. Заказ № 1155

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419, тел. 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
RUSSIAN HISTORY

2009, N 3

Managing editor *T.O. Sergeeva*

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Tel. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Series «Russian history»:

Miklukho-Makhlaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198
Тел. +7 (495) 434-23-12
E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Tel. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

18232

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «История
России»

Количество
комплектов:

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

18232

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «История России»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб.	коп.	

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ
